Александр Дугин

ЕВРАЗИЙСКАЯ МИССИЯ НУРСУЛТАНА НАЗАРБАЕВА

Москва 2004

Год России в Казахстане

ББК 3.1.2
Д80

Издание этой книги осуществлено при спонсорской поддержке компаний Wimpex и Postnoff, за что автор и издательство выражают им искренную признательность.

Д80 **А.Г. Дугин. Евразийская миссия Нурсултана Назарбаева.
Москва, РОФ "Евразия", 2004 – 288 с.**

Книга известного российского философа, политолога, геополитика, лидера Международного "Евразийского движения" Александра Дугина даёт оригинальную интерпретацию идей и историко–философский портрет Президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева в свете евразийского мировоззрения и интеграционной концепции "Евразийского союза", выдвинутой Н.А.Назарбаевым 29 марта 1994 г.

В книге также даётся краткий конспект евразийского и неоевразийского взгляда на важнейшие события и тенденции современности, обосновывается проект всестороннего сближения между Казахстаном и Россией в целях модернизации, демократизации и развития всего евразийского пространства.

ISBN – 5–902322–01–4

"Евразийский союз альтернативы не имеет"

Нурсултан Назарбаев,
Президент Республики Казахстан

"Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной"

Владимир Путин,
Президент Российской Федерации

Автор выражает искреннюю сердечную благодарность всем тем, кто способствовал написанию, составлению и изданию этой книги.

Сарсенгали Абдугалиевичу Абдыманапову, ректору Национального Евразийского Университета им. Льва Гумилева в Астане, за пропаганду и углубленное развитие евразийских идей в научной среде;

Евгению Константиновичу Паку, члену Исполкома Евразийской Федерации Каратэ–до Сито–рю, Президенту Федерации Каратэ–до Шито–рю Республики Казахстан за содействие в издании настоящего труда;

Георгию Анатольевичу Постнову, президенту компании "Postnoff", способствовавшему выходу в свет этого издания;

Апасу Джумагуловичу Джумагулову, доктору геолого–минералогических наук, академику Международной инженерной Академии и ОСТ–Академии ФРГ, члену Высшего Совета Международного "Евразийского Движения" за ценные советы и конструктивные предложения при подготовке данного издания;

Михаилу Георгиевичу Гаглоеву, председателю Правления "Темпбанка", члену "Евразийского Комитета", за многолетнюю и искреннюю поддержку автора во всех евразийских начинаниях и трудах.

ОПЫТ "ИДЕЙНОГО ПОРТРЕТА" И АРХИТЕКТУРА ТЕКСТА

(Предисловие автора)

Идея этой книги вынашивалась мной давно. Занимаясь евразийством долгие годы, изучив и переиздав основные произведения отцов–основателей евразийства, освоив сокровищницу мысли великого русского историка Льва Николаевича Гумилева, "последнего евразийца" первого призыва, неустанно работая над созданием неоевразийского мировоззрения, возрождённого после исторической паузы советского периода на качественно новом уровне, я был до глубины души поражён одним событием, произошедшем в 1994 году в Московском Государственном Университете. Посреди хаоса и распада 90–х Президент недавно созданной Республики, самой крупной после России среди стран СНГ, Нурсултан Абишевич Назарбаев провозгласил концепцию "Евразийского Союза". Это было как гром среди ясного неба.

Нежданно–негаданно свершилось то, о чём грезили и мечтали, за что боролись и умирали целые поколения евразийцев, большинство из которых не удостоились созерцать наяву начало воплощения в жизнь их заветной мечты. Впервые в истории евразийской мысли политик такого масштаба, Президент огромного независимого государства выступил с официальным провозглашением евразийской доктрины как исторического императива, как универсального призыва, как приглашения не только к мысли, но и к действию, к конкретной реализации евразийского проекта.

Это был поворотный пункт в истории нашей идеи. Проекты стали обретать плоть, система интуиций, обобщений и философских теорий начала воплощаться в конкретную жизнь.

Уже тогда я задумал написать об этом книгу. Ещё не вдаваясь в нюансы назарбаевского плана, не погружаясь в детали предлагаемого им проекта, я понял: мы присутствуем при историческом жесте – так переходят Рубикон, разрубают гордиев узел, провозглашают отсчёт новой эры.

Назарбаев опередил время, он догнал и встал вровень с духом истории, с ритмом процесса развития цивилизации.

С тех пор прошло 10 лет. Все эти годы, это "критическое десятилетие" Президент Казахстана находился на острие государственного строительства, создавал новую, бурно развивающуюся державу, возрождал национальный дух, активно участвовал в международной политике, своей волей вызывал к жизни новую столицу, боролся с врагами, созидал стратегические оси, сохранял верность древней дружбе с соседями, двигался в Европу, обживался в Азии. Но на протяжении всех этих лет евразийская идея не была им оставлена. Он верно сражался на этом пути с преградами и врагами, следуя древнему зову континента, голосу предков, традициям великого славяно-тюркского альянса, породившего величайшую сухопутную империю – от Чингисхана через Золотую Орду к Московскому Царству, Романовской России и Советскому Союзу.

Тем, кто не знаком с теорией евразийства, деятельность Нурсултана Назарбаева в этом направлении может показаться чем-то формальным – дежурными заявлениями, характерными для политиков высокого ранга: обо всём и ни о чём конкретно. Но стоит внимательнее присмотреться к сути, и обнаружится, что это далеко не так. Евразийство – это содержательная, предельно нагруженная конкретным смыслом философия, стратегия, геополитическая платформа, отточенная и живая идея. И, видимо, пришло время говорить об этом подробно и обстоятельно.

Так, через 10 лет после провозглашения Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым курса на "Евразийский Союз", сложилась и вызрела эта книга.

10 евразийских лет… Достаточно, чтобы дать пищу для серьёзного разговора о серьёзных деяниях серьёзного человека…

Структура этой книги призвана расшифровать то, что стоит за евразийской инициативой Президента Казахстана, или, по крайней мере, приблизить нас к такой расшифровке. Это не так просто, учитывая авангардность этого проекта как дерзкого и волевого броска в будущее и стремление участвовать в его деятельном созидании, в творении истории, в наступлении лучшего мира.

В первом разделе я постарался описать содержательную сторону основных евразийских шагов Президента Казахстана, дать своего рода "идеологический портрет" этого политического деятеля. Я пытался осмыслить Назарбаева не как личность, но как архетип, как сгусток исторической силы, как дух Великой Степи, обнаруживший свое присутствие во главе прекрасной, молодой, бурно развивающейся страны. Это портрет идеи, а не индивидуума, голограмма ума и воли, а не психологическая или биографическая зарисовка. В этой части я хотел показать архитектонику, смысл назарбаевского евразийства на фоне исторического контекста, который чаще всего, увы, никак не способствовал укреплению и реализации столь авангардного проекта. Но тем выше заслуга Назарбаева – он шел к своей цели уверенно и ни на что не обращая внимания. Как положено батыру, беку, тюркскому богатырю, исполняющему на распростертой бескрайней земле-матери волю небесного отца – вечно голубого неизменного неба.

Второй раздел посвящён конкретным этапам реализации "Евразийского Союза". В актуальной политической практике Назарбаев видит её в конкретике интеграции постсоветских стран, СНГ. Это евразийство в действии, подготовка реальной платформы для "большого пространства". Интеграция по Назарбаеву не просто слова и лозунги. Она должна воплощаться в конкретные шаги. И важнейшими вехами на этом пути были создание "таможенного союза", организация Евразийского Экономического Сообщества,

Организация Договора о Коллективной Безопасности, подписание соглашения о Едином Экономическом Пространстве. Эти реально существующие, развивающиеся наднациональные структуры – элементы новой конструкции, узлы будущего "Евразийского Союза", модули грядущей реальности. Все они создавались совместно Президентами стран СНГ, проходили апробацию парламентами, требовали огромной работы правительственных экспертов и аналитиков, мобилизации институтов гражданского общества, огромных усилий экономистов. И хотя за этим остовом будущего Союза стоит огромный труд сотен и тысяч высокопоставленных политических деятелей стран СНГ, повсюду мы без труда различаем печать назарбаевской воли. Это его неустанная интеграционная инициатива мобилизует усилия наших братских стран к воссозданию единой дружеской зоны – мира, безопасности, экономического процветания, духовного и культурного единения. Безусловно, сама жизнь подталкивает страны СНГ к сближению: новые риски, угрозы международного терроризма и пролиферации наркоторговли, взаимовыгодность экономической, транспортной, энергетической интеграции – всё это объективно играет на руку евразийцам. Но объективные предпосылки, чтобы стать реальностью, должны быть организованы созидательной волей, собирающей все факторы воедино. Внимательный анализ интеграционных процессов в течение 10 последних лет показывает: роль Нурсултана Назарбаева в них огромна. В большинстве случаев в истоках каждой из этих организаций – его напор, его тактичность, его специфический евразийский стиль, который нельзя ни с чем спутать. Описывая интеграцию, мы тем самым углубляем наше понимание Назарбаева, приближаемся к постижению его идеи. И конкретика интеграционных институтов стран СНГ лишь подчеркивает, высвечивает серьёзность и глубину его намерений.

Строя единое большое пространство в просторах Евразии, Назарбаев строит модель нового мира – многополярного, сбалансированного, демократического, плюрального, мирного и процветающего. У этого мира есть не

только сторонники, но и противники. Кое–кому хотелось бы превратить Евразию в "новые Балканы", разжечь пламя "столкновения цивилизаций", противопоставить друг другу народы и конфессии, этносы и государства. Идеи однополярного мира, доминация атлантизма и одномерной ультралиберальной модели объективно противоречат евразийству. Так идея интеграции получает ещё более конкретное значение: у нее есть не только сторонники, но и противники, не только адепты, но и оппоненты, жесткие критики. Интеграция, при всех своих очевидных плюсах, не само собой разумеющийся процесс. И история становления интеграционных институтов и наднациональных структур в пространстве Евразии далека от идиллии, полна драматических моментов. Критика и сопротивление исходят как извне, так и изнутри. Так прослеживание конкретных этапов евразийской интеграции в последнее десятилетие становится почти детективным расследованием, захватывающим повествованием о новом витке "Большой Игры".

Назарбаев, говоря об интеграции, чаще всего выделяет её экономический аспект. Это справедливо: начиная с экономики проще всего достичь взаимопонимания в мире, где идеалы вторичны, а первичны интересы. Но экономика не более, чем язык. Экономическая теория изначально создавалась классиками как адаптация к сфере хозяйства неких изначальных философских постулатов: Адам Смит своей теорией всего лишь иллюстрировал философский номинализм Локка, Карл Маркс пытался перевести диалектику Гегеля на язык материи. Европа шла к экономическому единству через пламенные утопии романтика и пан–европеиста Шиллера или фанатика интеграции Жана Моне. После тёмных сторон царистского опыта (с налётом колониализма) и советского универсализма политическая интеграция вызовет много вопросов. И чтобы разъяснить всё понадобится время. Экономические плюсы видны здесь и сейчас. Акцент назарбаевского евразийства на экономике совершенно оправдан. Всё, это я постарался истолковать во втором разделе.

Третья часть книги посвящена несущей оси всей евразийской интеграции

– линии Москва–Астана. Здесь более внимательно исследуются российско–казахстанские отношения, прослеживается динамика их поступательного развития, их роль в евразийстве. Россия и Казахстан – две главные части геополитического единства, называемого по–научному "heartland", "сердцевинная земля". Наши страны – интегральные составляющие континентальной части материка, максимально удалённые от береговых зон. Согласно геополитике, это накладывает неизгладимый отпечаток на всю историю и культуру наших народов. Именно из этих континентальных масс периодически исходят животворные импульсы "мировых империй" и молодых этносов, несущих новую волю и свежую кровь изнеженным переразвитым цивилизациям прибрежных зон, утрачивающих пассионарность и высокую этику. Российско–казахстанский союз – это нерв назарбаевской мысли. Этнический казах, глубоко укоренённый в своём народе, возродивший казахскую государственность и независимость, Нурсултан Назарбаев вместе с тем был и остаётся русским человеком, воспринявшим высоты русской культуры, русской науки, русской, советской трудовой этики. Правя многонациональным Казахстаном и воплощая в жизнь заветные чаяния казахов о свободе и независимости, Назарбаев последовательнее других Президентов стран СНГ проводит линию на сохранение и укрепление братских связей с Россией, с русским населением Казахстана. Это неразрывный синтез, который не ущемляет ничьей свободы и независимости, но напротив, лишь усиливает и укрепляет их. Ось Москва–Астана – это ядро интеграции в СНГ, излюбленный евразийский маршрут Президента Назарбаева.

Эта ось имеет противников не только со стороны атлантистов, фанатиков однополярного мира, внешних оппонентов евразийской интеграции. И в Казахстане и в России есть силы, категорически отвергающие назарбаевскую стратегию по российско–казахстанскому сближению. Я включил в эту книгу фрагменты живой полемики с критиками евразийства. Надеюсь, это оправдано. Особенно показательно, что, обрушиваясь на евразийство, казахские и

русские националисты упрекают нас в прямо противоположных "грехах": казахи видят в евразийстве "новую версию колониального российского проекта", рецидив "русского империализма"; русские шовинисты упрекают евразийцев в том, что "они продают Россию тюркам, мусульманам, казахам". Сопоставление этих позиций только убеждает нас в их несостоятельности и добавляет уверенности в правильности назарбаевского евразийского курса. Но и для его идейных противников место в этой книге нашлось.

Четвертый раздел книги посвящён осмыслению евразийства как исторического явления и одновременно футурологического проекта. Здесь я постарался описать наиболее глубокие и основательные стороны этого явления. Евразийство, к которому апеллирует Нурсултан Назарбаев, это полноценная авангардная философия истории, имеющая свою структуру, свою логику, свою методологию, различные уровни, свой собственный язык. Это понятие многозначно и в различных контекстах трактуется по–разному, сохраняя общий стержень. В этой части книги я предпринял экскурс в евразийскую теорию, раскрывая многие моменты, которые не столь очевидны поверхностному наблюдателю – даже тому, кто понял и принял практические и наглядные стороны назарбаевской идеи.

Назарбаев – евразиец, он провозглашает себя таковым. Он приглашает других открыть "евразийца в себе". Но что такое "быть евразийцем?" Что такое евразийство как мировоззрение, как методология, как доктрина, как теория, как истолкование истории и как проект будущего миропорядка? На все эти серьёзные и непростые вопросы я попытался дать ответ. Это резюме моих многолетних исследований, поисков, размышлений, научных трудов, общественной и политической практики. Посвятив всю свою жизнь евразийству, его изучению, его развитию и возрождению, возглавляя Международное "Евразийское Движение", я накопил в этой сфере огромный опыт, сосредоточил солидный объём знаний. Суть этой многолетней работы я попытался изложить в краткой форме в 4–ом разделе этой книги с тем, чтобы миссия

Нурсултана Назарбаева, масштаб его идей и деяний открылись нам в наиболее глубинном измерении, как звено в золотой цепи евразийского завета, соединяющего глубокую древность с грядущим миром в непрерывный цикл жизнеутверждающей солнечной энергии.

Быть евразийцем обязывает ко многому. Это как присяга, как клятва, как обещание, как дисциплина и вступление в правонаследие великой силы. Силы, которая создает будущее.

Заканчивается книга круглым столом в программе Виталия Третьякова "Что делать?", где вместе с аналитиками и специалистами принял участие и сам Президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев. В ходе живого и содержательного обсуждения этой темы с недавно ушедшим от нас ученым-евразийцем Александром Панариным, с гордостью евразийской словесности киргизским писателем и дипломатом Чингизом Айтматовым, с известным российским политологом Алексеем Салминым, с либеральным критиком и атлантистом Евгением Волком Назарбаев говорит о евразийстве *от первого лица*, излагает своё видение, приводит свои аргументы, спорит, соглашается, поправляет, негодует или радуется. Так в конце книги её главный герой появляется в плоти и крови, как живой человек, думающий, переживающий, утверждающий, опровергающий. Это как печать, замыкающая цикл. Назарбаев–человек встречается с Назарбаевым–идеей, решая извечный русский вопрос: "Что делать?" И у меня, участника этой встречи, сложилось твердое убеждение: *он знает –"что"!*

Если мы сумеем понять смысл евразийской миссии Нурсултана Назарбаева, мы тоже будет знать это. Хотя это не избавляет нас от сомнений, усилий, поисков, новых и новых рефлексий, но чертит ясный вектор дальнейшего пути – с опорой на древние наши корни и стрелой высшей воли в лучшее будущее. В едином Евразийском Союзе.

Часть I.

Евразийское время Нурсултана Назарбаева

ЕВРАЗИЙСКОЕ ВРЕМЯ НУРСУЛТАНА НАЗАРБАЕВА

(об историческом значении заявления Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева в марте 1994 г. о "Евразийском Союзе")

3 июня 1994 г. Президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев направил всем главам государств СНГ документ, историческое значение которого нам только предстоит оценить – "Проект о формировании Евразийского союза государств". Именно с этого момента стало возможно говорить *о превращении евразийства из чистой теории в конкретную политическую практику*. Судьба этой инициативы, которая постепенно переросла в очень серьёзную интеграционную стратегию, показательна. На начальном этапе она встретила довольно прохладную реакцию со стороны Москвы. Большинство стран СНГ также не проявили к ней особого интереса. Для того, чтобы понять причины этого, стоит вспомнить отдельные аспекты нашей недавней истории.

Расчленение Советского Союза было последним, результирующим этапом краха биполярной мировой системы, которая сложилась в конце Второй мировой войны – так называемого "Ялтинского мира". С конца 80-х годов один из полюсов этого биполярного мира стал бурно разлагаться. Показательно, что триггером этого распада были отнюдь не сепаратистские тенденции в несущих частях советского лагеря, но общий системный кризис всей идеолого-стратегической конструкции. Внешнее давление со стороны Западного мира имело достаточно стабильную интенсивность, и приписать его усилению процесс распада организации Варшавского договора, а после – СССР, нельзя. Это давление, конечно, сказалось, но лишь в тот момент, когда внутренне распалось само "ядро" советской системы, её концептуальный и мировоззренческий центр. Это при том, что вектор западного давления

был довольно рассеянным. Специальные операции по провоцированию сепаратистских настроений на периферии соцлагеря и в некоторых советских республиках, безусловно, велись, но эффект от них был довольно незначителен и легко блокировался системой Госбезопасности мощно централизованного Государства. В своё время НКВД справился с сепаратизмом гораздо более глубоким и серьёзным. В позднесоветский период массовой социальной почвы для развития сепаратистских тенденций не было. Если какие-то реальные результаты от этих операций и наблюдались в странах Восточной Европы, то в рамках СССР подобные явления практически отсутствовали. Так что "очаг поражения" располагался не на периферии, а в самом центре советской системы, в её элите. По этой причине центробежные тенденции в бывших советских республиках сначала шли очень вяло и искусственно. Республики просто реагировали на состояние центра, стремительно деградировавшего при Горбачеве, молниеносно теряющего идеологическую, экономическую, стратегическую, политическую вменяемость.

Горбачевский вектор на стратегическое самоликвидаторство был продолжен и значительно усилен в первой половине ельцинского правления, которое, собственно, и началось с ликвидации СССР. Совершенно очевидно, что и в этом случае инициатором распада была именно Москва – личные властно-политические интересы Ельцина совпадали в тот момент с процессом стратегического сжатия. Это не было революцией или заменой одной пространственно-исторической концепции другой. Это было лишь *инерцией распада*. И распад этот был ясно локализован: *главные процессы проходили в Москве*. Ельцин решил придать России совершенно новый, доселе невиданный, статус. Если СССР, шире – "соцлагерь", или, скажем, Российская Империя, были мощными геополитическими субъектами, то Ельцин провозгласил, что Россия не более, чем "региональная держава", "страна наряду с другими". В принципе, этот ход был *прямым отрицанием евразийства*, его стратегической, политической, экономичес-

кой и цивилизационной антитезой. Евразийство во всех его исторических проявлениях, в качестве главной и фундаментальной предпосылки, исходило из уникальности и самобытности России–Евразии. Евразийство подразумевает, что Россия не просто одна из стран, но особое *"месторазвитие"*, пространство уникальной цивилизации, не тождественной ни Западу, ни Востоку. Попытка превратить постсоветскую Россию в "нормальную страну, отличающуюся от западного мира только своей технологической, экономической, культурной и социальной недоразвитостью", тотально отрицала фундаментальные принципы евразийства.

Конечно, руководство вновь образованных "независимых Государств" поспешило воспользоваться внутренним распадом центра и стало активно эксплуатировать буквально "свалившийся на них с неба" суверенитет, за который ничем не было заплачено, который даже не был ими хоть сколько-нибудь настойчиво затребован. Инициатива шла из Москвы. Содружество Независимых Государств в тот момент возникло как временная паллиативная переходная форма. Полностью разорвать единую интегрированную советскую систему в одночасье было невозможно – это могло бы привести к хаотическим и неуправляемым процессам. Но СНГ и парад суверенитетов изначально мыслились именно как форма постепенного взаимного отчуждения, как *"цивилизованный развод"*, когда бывшие супруги, полностью охладев друг к другу, соблюдают внешне правила приличия, но живут совершенно обособленной жизнью, неспешно деля имущество. СНГ изначально был именно такой дезинтеграционной ("бракоразводной") структурой. Впоследствии практические недостатки дезинтеграции, приведшие к колоссальным материальным потерям, особенно серьёзно сказались именно на вновь образованных государствах. Стратегически же в исторической перспективе больше всех пострадала Россия, которая без прямого поражения в "горячей" войне в одночасье утратила статус "мировой державы" и опустилась до уровня слаборазвитой отсталой региональной страны.

С самой зари своей политической истории Русь шла к универсализации своей миссии, к евразийской стратегической интеграции. Этого не отрицали даже российские западники – ни монархически-консервативные, ни либеральные. И вдруг, совершенно деморализованные в период позднесоветской стагнации правители и "интеллигенты" ни с того, ни с сего объявляют, что всё это "тысячелетнее историческое недоразумение" и что Россия только сейчас получает шанс войти в цивилизацию, куда её раньше не пускали, да и сама она не особенно стремилась. Такой вектор размышления, прочно связанный с либерал-реформаторским направлением в новейшей российской политике, естественно, рассматривал страны СНГ как "обузу для России", ещё более отсталую периферию, от которой по возможности следует дистанцироваться и избавляться. С точки зрения антиевразийских сил, это было вполне логично.

Далее на повестке дня вставали следующие этапы того же процесса – *дезинтеграция уже в самой России.* Никаких весомых аргументов, кроме силового и произвольно-властного, для сохранения территориальной целостности РФ в тот момент не было. Государства с такими границами, с такой неопределённой идеологией, с таким этническим составом, как у ельцинской России, исторически никогда не существовало, и не было выработано никакой мировоззренческой модели, хоть сколько-нибудь социально принятой, которая оправдывала бы его существование. Эту линию либерал-демократические круги попытались продолжить и при Ельцине. Чечня и Татарстан, в меньшей степени Башкирия, даже рискнули "забежать вперёд паровоза" и попытались реализовать формулу СНГ-2 уже внутри России. Однако здесь уже в качестве непримиримого противника дальнейшей дезинтеграции выступил тот, от кого этого менее всего можно было ожидать – Президент Ельцин. Не вполне понятно, чем эту его позицию можно объяснить. Во всяком случае, сознательным евразийцем он не был. Возможно, это был результат противостояния двух околопрезидентских групп, одна из которых

проецировала фрагментарный национальный консервативный импульс на ситуацию в РФ. Вероятно, и в сложной психологии самого Ельцина существовали какие–то державные фрагменты, которые не позволили ему окончательно превратиться в послушную марионетку безпринципных ликвидаторов–западников. Как бы то ни было, процесс дезинтеграции евразийского политического пространства был несколько приостановлен. И недолеченный конфликт в Чечне – кровоточащее напоминание об этом третьем дезинтеграционном этапе, который чуть было не стал необратимым.

В 1994 году ситуация с СНГ и РФ несколько стабилизировалась. Москва решила закрепить статус–кво. Республики слегка оправились после первоначального шока и стали приспосабливаться к новым условиям. Именно в этот момент Президент Казахстана – гигантской среднеазиатской республики, имеющей для России ключевое, приоритетное значение на Южном направлении – *выступает с инициативой евразийской реинтеграции.* Это был чрезвычайно авангардный ход, ход *судьбоносный*. Можно сказать, что с этого момента – с 3 июня 1994 года – *следует отсчитывать новую эпоху.* В то время постсоветская евразийская пространственно–стратегическая система достигла своей *нижней критической точки.* Если бы в этот момент не обозначился политически *противоположный* вектор, трудно предположить, по какому сценарию пошли бы процессы и в самой России.

Сущность революционного геополитического проекта Назарбаева состояла в *"переворачивании полюсов"*. Если СНГ возник как промежуточная модель дезинтеграции и имел отрицательное стратегическое значение, то идея Евразийского Союза (ЕАС) меняла смысл СНГ *на прямо противоположный*, предлагая рассматривать это неопределённое образование как *потенциальное поле нового объединения.* Когда критики инициативы Назарбаева, особенно со стороны Украины и некоторых Среднеазиатских государств, указывали на то, что проект ЕАС "просто дублирует структуры СНГ", они не учитывали, или делали вид, что не учитывают, *полярность смыслов.* Можно ска–

зать, что Назарбаев предложил поменять не маршрут прокладки рельсов, *а направление самого движения*. Это было не дублирование СНГ, это было предложение о создании своего рода "СНГ наоборот".

Удивительно, с исторической точки зрения, что источником этой инициативы выступил Президент Казахстана. В данном случае мы имеем дело с редким явлением в политической истории, когда вожди региональных держав *поднимаются высоко над горизонтом подконтрольного им ареала и становятся на один уровень с высокими силами самой Судьбы*. С той поры Нурсултан Назарбаев никогда, даже в самые сложные моменты, не отступал от своей идеи. Естественно, Москва, двигаясь по инерции геополитического распада, с абсолютно неадекватным истеблишментом, пронизанным духом разложения и безответственности, отнеслась к этой инициативе настороженно. Едва ли будучи в состоянии понять истинный смысл этого проекта, в нём увидели "стремление казахского Президента решить ряд экономических вопросов обходным путём", либо "желание повысить свой политический статус в Азии", либо даже "реакционное стремление вернуться к Советскому Союзу". Либералы отвергали проект ЕАС по материальным причинам: мол, "снова на Россию хотят повесить огромный регион, ещё более слаборазвитый, чем мы сами"; националисты или патриоты в рамках РФ, прибегали к этническим аргументам: мол, "нам, русским и православным, ни к чему союз с инородцами и мусульманами". Большинство же истеблишмента, по старой чиновничьей привычке, просто не хотело думать.

Назарбаев в тот момент не мог найти адекватные политические силы для солидной и последовательной поддержки его проекта в России. КПРФ, позитивно отреагировавшая на проект Назарбаева, примитивно видела в нём лишь возврат к советской идее, не замечая совершенно *иной мировоззренческой окраски евразийской философии*. К тому же коммунисты в тот момент не были влиятельной политической силой. Центристы же ельцинского периода доктринально окормлялись олигархами–атлантистами, что делало

их заведомыми противниками любого интеграционного импульса. Представители российской неоевразийской школы в то время ещё не имели самостоятельного политического лица, выступая главным образом как интеллектуально-философская и геополитическая школа. Возможности для трансляции своего отношения к евразийскому проекту Назарбаева и возможности его лоббирования в то время у них были крайне ограничены. Тем не менее *эта школа активно поддержала Назарбаева на концептуальном уровне, повлияв определенным образом на положительную оценку его плана некоторыми влиятельными российскими политиками и руководителями силовых министерств.*

Вопрос о принятии назарбаевского проекта был вопросом историческим, *глобальным*. Даже для того, чтобы адекватно обсуждать его, необходим был очень высокий уровень концептуального обобщения, геополитический кругозор, ясное понимание важнейших мировых процессов. Очевидно, что ничего этого в наличии не было ни в Кремле, ни в столицах других стран СНГ. *Назарбаева не поняли.* Несмотря на проведение ряда круглых столов, конференций, на активную концептуальную и издательскую деятельность, проект ЕАС долгое время оставался *невостребованным.* Иначе, впрочем, и быть не могло. Но *Назарбаев не сдавался*. Он сделал евразийство главной точкой приложения образовательных, культурных, исторических и мировоззренческих усилий в Казахстане. Приступил к работе "Евразийский Университет" в Астане. Активно изучается в Казахстане наследие великого евразийского историка Льва Гумилева. Стали постепенно реализовываться некоторые аспекты евразийского проекта. Пять стран СНГ объединились в "таможенный союз". Политическую практику евразийской интеграции на определённом этапе подхватил Президент Беларуси Александр Лукашенко. Актуальность евразийства становилась всё более и более очевидной.

Но "ключ к Евразии" по-прежнему лежал в Москве. Перелом наступил с приходом Владимира Путина. Это *рассветная фигура Евразии.* Владимир

Путин – идеальный "субъект диалога" для Нурсултана Назарбаева. Он явно не сторонник дезинтеграции, и его поведение в вопросах Чечни и Татарстана об этом красноречиво свидетельствует. В то же время Путину чужд архаический "советизм". Будучи трезвым и ответственным политиком, он не может не понимать, что и чисто националистический, "ура–патриотический" вариант развития для России закрыт. В этом отношении крайне показательны его интеграционные шаги последнего времени, в частности, участие в создании Евразийского Экономического Сообщества, Единого Экономического Пространства.

Евразийство не просто другое название для и так существующей координации стран СНГ в некоторых отдельных областях: в военной, экономической, ресурсной. *Евразийство – это радикально новый вектор исторического развития, новая идеология.* При Путине назарбаевские проекты наконец–то получили самое важное, чего им не хватало все эти годы – *солидарность и понимание Кремля.* Назарбаев *опередил время.* Теперь время его стремительно догоняет.

Сегодня создание Евразийского Союза – наша общая цель.

ГРАНИ БОЛЬШОГО ПРОЕКТА

(евразийский анализ книги Нурсултана Назарбаева "Критическое Десятилетие")

Мысль и действие

Вопреки названию, книга Нурсултана Назарбаева "Критическое десятилетие" написана не в привычном для политиков такого ранга жанре политических мемуаров, – где осторожно описанные и, как правило, всем известные политические события перемежаются вкраплениями личных замечаний, биографических деталей и поверхностных суждений, – но в совершенно ином ключе. Перед нами книга мыслителя, стратега, философа и аналитика, которого занимают вещи фундаментальные и судьбоносные. Эта книга программная, концептуальная, стратегическая. В ней запечатлена рефлексия масштабной исторической личности, которая не искусственно набивает себе цену, но просто существует на том головокружительном уровне, где отвлечённые проекты, теории и планы сопрягаются с конкретным ритмом жизни. У книги две стороны, и именно их сочетание делает её уникальной: это и последовательный профессиональный, великолепно написанный геополитический трактат, и вместе с тем, обзор реальных шагов и деяний, уже осуществлённых или намеченных к реализации автором. Мысль и дело, теория и конкретная жизнь неразрывно пересеклись в Нурсултане Назарбаеве, первом президенте нового Казахстана, и сделали эту книгу в своём роде уникальной. Она повествует о том, что действительно важно. В ней нет ни доли политического кокетства; перед нами действительно великий человек, масштабная историческая личность, которая пребывает в своём естественном состоянии: мысли и действия.

Вызов глобализма

Проблема, которая не оставляет Нурсултана Назарбаева на протяжении всей книги, это тема глобализации, глобализма. Это, пожалуй, осевой момент всех его размышлений. Назарбаев всматривается в глобализацию самым внимательным образом, анализирует её различные стороны, применяет её принципы к ситуации в Казахстане, в Центральной Азии, Евразии и в мире в целом, постоянно даёт новые и новые определения, стремясь схватить суть этого сложнейшего явления. Чтобы прояснить его содержание, Президент Казахстана пускается в сложные геополитические экскурсы, окидывая взглядом целые политические эпохи от Верденского договора до окончания "холодной войны". С глубинной эрудицией Назарбаев прослеживает парадигмальные сдвиги мировой истории, показывает преемственность и пункты разрыва каждой системы международного порядка по сравнению с предыдущей и последующей. Ёмкие и отточенные формулы уверенными штрихами суммируют развитие цивилизации – от древних империй до современных национальных государств и различных систем "европейского концерта". Но мысль Назарбаева не прикована только к Европе и европейской истории. Постоянно в его тексте прослеживается глубокий интерес к Азии, к странам Востока, к национальной истории казахов. Общий обзор эволюции политических и геополитических систем имеет постоянный фокус: казахский народ, его исторические судьбы, его культура, его место во времени и в пространстве, его исторические особенности, перспективы, уникальность его геополитического положения на пересечении всех основных силовых линий цивилизации: Восток и Запад, традиция и модернизация, православие и ислам, тюркские и индо-европейские этносы. Назарбаев в ходе всей книги даёт отчётливый портрет совершенно определённого исторического и геополитического субъекта, которым является казахский народ,

наследник тысячелетних традиций, выходящий сегодня на мировую арену, быть может, впервые как полноценный и активный участник основных процессов современности.

В книге Назарбаева главным действующим лицом является не сам он, автор, но именно казахский народ, его дух, его общественное, коллективное "я", воплощённое в мысли того, кто стал во главе него на переломном историческом этапе – в это, поистине, "критическое десятилетие". И самое серьёзное, сложное и ответственное явление, с которым сталкивается пробудившийся народ, – это глобализация. Выйдя на историческую арену, он сразу же очутился в плотной геополитической среде, глобализационные процессы которой немедленно бросают Казахстану, казахам, Президенту серию безотлагательных вызовов: в политике, экономике, социальной сфере, международных отношениях, вопросах безопасности и стратегического развития. Не осмыслив должным образом феномена глобализации, в нашем мире нельзя сделать ни одного ответственного шага в качестве полноценного исторического и геополитического субъекта; это настолько серьёзное и мощное явление, что оно захватывает всех и каждого, легко превращая в объект, в предмет внешнего манипулирования, если только не проявить в этом вопросе максимум ума и воли, не предложить системы собственных ответов, основанных на реальном потенциале и серьёзной решимости отстоять своё видение национального будущего.

Нурсултан Назарбаев прекрасно понимает и ёмко описывает двусмысленность глобализации: с одной стороны, она привлекательна и объективна, даёт возможность модернизации экономики и общества, поощряет диалог культур и цивилизаций, расширяет горизонты; с другой стороны, однополярный мир и западные страны склонны трактовать глобализацию субъективно, извлекая из процесса открытости стран Востока единоличную пользу, сокрушая самобытность культур, лишая, по сути, государства, народы и социальные системы суверенности и самобытности, порождая неравенство, нищету, угрозы терроризма и пролиферации наркотиков.

Без устали Назарбаев снова и снова возвращается к этой проблеме. И делает это предельно честно: приводя положительные и отрицательные стороны глобализма, ёмко и отчетливо формулируя их суть, он воздерживается от окончательного суждения, демократически предоставляя сделать его народу, интеллектуальной элите, самой истории. Мало кто из государственных лидеров такого масштаба столь остро ставит проблему и столь честно предоставляет её решение своему народу, элитам, массам. По сути, выдвижение Назарбаевым в книге "Критическое десятилетие" центрального тезиса о глобализации направлено на то, чтобы мобилизовать интеллектуальный потенциал нации, включить широкие пласты общества в процесс соучастия в делании истории, в сложнейшей стихии открытого и взвешенного выбора дальнейшего национального пути.

Не только сам Назарбаев становится на один уровень с историей, он возвышает до него свой народ, интегрируя его в реальную и напряжённую проблематику, конкретизируя болевые точки современности, приглашая к фундаментальному сотворчеству в деле творения национального будущего. Вдумаемся в эту острую дилемму глобализма, вскрытую Назарбаевым: отказ от глобализации неминуемо ведёт к стагнации и отсталости, её некритическое принятие лишает страну суверенности, делает её объектом "новой колонизации", размывает культурную и национальную идентичность. У Президента Казахстана есть, конечно, своё решение, но оно не будет воспринято адекватно, пока общество всерьёз не задумается над остротой проблемы. Поэтому собственное решение Нурсултан Назарбаев в своей книге подразумевает, но не спешит говорить о нём во всеуслышание. Если подсказать ответ до того, как станет понятен вопрос, вся проблематика будет скомкана. Сам Назарбаев явно относится к данной книге с особым вниманием: это своего рода философский и политический завет, программное и чрезвычайно содержательное обраще-

ние к нации, поэтому и осознано всё должно быть самым тщательным образом. Ещё раз: это не книга для галочки, это книга для ума и сердца, для жизни и вершения народом своей судьбы.

Чтобы не навредить изначальному замыслу автора, мы выскажем здесь лишь гипотезу относительно того, как нам представляется решение Назарбаевым антиномии глобализма, его сложнейшей теоремы. Мы не претендуем на то, что точно расшифровали его замысел, и опишем своё собственное видение, свободный парафраз этого геополитического послания.

Евразийское решение

На наш взгляд, теорема глобализации решается Назарбаевым через обращение к евразийству. Это своего рода "золотая середина", как пишет автор, "третий путь" между двумя крайностям, тонкий и глубокий цивилизационный выбор, снимающий фундаментальные противоречия нашей эпохи. И утверждая евразийство, Назарбаев не только даёт блистательное решение для казахского пути, но и поднимается над национальным контекстом, возвышаясь до уровня политического мыслителя континентального масштаба. Евразийство Назарбаева – это многомерный ответ в отношении выбора образа будущего: и на национальном, и на региональном, и на континентальном, и даже на мировом уровне. Отвечая на универсальный вызов глобализации, Назарбаев сам вовлекается в сферу глобального, а значит, его выводы, рекомендации, система приоритетов сами приобретают глобальный характер, важный и содержательный для всех остальных. С этим, видимо, связан такой широкий интерес к данной книге за пределами Казахстана; сразу после выхода в свет она была переведена на многие иностранные языки – европейские и азиатские.

В чём смысл евразийства по Назарбаеву? Коротко на это ответить сложно: евразийство – полноценная геополитическая, философская, историчес-

кая, мировоззренческая система, и как таковая требует тщательного и досконального изучения. Сам Назарбаев не скрывает того, что опирается в этом вопросе и на плеяду блестящих русских философов начала XX века (Трубецкой, Савицкий, Алексеев, Карсавин), создавших впервые евразийское учение, и на труды выдающегося современного историка Льва Гумилева (чьим именем назван Евразийский Университет в Астане), и на современное развитие евразийских идей в сфере геополитической методологии, но, вместе с тем, евразийство Назарбаева имеет уникальные новаторские черты. С одной стороны, он первым из крупнейших политиков мирового масштаба придал евразийскому теоретическому корпусу зримое воплощение в реальной политике – само по себе это уже подвиг, – но при этом он внёс в евразийское мировоззрение огромный теоретический вклад, сочетав его с новаторским экономическим, социальным, стратегическим подходом, неразрывно связав евразийство с демократией, толерантностью, императивом развития гражданского общества, социальной динамикой. Следует подчеркнуть: речь идёт не просто об адаптации евразийских идей к конкретным условиям современного Казахстана и Центральной Азии, но о развитии универсального содержания этого учения.

Доктрина Назарбаева в отношении современного евразийства яснее всего проявляется в его концепции "Евразийского Союза". Это и есть ёмкое и краткое изложение сути его идей. Это и есть назарбаевский ответ на вызов глобализации. Концепция "Евразийского Союза", отстаиваемая Назарбаевым в его политической практике и описанная в других трудах, является ключом и к пониманию книги "Критическое десятилетие". Осью этого десятилетия и была последовательная борьба за триумф евразийской стратегии и евразийского подхода к той ситуации, в которой оказалось молодое казахское государство. По сути, проект "Евразийского Союза", выдвинутый Назарбаевым, это способ воспринять от глобализации позитивные стороны и избежать её негативных сторон. Смысл евразийского проекта состоит в сле-

дующем: глобализация принимается в ограниченном пространственном масштабе в случае народов и государств, связанных культурными, цивилизационными, историческими узами, интегрированными по экономическим параметрам, со сходной социальной системой, с "общностью судьбы" (И.Гаспринский). Перед лицом более развитых стран Запада и менее развитых обществ Востока, "Евразийский Союз" объединяет в единое экономическое, стратегическое, геополитическое и, в конечном счёте, политическое пространство страны северной Евразии и Центральной Азии, способствует их совместному развитию, модернизирует техносферу и экономику, проводит сбалансированную политику тарифов, квот, эмиссии, создаёт общую таможенную и транспортную систему, интегрирует топливно–энергетический комплекс, вырабатывает стандартизированное законодательство, регулирующее хозяйственную деятельность, приводит к требуемым стандартам структуру Вооруженных Сил. Это можно рассматривать как версию "региональной глобализации" по модели Евросоюза. И в этом аспекте Назарбаева вполне можно отнести к глобалистам, но только к евразийским глобалистам.

Основное различие со сторонниками однополярного мира, атлантистами и глобалистами без всяких дополнительных пояснений состоит в данном случае в том, что мировая интеграция рассматривается как естественный и органичный процесс, протекающий в различных регионах мира со своей скоростью и со своей региональной спецификой, а не сразу, и не по одному универсальному, заведомо заданному стандарту. Между тотальной глобализацией с её планетарными клише и ныне существующим разбросом в политико–экономическом, информационном, социальном развитии национальных государств утверждается промежуточная стадия: региональная стандартизация, интеграция "больших пространств", которая будет учитывать цивилизационную специфику, культурные, исторические и социальные особенности стран того или иного региона мира. А то, что Центральная Азия и Казахстан имеют ярко выраженные отличия как от западных стран, так и от

других азиатских и исламских обществ, Назарбаев осознаёт пронзительно.

Евразийство – это выход из положения: оно оставляет открытой возможность дальнейшего включения в мировую систему, но при этом чётко следует принципу сохранения национальной идентичности и позволяет в любой момент поставить заслон негативным явлениям, сопровождающим глобализационные процессы.

Практика "Евразийского Союза"

В книге Президента Назарбаева подробно описаны конкретные шаги, предпринятые автором для воплощения этой евразийской модели в жизнь на протяжении всего "критического десятилетия". Важнейшими этапами являются провозглашение "Таможенного Союза", подписание Договора о Коллективной Безопасности (с 2003 года – ОДКБ), создание структуры ШОС с участием Китая, далее ЕврАзЭС, и наконец, "Единого Экономического Пространства" с участием Украины, которая ранее избегала любых интеграционных инициатив. Эти сокращения, звучащие несколько официозно, являются впечатляющим памятником практическому евразийству Нурсултана Назарбаева, воздвигнутым при жизни. Это этапы упорного и, подчас, очень трудного продвижения к "Евразийскому Союзу", призванному объединить СНГ и, быть может, некоторые иные страны в единое мощное образование – на демократической основе и с высокой гуманной миссией.

Известно, что на Западе, увы, многие по–прежнему скептически смотрят на интеграционные процессы в СНГ, считая их "замаскированным российским империализмом". Но тот факт, что эти инициативы на протяжении всего "критического десятилетия" исходят преимущественно от Президента Казахстана, огромной тюркской страны, с успешно развивающейся экономикой и социальной сферой, разрушает эти искусственные построения. Не случайно Назарбаев так жёстко не приемлет разговоров о "столкновении цивили–

заций", "евразийских Балканах" и т.д., явно полемизируя с атлантистскими стратегами Бжезинским и Хантингтоном, сделавшими из ненависти к России культ и одержимыми навязчивой идеей её расчленения и раскола по этно–конфессиональным параметрам. Инициатива евразийской интеграции идёт не из Москвы, которая при Ельцине вообще прохладно воспринимала казахские начинания, но из самого сердца Центральной Азии, из демократического, успешно адаптировавшегося к новым экономическим условиям и на практике укрепившего свой суверенитет Казахстана.

Если прежние евразийцы мыслили книгами, историческими экскурсами и геополитическими проектами, то Назарбаев мыслит *конкретными структурами*, которые по настоящему связывают континент, реализуют евразийскую мечту о братском союзе славянских и тюркских народов, православных и мусульман в деле строительства великой континентальной державы – развитой, динамичной, безопасной, процветающей, сохраняющей культурную и цивилизационную самобытность, но открытую всему миру. И эти задуманные структуры, чье значение и смысл подробно описаны в книге, на наших глазах становятся реальностью, превращаясь в полноценный *евразийский процесс.*

Духовная идентичность

Нурсултан Назарбаев демонстрирует, что его представления о национальной идентичности казахов фундаментальны и обстоятельны. Он не ограничивается набором поверхностных пустых фраз, он серьёзно анализирует составляющие этой идентичности, большое внимание уделяя балансу этнических традиций, светскому устройству общества, исторической связи с другими народами Центральной Азии, братским узам с Россией. Особое место в книге занимает вопрос ислама. Это принципиальный момент, так как исламский фактор в условиях глобализации стал

одной из самых острых тем. В некоторых СМИ появилось клише "угрозы ислама", эта религия стала восприниматься как синоним экстремального отвержения глобализма, как источник и основная идейная платформа современного террора, сепаратизма.

Казахи традиционно исповедуют ислам, следовательно, и в этом вопросе от Президента требовалась ясность в определениях и проектах. Пойдёт ли страна по исламскому пути в стиле Ирана или останется на жёстко светских позициях, как Турция? И здесь Назарбаев находит особое, евразийское решение. Во–первых, он протестует против очернения ислама как традиционной конфессии, с негодованием отбрасывая как несостоятельный миф об "исламской угрозе". При этом он жёстко осуждает радикализм и фундаментализм в вопросах религии, указывая, что такие версии были для казахов исторически чуждыми, и их ограниченное распространение называя "идеологическим импортом".

В Казахстане распространён традиционный ислам ханафистского мазхаба, в сочетании с глубоко укоренёнными суфийскими традициями. Суфизму Назарбаев посвятил несколько страниц, подробно говоря о Ходже Ахмеде Яссави, основоположнике суфийской школы, распространившейся в Туркестане. В суфизме Назарбаев видит важнейший элемент, связывающий традиционный ислам с особостью национальной культуры казахов. Тёплые и искренние слова, сказанные Назарбаевым относительно традиции тарикатов, суфийских орденов, показывают, насколько глубоко Президент знает свой народ и его духовную культуру. Представить себе Президента Франции, рассуждающего о "герметизме", или Президента России, описывающего историю исихазма, довольно трудно. В этом Назарбаев в лучшем смысле слова консервативен: отстаивая социальную модернизацию и светские основы общества, он, вместе с тем, бережно относится к сокровищам религиозного и национального духа.

Таким образом, в книге чётко определена религиозная составляющая казахской идентичности – светское общество, опирающееся на традиционный ислам и суфийскую духовность, в сочетании с национальной культурой, открытой для диалога с иными культурами и религиями.

Угрозы безопасности

Значительное место в книге Назарбаев отводит теме безопасности. Молодое государство строится и укрепляется в сложном мире, пронизанном рисками и опасностями. Большое значение имеют территориальное расположение Казахстана, демографический фактор, этно–конфессиональные особенности, а также транзитивный, как подчеркивает автор, характер современного казахского общества.

Будучи зоной преимущественного распространения исламской религии, Казахстан автоматически становится объектом для проникновения радикальных исламистских террористических организаций, ставящих своей целью отмену светского строя, установление "исламского порядка". Назарбаев внимательно анализирует существующие исламистские организации и секты, разбирает методы их идеологической и организационной практики, модели внедрения и пропаганды. Социальные проблемы, реально существующие экономические трудности используются религиозными экстремистами для обработки слабовольных и некомпетентных людей.

Другой разновидностью терроризма является воинствующий национализм, который как "детская болезнь" свойственен вновь образованным государствам. И наконец, глобализация в области культуры, нравов, распространения социальных и поведенческих клише делает общество податливым для иных форм идеологического воздействия, чреватого терроризмом – тоталитарные секты, экстремистские социальные идеологии и т.д.

Осознание серьёзности этих вызовов требует не просто усиления административных мер, хотя книга Назарбаева к этому фактически призывает, но и глубинной профилактики в культурной сфере, в СМИ, в работе с различными слоями населения и приоритетно с молодежью. В здоровый организм болезнь не проникает, и учёт рисков и опасностей приводит к системе вполне созидательных и позитивных мер.

Помимо экстремизма и терроризма под масками "ислама" в Казахстане существует демографическая опасность – огромные территории слабо заселены, а рядом находится перенаселённый Китай, экономически развитый и геополитически всё более активный с каждым днём. Партнёрство с Пекином в рамках ШОС и двухсторонних отношений – важный инструмент для контроля над ситуацией, однако, определённые риски сохраняются.

И наконец, болезненная тема наркомании и наркоторговли. Она вызывает у Назарбаева искреннюю тревогу и глубокую озабоченность. Казахстан в географии криминальной карты мировой наркоторговли занимает центральное положение нелегального транзита. Стратегические плюсы такого местоположения в данном случае превращаются в угрозу. Потоки наркотиков текут из Афганистана и Пакистана в Россию и Европу как раз через территорию Казахстана, превращая его в зону повышенного риска. Это осложняется ростом наркозависимости у самих казахов, и цифры статистики, приведённые в книге Назарбаева, увы, удручают. Чёрный бизнес наркоторговли становится настоящей геополитической угрозой как для самого Казахстана, так и для стран СНГ. Здесь также необходимо решить сложную теорему: как осуществить интеграцию экономики, но, в то же время, поставить надёжные барьеры для пролиферации криминала, наркотрафика, терроризма и экстремизма, которые тоже тяготеют к своего рода "евразийской интеграции", используя в своих тёмных целях сближение между государствами и народами. Назарбаев видит решение в консолидации усилий правоохранительных органов всех соседних государств, в создании единой системы борьбы с этим общим для всех нас злом.

Дар Огня

Книга Нурсултана Назарбаева "Критическое десятилетие" оставляет сильное впечатление. Она не только повествует о том, что сделано, но показывает путь в будущее, даёт чёткое представление о том напряжённом состоянии, о том высочайшем интеллектуальном и экзистенциальном градусе, в котором делается конкретная живая история. Будто мы заглянули в творческую лабораторию судьбы, где ткётся полотно евразийской реальности, новой и древней одновременно, призванной создать лучший мир для всех нас.

Назарбаев – политик, президент, крупнейший государственный деятель, теоретик и практик "нового евразийства", учёный. Но он ещё и настоящий пассионарий (в терминологии Гумилева), человек, пронизанный мощным экзистенциальным зарядом, носитель особой евразийской, тюркской, кочевой харизмы, сын своего народа, с пронзительным, уходящим вдаль взором. От него остаётся ощущение огненной стихии. И не случайно "Введение" в книгу "Критическое десятилетие" называется "Память огня".

Огонь и воздух – казахские назарбаевские стихии. Они опасны, они опьяняют, они пугают и манят. Это вкус подлинного евразийства, открыто очерчивающего новые горизонты.

Евразия рождается из союза Леса и Степи. Степь – бескрайняя и влекущая – воплощена сегодня в огненном человеке Нурсултане Назарбаеве. Лес – традиционно мир восточных славян, великороссов, Россия. Имя "Нурсултан" расшифровывается как "господин света". Этим "светом" Назарбаев щедро делится со всеми нами.

Мы, русские, должны подхватить эту инициативу, этот проект, принять этот дар. Книга "Критическое десятилетие" написана для всех нас. Это дар огня.

ПУТИН И НАЗАРБАЕВ СТОЯТ НА ЕВРАЗИЙСКИХ ПОЗИЦИЯХ

(о евразийском факторе в Казахстане
и казахстанско–российских отношениях)

Залог стабильного развития Казахстана, в том числе, в политическом аспекте, лежит только в сфере продолжения евразийской политики президента Назарбаева по сближению с Россией, в сфере усилий, которые Нурсултан Абишевич предпринимает по новой интеграции евразийского пространства и по приданию СНГ совершенно нового значения. Именно сближение Казахстана с Россией есть гарантия того, что не такая уж сложная, но становящаяся постепенно несколько напряжённой политическая ситуация в Казахстане, разрешится гармонично и позитивно.

Здесь очень важно то, что и личные отношения Путина с Назарбаевым складываются, пожалуй, оптимальным образом по сравнению с другими главами стран СНГ. Проблемы, которые сегодня стоят перед нашими странами, принадлежат к общему "семейству вызовов". И Россия и Казахстан строят демократию, но этот процесс вписан в конкретный географический, исторический и культурный контекст. *Демократия и в России и в Казахстане находится в процессе становления*, поэтому периодически возникает опасность искажения этого процесса как в сторону рецидива авторитарных тенденций, так и наоборот – в сторону впадения в хаос и неуправляемость. И у Путина и у Назарбаева, в каком–то смысле, *сходная* ситуация: и Путин и Назарбаев – *популярные у себя на родине демократические правители*, которые озабочены приоритетно *долгосрочной стабильностью в своих странах*, а также сближением между всеми государствами постсоветского пространства.

Иными словами, *всё больше и больше становится очевидным, что и Путин и Назарбаев стоят на евразийских позициях и следуют евразийским кур–*

сом. Этим курсом *невозможно следовать в одиночку*, поскольку речь идёт о сближении между собой разных стран, народов, культур, экономик, социальных систем. Эти процессы у нас с Казахстаном идут по–разному, с разной скоростью, но общий ритм и общий характер их очень схож.

2003 год был обозначен в отношениях между нашими странами как "год Казахстана в России", а 2004 – как "год России в Казахстане". За эти два года совершён *необратимый прорыв в установлении наиболее тесных отношений между нашими государствами* и в приближении того момента, когда можно будет говорить о реальном создании "Евразийского Союза". Нет сомнений в том, что интеграция постсоветского пространства отныне пойдёт более интенсивно, успешно, позитивно и созидательно. Это скажется в первую очередь на сближении между Москвой и Астаной – *ведь ключ к интеграции всего постсоветского пространства лежит именно в оси Москва–Астана,* а также в успешности привлечения к этому процессу Киева.

Сейчас российско–казахстанские отношения и отношения между нашими Президентами на личном уровне, а также их единомыслие в вопросах реструктуризации постсоветского пространства являются *залогом политической стабильности всех стран СНГ* и, конечно, в первую очередь, России и Казахстана. Россия обладает тем экономическим, политическим, стратегическим, дипломатическим, социальным и культурным потенциалом, который *способен поддержать самого президента Назарбаева во внутриполитическом плане*. Сближение Казахстана с Россией превращает фактор русского населения, который в других обстоятельствах мог бы быть даже и дестабилизирующей силой, учитывая его значение, объём в Казахстане, в фактор, который будет служить *укреплению позиции Назарбаева во внутриполитической* сфере. Кроме того, если будут реализованы общие экономические проекты России, если Россия до конца и полностью, как она сейчас это делает, *осознает необходимость стратегического партнерства с Казахстаном* даже ценой некоторых уступок по тарифной политике, по таможенным во–

просам, о чём всё чаще говорят руководители Правительств наших стран, *то Россия приобретёт в лице Казахстана такого надёжного стратегического партнёра, равных которому на постсоветском пространстве нет.*

Это, безусловно, укрепит и социально–политические позиции Назарбаева, который ещё в одной сфере сможет продемонстрировать своему народу все преимущества интеграции и все позитивные, экономические в том числе, тарифные и таможенные *выгоды евразийства*, особенно в вопросах доставки энергоресурсов. *Россия просто обречена на альянс с Казахстаном*, а политическое будущее президента Казахстана и президента России на протяжении довольно ограниченного периода времени будет связано именно *с успехом реализации политической интеграции* между нашими государствами.

Многое, если не всё, будет зависеть от создания того "Евразийского Союза", о котором *пророчески* заявил Нурсултан Назарбаев ещё в 1994–м году. Следует заметить, что к счастью, эта идея всё больше и больше становится популярной в российском руководстве. То, что 2004 год начался с визита нашего президента в Казахстан, является символическим аккордом *евразийского курса,* под знаком которого будут проходить четыре года последующего правления Президента. После переизбрания в марте 2004 г. курс правления Путина будет ещё более евразийским – *весомость и значение евразийства будет несравнимо больше,* нежели в предшествующие четыре года. Следовательно, визит в евразийскую столицу, к евразийцу Назарбаеву, в страну, где евразийство фактически является правящей идеологией, со стороны нашего президента Владимира Владимировича Путина является символическим жестом, который надо именно таким образом и оценивать. А для Нурсултана Назарбаева это колоссальная *политическая поддержка*. И как только народ, граждане Казахстана увидят, что наконец–то евразийские инициативы их Президента находят понимание у России, главного партнера по интеграции, политический, национальный рейтинг Назарбаева, его международное влияние резко возрастут. *Обладая такой политической мудрос–*

тью и такой деятельной инициативой, Президент Назарбаев на наших глазах становится важнейшей фигурой в европейской и даже мировой политике.

У Назарбаева во внутренней политике есть три основных вызова:

1) Первый – это вызов со стороны проамериканской, антиназарбаевской, ультралиберальной элиты, спонсируемой Кажегельдиным и воплощённой в крайней оппозиции "либерально–демократического" толка, которая критикует Назарбаева за "авторитарные" черты его правления, за его евразийство, за позитивное отношение к России. Это очень маленькая, но очень активная и базирующаяся на трансатлантической поддержке группировка. В общедемократическом контексте она едва ли сможет представлять какую–то опасность или угрозу для Назарбаева, но, тем не менее, это довольно агрессивная сила.

2) Второй вызов – это казахские националисты, которые по–разному оценивают Назарбаева: отчасти его поддерживают, отчасти нет, или даже критикуют его за лояльность к русскому населению. Но их проект является альтернативой евразийству и, по сути, запасным вариантом атлантизма; если не пройдёт ультра–западнический, экстремистски–либеральный сценарий, ставка будет сделана на "казахский национализм", чтобы не допустить интеграционных процессов в Евразии.

3) Третий вызов – русские в Казахстане. Это значительная часть, 40% или даже больше, населения Казахстана, которые до определённой *степени недовольны самим форматом существования национального казахского государства,* в котором, безусловно, они оказываются в меньшинстве и испытывают определённое психологическое ущемление, которое есть не в административном плане, но, по меньшей мере, в их сознании.

Вот эти три фактора могут создать определённую политическую проблему для президента Назарбаева. И поэтому Россия, действуя в евразийском ключе, может оказать Назарбаеву существенную поддержку. *Сближение Казахстана с Россией заведомо обеспечивает Назарбаеву поддержку всего русского населе–*

ния. Выводя за счёт евразийской ориентации из "полуоппозиционного" состояния огромный пласт казахстанских избирателей, Назарбаев уже одним этим обеспечивает значительное укрепление своих позиций, при том, что они и так достаточно прочны. У значительной части националистов успехи евразийского проекта Назарбаева по сближению с Россией скорее всего так же вызовут одобрение, потому что *евразийство многими казахами воспринимается как триумф и пик своей собственной национальной идеи.* Таким образом, общий фланг, и так уже миноритарной политической оппозиции, фактически разбит, и Назарбаев сталкивается только с одной чисто *атлантической, ультралиберальной, прозападнической и антироссийской оппозицией,* которая никак не влияет на широкие пласты населения и справиться с которой в изолированном варианте не составляет никакого труда. Она имеет право на существование, но в таком урезанном варианте, с выведением оттуда и националистического, и русского сектора, которые могут, напротив, объединиться *вокруг центристской евразийской платформы,* она никогда впредь не будет сильным противником.

Таким образом, через дальнейшую культивацию евразийства во внутренней политике Назарбаев фактически получает подавляющее, тотальное преимущество над любыми вариантами оппозиции, и, тем самым, полностью легитимный демократический мандат на абсолютную свободу действий. Всё это реализуется путём естественного для Нурсултана Назарбаева и, безусловно, самой России жеста *по сближению Астаны с Москвой в рамках "Евразийского Союза".*

Визит президента Путина в Казахстан, открывший 2004 год, и российско-казахстанские отношения на высшем уровне в целом являются в значительной степени залогом обретения президентом Назарбаевым некоего морального "символического" мандата на осуществление суверенного правления.

ТЕМПЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА НЕ МОГУТ НЕ ВПЕЧАТЛЯТЬ

(заметки о Послании Президента Нурсултана Назарбаева к народу Казахстана 2004 года – "К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации")

Опыт наших стран вполне сопоставим. Россия и Казахстан – две гигантские евразийские державы с культурной, экономической, этнической, социальной спецификой – схожи между собой. По многим направлениям Россия, безусловно, опережает Казахстан, как ядро, в прошлом, Советского Союза и новой конструкции – СНГ. Но среди всех стран СНГ, на мой взгляд, именно Казахстан по–настоящему позитивно конкурирует с Россией в темпах роста и развития. Под руководством Назарбаева и сложившейся элитной структуры Казахстан уже по многим параметрам догоняет, а кое–где и обгоняет Россию. При этом речь идёт о созидательной конкуренции, которая не предполагает стремления любой ценой порвать связи с Россией, построить что–то вопреки России, как, например, это наблюдается порой в политических процессах Украины, тоже братской, близкой нам страны.

Казахстан демонстрирует то, каким образом могли и должны были бы развиваться экономико–социальные процессы во всех остальных странах СНГ, в том числе и в самой России. Казахстан более последовательно проводит евразийскую политику во внешней и во внутренней сферах. Надо констатировать, казахстанские реформы проводятся последовательно, планомерно, без рывков и внутренних политических потрясений. И эта постепенность и аккуратность привела к тому, что Казахстан, сегодня обладает *колоссальной инерцией* развития, которая зафиксирована в Послании Президента Нурсултана Назарбаева "К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации"

Это Послание – взгляд не только в прошлое, но и в будущее. Взгляд в

будущее уверенного политика, живущего в стране, уверенно развивающейся в евразийском направлении. Сам удивительно оптимистичный тон этого Послания, впечатляющие цифры и показатели, которые в нём приводятся, относительно реальных успехов в развитии экономической инфраструктуры общества, социальных достижений, показывают, насколько ценным и практически полезным является евразийство, применённое в полном объёме.

Напомню, что Казахстан – это единственная пока страна в СНГ, в которой евразийство является фактически преобладающим мировоззрением. И вот вам его результаты: забота об интеллектуальном потенциале нации, о реальной реформе образования, выраженной в оптимизации количества вузов и назначении ректоров главных элитных вузов, взвешенная этно-конфессиональная политика, продуманная и системная работа с соседними странами, модернизация общества, экономический рост.

Мы видим заботу о сельском хозяйстве, и одновременно с ней курс на либерализацию экономики, закрепление и продолжение рыночных реформ. Здесь – сочетание подходов и методов, которые действительно требуются государству для его стремительного развития, но которые, вместе с тем, не имеют точного аналога в различных абстрактных теориях либеральной или социал-демократической ортодоксии.

Послание Президента Казахстана – это евразийское Послание. В нем все подчинено единой цели – созданию великого, динамичного, современного и одновременно сохраняющего свою культурную идентичность нового государства.

Конечно, Россия имеет несравнимо более богатые социальные, культурные, интеллектуальные традиции, но, тем не менее, бурный процесс развития Казахстана, мне кажется, дает нам некий образец того, чем должна быть Россия. Казахстан – пример того, насколько позитивным бывает евразийство, применённое в государственном масштабе. С одной стороны, Россия, конечно, раньше начала либерализационный процесс и переход к рынку, но

это было осуществлено с такими политическими, социальными и материальными издержками, которые дискредитировали в сознании россиян саму идею "либеральных демократических реформ" и, следовательно, породили процесс невиданной коррупции, отчуждения экономических элит от основного общества. Безудержная ориентация на Запад привела к тому, что позитивные изменения в экономической сфере тускнеют на фоне гигантских эксцессов в культурной сфере, на фоне духовной деградации и утраты традиций и корней нации.

Казахстан двигался в направлении реформ более медленно, более спокойно, но и более последовательно. В результате, в ряде вопросов, в частности, в законодательстве, связанном с регуляцией экономической деятельности, Казахстан, развиваясь по евразийской прямой национального развития, в каком–то смысле обогнал Россию, которая проделывала тот же путь зигзагами, с постоянными коррекциями курса, с откатами и попаданием в тупик. В ходе настоящей евразийской модернизации в Казахстане строится рачительное, хозяйственное, управляемое, стабильное общество, но в то же время, совершенно свободное, либеральное, поощряющее частную инициативу. Строится последовательно. И сейчас оно доходит до некоего порога.

Россия, конечно, по многим параметрам обгоняет Казахстан. Но если ситуация в России не будет выправлена *в последовательном евразийском ключе*, если шатания элит и разноголосица экономических и социально–политических проектов будут продолжаться, то я не исключаю, что через несколько лет мы будем смотреть на Казахстан даже не с белой, а с черной завистью. Потому что в Казахстане мы видим курс, мы видим логику, мы видим политического лидера, который отвечает за свои слова. Мы видим настоящую национальную волю. Наш российский Президент не менее волевой, не менее мудрый человек. Но по целому ряду исторических причин чувствуется, что у него всё ещё связаны руки предшествующими деструктивными периодами, и России всё ещё никак не удаётся выйти на созидательную евразийскую прямую.

Темпы развития казахстанского общества не могут не впечатлять. И Послание Президента Казахстана яркое тому свидетельство. Это некая оптимистичная государственность, это доказательство того, что последовательное грамотное развитие страны дает рано или поздно свои результаты. И при этом, если вы попытаетесь квалифицировать выступление Президента Назарбаева в рамках какой-то экономической ортодоксии, вы столкнетесь с противоречием. Здесь есть элементы и либерального подхода, и протекционизма, и ориентации на экономическую интеграцию. Это *евразийский синтез экономических моделей*, отобранных по степени их эффективности, их уместности для решения конкретных национальных задач. Обращение Назарбаева – это образец того, каким должно быть Послание главы государства и какими должны быть поступки крупного государственного политического деятеля, действующего в евразийском ключе.

Сейчас Назарбаев движется в направлении созидательного соревнования с Россией, но при этом следующим шагом для него является стремление соединиться с нами, и соревноваться уже с другими, в полном экономическом единстве и интеграции между Казахстаном и Россией в рамках "Евразийского Союза". Об этом Президент Назарбаев часто говорит в своих выступлениях. Именно он является инициатором создания "Таможенного союза", ЕврАзЭС, Единого экономического пространства. Россия должна воспринимать Казахстан не просто как главного партнера, а так, как Россию воспринимает сам Казахстан – как своего рода *образец*. И тогда мы станем не соревноваться с ним, но развиваться как единый геополитический организм, обмениваясь позитивным опытом в экономической, культурной, интеллектуальной, технологической сферах. С точки зрения самой логистики организации социальных и национальных программ, мы должны составить конкуренцию другим "большим пространствам". Конкурировать России надо не с Казахстаном. *В наших интересах как можно быстрее объединяться* для того, чтобы сплотить усилия в проведении единого евразийского курса. А

конкурировать, причём так же позитивно конкурировать, стоит с развитыми странами Запада и Востока. Это повысит нашу общую планку.

Евразийский блок, а далее и сам "Евразийский Союз" должен формироваться незамедлительно. Перспективы российско–казахстанских отношений только в интеграции – с соблюдением суверенитета, сохранением самостоятельности каждого участника этого процесса. Но именно это предлагает и реализует Назарбаев. Этим объясняется столь уверенный, столь последовательный, столь жёсткий и столь оптимистичный тон его Послания.

Послание Назарбаева – абсолютно мобилизационно, и не только по форме. Оно будоражит, заставляет работать, созидать, действовать, думать. Оно *побудительно*. Кроме того, оно озвучено в адекватной среде, которая готова к этой мобилизации. Я часто посещаю Казахстан, я вижу свежие молодые тюркские лица, горящие глаза, я вижу людей, которые готовы строить новую экономику и новую государственность.

Конечно, в Казахстане у Назарбаева есть противники, но общий настрой общества – мобилизационный. Этого, увы, не скажешь о России. Поэтому когда Путин выступает с мобилизационными высказываниями, надо следить за тем, чтобы реакция на них была мобилизационной. Может быть, России мешают большие масштабы, но и Казахстан не маленький. Поэтому мне кажется, *что для мобилизационного Послания необходимо создание мобилизационного контекста*, чтобы слова лидера государства адекватно воспринимали массы.

Мобилизация объявляется всерьёз. Мобилизация объявляется тогда, когда действительно новым элитам предлагаются новые перспективы, объявляется новый курс, проявляется новая воля, даются новые задачи, осознаются новые угрозы или новые стимулы, вырабатывается новая система приоритетов. Всё это, безусловно, присутствует в казахстанском обществе. Я глубоко убежден, что и России необходимо мобилизационное отношение к миру. Мы живём в сложный переходный период, нам надо максимально дружить с нашими добрыми соседями – казахами, учиться у них, помогать им.

Как и Назарбаев, Путин тоже является общенациональным лидером и человеком большого стиля. Принципиальная разница между Путиным и Назарбаевым связана с тем, что Назарбаев выкорчевал и выбросил за пределы политического процесса антинациональную и антиевразийскую часть элиты, выстроил систему *национальной консолидации*. Поэтому его слова воспринимаются как императив: "Сказал – значит сделайте. Не сделали – пеняйте на себя". В переходный период для модернизации и либерализации общества евразийского типа это единственно оправданный стиль. Назарбаев, наверное, всё–таки единственный лидер постсоветского пространства, который использует определённые автократические элементы только на благо модернизации, демократизации и развития своего общества. В нём нет ни самолюбования, ни клановых, деспотических наклонностей. Он провозглашает программу национального развития общества, он её воплощает последовательно и жёстко.

Назарбаев сейчас находится в идеальной ситуации, в которой, на самом деле, должен был бы находиться Путин. Инициатива Назарбаева доходит до конкретных инструментов. Множество инициатив Путина гибнет в кабинетах, расположенных по соседству с ним. К сожалению, Путина ещё окружает огромная прослойка антипутинской, антинациональной атлантистской элиты, которая влияет на его решения. Эта среда, как вязкая тина, не позволяет сконцентрировать критическое количество потенциала для того, чтобы всерьез заниматься мобилизационной модернизацией и развитием страны. Если Владимир Владимирович окончательно разберёт эти завалы, он будет способен по–другому использовать мобилизационные модели, мобилизационные призывы будут по–другому звучать. И тогда Россия встанет окончательно и бесповоротно на *евразийский путь*, по которому уверенно и победоносно идёт братский Казахстан всё это "критическое десятилетие".

Я ВИЖУ МИССИЮ НАЗАРБАЕВА ПЛАНЕТАРНОЙ

(интервью А.Г. Дугина казахстанской газете "Страна и мир", 17 октября 2003 г.)

В Алматы побывал "человек из телевизора" – Александр Дугин, создатель и лидер Международного "Евразийского движения". Нам он известен больше как политический комментатор на российском "Первом канале".

Дугин дал пресс–конференцию, в которой в качестве оппонента лидера российских евразийцев принял участие представитель казахских националистов Азимбай Гали. Гали подверг критике евразийские инициативы Президента Назарбаева, утверждая, что судьба казахского народа лежит в создании национального государства и прямой интеграции в западное сообщество в противовес России. В свою очередь, Александр Дугин последовательно отстаивал необходимость интеграционных процессов на постсоветском пространстве, поддерживая инициативу Президента Казахстана, отмечая плюсы евразийской теории для казахского общества и сохранения казахами национальной идентичности в глобальном мире.

А. Дугин: Несмотря на популярность в политических элитах, "евразийство" пока мало что говорит на электоральном уровне. Эта тематика ещё не дозрела до партийно–электорального процесса, она находится в другой плоскости. По этой причине мы решили придать евразийству международный характер. В международном плане идея евразийства более удачна, потому что есть конкретный эффект. В Ялте прошло Совещание по созданию Единого экономического пространства (ЕЭП), которое есть выход на уровень

практических дел. И то, что удалось включить Украину в ЕЭП, огромная удача. Я полагаю, что сейчас гораздо важнее сформировать не столько партии, сколько "Евразийское Движение", так как до него дозрели политические элиты. И именно через "Евразийское Движение" можно действительно осуществить интеграцию "гражданских обществ" наших стран.

Сейчас у нас есть следующие евразийские структуры: ЕврАзЭС (шире, ЕЭП) – инструмент экономической интеграции, и Организация договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – как инструмент военно–политического союза и интеграции по соответствующему принципу. Культурная, социальная, гражданская, общественная интеграция была оставлена в стороне. Теперь подходит время и для неё. Вот этим и занимается наше Международное "Евразийское движение". Субъектами такого движения могут быть отдельные люди, общественные организации и движения, научные и культурные фонды, образовательные заведения и т.д. Именно в рамках "Евразийского Движения" нам предстоит разрабатывать модели социального, культурного, научного и политического сотрудничества, в развитии которого мы могли бы организовать "Евразийскую Ассамблею".

В поддержку евразийства высказалось много российских партий, и, в первую очередь, самая близкая нам, евразийцам, "Единая Россия". А что касается конкретной формы осуществления евразийских инициатив, я думаю, что в каждой стране она будет найдена в соответствии со своей спецификой.

Корр.: *А как же Ваш предыдущий проект – партия "Евразия"?*

А. Дугин: Международное "Евразийское движение" – это успешная тема, а партия "Евразия", которая ему предшествовала – это был лишь этап пути. Сейчас необходимо расширять формат *от внутриполитического до международного*, выступать на тех уровнях и в тех государствах, где понимают, о чём идёт речь.

Корр.: *В своё время Назарбаев состоялся как политик международного уровня на евразийстве...*

А. Дугин: Нурсултан Абишевич Назарбаев – это крупнейший политик международного масштаба. Он перерос локальный уровень. Я считаю, что за ним огромное будущее. Евразийская идея в таком формате, который он предлагает, безусловно, имеет все шансы быть принятой и на Западе, и в России, и в Азии. Я вижу миссию Назарбаева планетарной. Это вызывает и доверие, и понимание в большой степени со стороны Путина. Если прези– дент нашей большой страны говорит, что будет следовать за Назарбаевым, как ученик по евразийству, то уж нам, скромному "Евразийскому Движе– нию", сам Бог велел следовать за этим великим человеком.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ЕВРАЗИЙСКОМУ ВЕКТОРУ

Историческое провозглашение Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым проекта "Евразийский Союз" 10 лет назад стало поистине переломным моментом в истории наших стран. Впервые евразийские замыслы стали воплощаться в жизнь, переходить от теории к практике, и сегодня мы уже можем говорить о серьёзных и реальных достижениях на этом пути. Следует подчеркнуть, что евразийство не просто дань историографии, не просто ретроспективный анализ идей русских философов–белоэмигрантов, разработавших основы этого мировоззрения, и не только интерес и любовь к наследию великого историка Льва Гумилева. Сегодняшнее евразийство гораздо шире, это современное и актуальное явление, имеющее уже на новом этапе свою собственную историю. И вместе с тем и первые евразийцы, и сегодняшние последователи этого учения представляют собой единое целое, единую цепь – у этого мировоззрения почти столетняя история, и это необходимо учитывать. Для определения сущности евразийства в нескольких словах и наиболее общим образом я предлагаю следующую формулировку: *евразийство – это социальная модернизация, экономическое развитие при сохранении культурной и национальной идентичности.*

Современное евразийство приобретает особую актуальность именно в ситуации глобализации. И не случайно в книге Президента Назарбаева "Критическое Десятилетие" столько места отводится именно этой проблеме. Глобализация явление очень сложное. С одной стороны, этот процесс способствует технологическому развитию, экономической модернизации, открывает пути динамичному росту. Но с другой стороны, это развитие осуществляется ценой утраты идентичности, подвергает эрозии культуру, историческую самобытность, конфессиональную и этническую уникальность. Те общества, которые некритически и полномерно втягиваются в глобализацию, теряют своё лицо, становятся стандартизированными и безликими.

Традиции исчезают, возникают теневые процессы: терроризм, наркомания, демографический спад. Копятся издержки, которые в определённый момент могут стать критическими и привести к исчезновению целых народов, государств, национальных культур. Страны становятся объектами манипуляции, утрачивают геополитическую субъектность. В пределе глобализация – однополярная глобализация – означает, по сути, новую форму колониализма. В этой однополярной глобализации есть только один центр – Запад, ещё точнее, США – и периферия, куда, увы, попадают наши страны: и Казахстан и Россия, а также другие страны СНГ.

Есть страны, которые отвергают глобализацию, настаивая на "закрытом обществе". Так они стараются спасти свою идентичность. Это удаётся им лишь наполовину – в них начинается стагнация, исчезает социальный динамизм, всё постепенно разлагается. "Закрытое общество" не выход.

Евразийство на современном этапе предполагает именно "третий путь", сочетание *открытости и динамизма с традицией и консерватизмом*.

Чтобы осуществить евразийский проект надо пройти между Сциллой и Харибдой.

Следует подчеркнуть, что современное евразийство – это в целом новое явление. Оно творчески развивает идеи предшественников и основателей – Трубецкого, Савицкого, Алексеева, Гумилева, по-новому расставляет акценты. Современное евразийство – демократическое, просвещённое, открытое, до определённой степени, "либеральное", прагматичное, ставящее особый акцент на экономическом развитии. Современное евразийство, в отличие от изначальной его версии, не отвергает глобализацию и Запад, оно лишь ставит под вопрос универсальность и единственность глобалистской западной парадигмы. Евразийство напоминает, что планету населяет множество народов с совершенно особым, отличным от западного, историческим и культурным опытом, и диалог этих национальных культур, их сближение – вопрос очень тонкий и деликатный, неодномерный, требующий внимательного учё-

та разных позиций. У каждого народа есть свои особенности и традиции, и люди земли смогут понять друг друга, только если внимательно прислушаются к духовным особенностям своих соседей. Только так можно действительно сблизить между собой народы и государства. Современное евразийство готово к интеграции и даже к глобализации, но не мгновенной, а постепенной, ступенчатой: вначале объединяются близкие культуры и цивилизации, потом всё остальные. Это "теория автаркии больших пространств" или "региональной глобализации", примером которого является Евросоюз.

Современное евразийство отчётливо оформилось именно 10 лет назад, когда Нурсултан Абишевич Назарбаев произнёс в МГУ историческую речь о "Евразийском Союзе". Впервые политический деятель такого масштаба обозначил евразийство не как теоретический подход, но как вектор практической политики. Это важнейшая веха в истории евразийской мысли.

Когда мы говорим о европейской интеграции, о том, как эти страны шли к Евросоюзу, мы часто упускаем из виду, что за несколько десятилетий до того, как это стало экономической и почти политической реальностью, подвижники европейской идеи, такие как Жан Моне или граф Куденов-Каллерги, провозгласили это как императив и отдали все силы на реализацию грандиозного плана. Экономика чрезвычайно важна, но "вначале было Слово". И "евразийское слово" со всей определённостью, ясностью и решительностью было произнесено именно Президентом Казахстана.

Чем является евразийство для современного Казахстана? Можно дать ответ на трех уровнях:

Во-первых, Евразийство – это сочетание императива стремительной модернизации казахского общества с сохранением исторических констант, модернизация + традиция, прогрессизм и консерватизм. Этот символизм запечатлен в "Евразийском Университете" в Астане – роскошное ультрасовременное высокотехнологичное здание, в атриуме которого покоится рунический камень, стены украшают эпические картины с древнетюркскими богаты-

рями–батырами, здесь веет дух Великой Степи. Это очень плодотворный синтез, он будит воображение, вдохновляет.

Во–вторых, евразийство – это ориентация на Евразийский Союз, интеграцию постсоветского пространства. Евразийская интеграция будет проходить на новых идейных основаниях на принципах сохранения и укрепления суверенитета, демократии, руководствуясь императивом экономического развития. Не стоит опасаться: это не возврат к "колониализму" или "советизму". Мировоззренческая, идейная основа интеграции в нашем случае совершенно иная. И показательно, что инициатива такой евразийской интеграции исходит именно от Президента Казахстана, республики, из всех постсоветских новообразований менее всего похожей на failed state.

В–третьих, евразийство – это курс на интеграцию в Евросоюз и НАТО, но не вместо России, а вместе с Россией, вместе с другими странами СНГ: Украиной, Беларусью, Киргизией и т.д. Это развитие регионального партнерства с другими странами Центральной Азии: Китаем, а также Турцией, Ираном, арабским миром. Все три уровня евразийства это сегодня практическая политика, которую проводит Нурсултан Абишевич Назарбаев, это начало реализации грандиозного исторического плана. Это конкретика современной казахской истории.

Чрезвычайно важен для реализации евразийской идеи фактор Владимира Путина: с избранием его Президентом России качественно изменилось отношение к этому подходу и в самой России. Владимир Путин принялся восстанавливать Россию после критического периода, стал всерьёз и планомерно отстраивать, а то и создавать заново, основные ключевые моменты державы. И именно Путин активно поддержал все основные начинания Президента Казахстана в русле евразийских процессов. Такое единомыслие в вопросах евразийства Президентов двух союзных, родственных великих держав – залог его финальной победы.

Благодаря евразийской синергии Астаны и Москвы сегодня евразийство воплощено в трёх важнейших структурах:

– ЕврАзЭС как модуле экономической интеграции;

– ОДКБ как военно–политическом союзе;

– Международном "Евразийском Движении" как структуре, призванной способствовать интеграции гражданских обществ стран Евразии, как пространстве активного диалога интеллигенции наших стран, экспертного сообщества, интеллектуальной, научной элиты, и шире, простых людей.

Десять лет прошло с момента объявления Нурсултаном Абишевичем "Евразийского Союза", евразийского вектора. Мы живём сегодня в ином мире, и в этом мире евразийство – это уже не только блистательный замысел, но реальный, действующий фактор, с которым не считаться уже нельзя. Тогда, десять лет назад, произошло поворотное событие в ткани евразийской идеологии. Эта ткань – очень тонкое явление: мировоззрение рождается, зреет, развивается и воплощается в реальность по замысловатым законам, как происходит становление живого существа. Организации, структуры, даже государства создаются и разрушаются, подчас исчезают, а становление мировоззренческой ткани продолжается независимо ни от чего. Это тайные законы жизни духа. Десять лет назад в этой невидимой для посторонних наблюдателей судьбе идеологии произошло значительнейшее переломное явление. Великий исторический деятель Евразии Нурсултан Назарбаев провозгласил начало нового евразийского цикла. С этого момента начался отсчёт времени "Евразийского Союза". *За евразийством – будущее!*

Часть II.

К новой федерации: интеграция постсоветского пространства

СНГ – ПЕРВЫЙ ШАГ БОЛЬШОГО ПУТИ

(роль СНГ в интеграционных процессах)

Сегодня всё большим становится понимание того, что национальные интересы России в формате Содружества Независимых Государств (СНГ) лежат строго в плоскости *интеграционных перспектив*. Чем теснее будет интеграция, тем выгоднее в среднесрочной и долгосрочной перспективах это России. Увеличивая свой стратегический и геоэкономический объём, Россия автоматически *меняет свой геополитический статус. Субъектность России как государства зависит только и исключительно от успехов интеграции постсоветского пространства* – с желательным включением в перспективе дополнительных зон: Монголии, Болгарии, части Афганистана и т.д. При этом, безусловно, речь должна идти исключительно о *стратегическом партнёрстве*, а не о полном слиянии, к которому никто ни морально, ни политически, ни экономически не готов.

Интеграционные структуры

Одним из подразделений СНГ можно назвать Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС), которое является зоной более тесной интеграции и изначально было призвано стать ядром нового стратегического евразийского образования, что явствует уже из самого названия. Его антипод, стратегическое объединение Грузии, Узбекистана, Украины, Азербайджана и Молдовы (ГУУАМ) было создано для прямо противоположных целей: как *инструмент дезинтеграции*. Объединение же более широкого интеграционного формата – Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – вещь крайне хрупкая, так как включает Китай, а значит, уравнивает в правах простран-

ства, ориентированные на реинтеграцию, с пространствами никак для этого не предназначенными.

Фактор СНГ очень важен во внутренней политике РФ ещё и потому, что память об СССР, национальные чувства россиян и перспектива будущего Евразийского Союза соответствуют политическим чаяниям довольно широкого сектора российского населения. Для других стран СНГ вопросы интеграции так же имеют не меньшее, а, во многих случаях, и большее значение, чем для РФ – и по экономическим соображениям, и по политическим. Ressentiment (*французское*: "неприязнь, раздражение с привкусом зависти"), а кое–где и прямая русофобия, сохраняют для антиинтеграционных сил ещё некоторый мобилизующий потенциал, сходящий, правда, на "нет", а вот экономическая и энергетическая зависимость от России, напротив, является важнейшей картой для пророссийских сил. Вопрос сегодня в том, чтобы организовать и преподнести евразийские интеграционные проекты цивилизованно и корректно, основываясь на шаблоне Евросоюза, тщательно избегая, в то же время, ностальгических, имперских или советских штампов.

Переход к неизвестности

Мы не знаем сегодня наверняка, *что такое Россия.* Государственная идентичность наша *призрачна*. Мы не имеем чёткого представления о нашем общенациональном "я", о той системе государственности, которую строим. Ещё вчера мы все вместе были империей: и Россия, и другие страны СНГ – *Российской Империей в советском издании*. Страны СНГ родились в результате распада этой империи, у них появилась определённая идентичность, но эта идентичность есть следствие *освобождения от империи*. Она отрицательна и основана на русофобии, которая и выполняет функцию этой идентичности, питает её. Национальной идеей большинства стран СНГ, за некоторым исключением, является тот же *ressentiment*. Этим ressentiment'ом руководствуются в подавляющем большинст–

ве не массы, а *политические элиты* стран СНГ. Даже если у них нет положительной национальной идеи, *у них есть отрицательная*. Эта идея – *антиимперия, анти–российскость. Уровень же деполитизированности масс в странах СНГ равен уровню пассивной русофилии*. Активная политизированная русофилия представлена миноритарно – коммунистами и русскими национальными силами, в большинстве своём разрозненными и недееспособными. *Ressentiment постсоветских элит бывших союзных республик не национальная идея, он её суррогат.* Но это отрицание имеет конкретные черты – образ "России как зла" отчасти *помогает властным элитам организоваться*. Для таких политических элит – СНГ представляется лишь как "инструмент дальнейшего расхождения и негативной мобилизации". У стран СНГ есть некоторая *приблизительная* парадигма общения с Москвой, которая проистекает из совокупности инерции, русофобии, экономической зависимости, наличия потенциала для шантажа Москвы односторонним сближением с её региональными конкурентами, условно "Западом".

Как ни печально, но у самой Москвы с идентификацией всё ещё сложнее. *Ressentiment элит здесь обращён не вовне, а внутрь*: неприязнь к советскому прошлому, русофобия западнической части элиты в отношении автохтонных масс и т.д. Иными словами, властный политический слой современной России преимущественно дисбалансирован: между инерцией – империя – и нынешним положением дел – хлипкое *национальное государство – травматический дисбаланс*. Политика Москвы в отношении стран СНГ определяется совокупностью этих факторов. Москва в лице её политических элит до сих пор колеблется между *продолжением распада России*, *созданием компактного национального государства,* к чему клонят наиболее последовательные западники, сегодня несколько потеснённые, *и восстановлением империи на новых демократических принципах* (евразийство).

Первый подход индуцирует тенденцию к обрыву связей со странами СНГ. Как ни странно, но эта позиция до сих пор имеет некоторое влияние на Кремль и властную элиту.

Второй подход – экономическое, политическое и военное давление РФ на страны СНГ, чтобы заставить их краткосрочно подстраиваться под интересы Москвы.

Третий подход – евразийская интеграция; к этому клонят евразийцы.

Плюс ко всему этому – у различных российских магнатов есть свои конкретные экономические проекты и интересы в СНГ, которые они отстаивают напрямую и без какого бы то ни было согласования с общим политическим курсом.

Выбор пути

Как видно, *у Москвы сегодня нет чёткой консолидированной позиции по своей политике в странах СНГ*. Разные российские силы действуют здесь кто во что горазд. Дело осложняется ещё и следующими обстоятельствами: в "дальнем зарубежье" – особенно на Западе – активно проходит процесс *смены государственной идентичности.* Активизируются тенденции *"глобальной глобализации"*: США диктует всем свой *собственный паттерн*, претендуя на то, чтобы стать единственной *глобальной мировой империей*. Это означает, что государства–нации постепенно будут *отменены* в пользу высшей политической инстанции – мировой метрополии, США. Современная стратегическая доктрина США закрепляет это положение дел концептуально и документально. Это означает, что американский – глобалистский – фактор становится постоянным и концептуально оформленным моментом воздействия на каждую из постсоветских стран, навязывая им *особый сценарий интеграции в глобализм*, т.е., по сути, настойчиво подталкивая к постепенной *передаче номинального суверенитета либо напрямую США, либо международным провизуарным инстанциям под их контролем.*

Параллельно этому, и даже во многом в противовес, в Западной Европе реализуется полным ходом несколько иная модель глобализма: *региональ–*

ный глобализм, политико–экономическое оформление единого "большого пространства". Это и не сохранение модели *государства–нации*, и не вхождение в мировую империю. Это создание *"региональной империи"*. В "региональной империи" также сливаются и отменяются государства–нации, *но региональная властная инстанция остается суверенной*. Наличие этого фактора в богатой и развитой Европе *меняет акценты в глобализме.*

Эти факторы двух разновидностей глобализма существенно влияют на повестку дня в странах СНГ, так как они не позволяют начать, пусть даже медленный и сложный, но последовательный процесс формирования в этих странах полноценных, или частично полноценных, *государств–наций*. Какие государства–нации можно строить в ситуации, когда в глобальном масштабе объявлено *о необходимости ограничения суверенитета в той или иной форме?!* Прямо выступить против этого – значит попасть в число участников "оси зла", что, в том числе, актуально и для России.

Данная ситуация системы государственности в СНГ может быть определена как *сложная многоуровневая модель транзитивности*, перехода, но перехода во всех случаях *к совершенно неопределённой цели*. Эта цель не может быть *корректно определена* даже в самом дальнем приближении. *Это переход к неизвестности.* Следовательно, даже корректный рациональный анализ политических векторов развития стран СНГ заведомо приведёт *к ещё большей неопределённости*: нет ни одного фактора, который мог бы быть взят в качестве *решающего*. Степень неопределённости развития систем, с учётом внешнего контекста, не позволяет сделать *никакого надёжного заключения*.

Евразийский вектор

Единственной смыслообразующей инстанцией этого переходного процесса может служить евразийство, воплощенное в теории и практике Казахстана и его Президента Нурсултана Назарбаева. В данном случае, за образец берет–

ся "Евросоюз" как вариант "региональной глобализации", не противоположной, но и не идентичной глобализации как таковой. Национальная государственность стран СНГ (в данном конкретном случае) рассматривается как ценность, но сохранить эту ценность, обеспечить её гармоничное развитие возможно только в процессе интеграционных действий с другими государствами, близкими по историческим, культурным, цивилизационным особенностям. В этом состоит уникальная прозорливость лично Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева: он, быть может, первым из глав стран СНГ осознал все риски и все двусмысленности транзитивного состояния своего государства, и предложил в этой ситуации оптимальное решение: региональная глобализация (евразийская интеграция) как гарант защиты и укрепления казахстанской идентичности перед лицом угрозы *"растворения в глобализме"*.

В назарбаевском евразийстве мы впервые сталкиваемся с ясным и вполне определенным обозначением цели – от СССР через СНГ к "Евразийскому Союзу" как весомому и демократическому образованию в рамках многополярного мира. Тем самым в теории (и практике) Назарбаева меняется сам смысл СНГ: вместо инструмента дезинтеграции и строительства недееспособных национальных государств с относительной (по сути, фиктивной) суверенностью это образование приобретает значение нового геополитического института, призванного создать новый полюс коллективной суверенности, что только и позволит отстоять каждому из государств (включая Россию) собственную идентичность, своё историческое "я", свой самобытный путь.

В лице Нурсултана Назарбаева мы видим, как одна личность способна уверенным философским и политическим жестом менять содержание фундаментальных геополитических процессов. Совсем в духе Карлейля, Назарбаев деликатно и уверенно предложил истории постсоветского пространства *новый смысл*.

ЕВРАЗИЙСКАЯ СИСТЕМА БЕЗОПАСНОСТИ

(об Организации Договора о коллективной безопасности)

Накануне первого визита в Россию Президента США Джорджа Буша-младшего в международной сфере произошло важнейшее событие, несколько потерявшееся перед лицом межконтинентального саммита. Существовавшая до этих пор система координации согласно Договору о Коллективной Безопасности в рамках СНГ была преобразована в международную региональную "Организацию Договора о коллективной безопасности". О чём идёт речь в геополитическом аспекте? Для того, чтобы ясно оценить значение этого решения, необходимо сказать несколько слов о том, что ему предшествовало.

С геополитической точки зрения, с конца 80-х годов началась постепенная деконструкция стратегического потенциала сухопутного полюса, евразийского стратегического пространства, зафиксированного в то время в рамках Варшавского договора. Если в идеологическом смысле Варшавский договор воспринимался как союз стран с социалистической экономикой и марксисткой идеологией, то в геополитическом ракурсе это был *формат континентальной, сухопутной стратегической конструкции*, противостоящей атлантизму, который в то время отождествлялся со странами капиталистического типа. Заметим сразу, что эта идеологическая модель в полной мере наследовала ещё более раннюю – дореволюционную – раскладку сил в геополитике, когда речь шла не о противоборстве идеологических лагерей, но о зонах влияния крупных европейских государств, в первую очередь, Великобритании и Российской Империи.

Советский Союз идеологически резко порвал с прошлым, с "царизмом", но *геополитически* унаследовал *ту же самую стратегическую функцию*. *Законы геополитики* оказались фундаментальнее *законов идеологии*. Кризис

марксизма в СССР и в странах Восточной Европы повлёк за собой и роспуск Варшавского договора. Причём никакого *симметричного ответа* со стороны стран НАТО, объединявших общества с капиталистической экономикой и демократической политической системой, не последовало. Более того, освободившееся стратегическое пространство стало постепенно заполняться именно *атлантистскими влияниями* – страны Восточной Европы наперебой стали подавать заявки на вступление в НАТО. Геополитически это означает, что они *стали отдаляться от евразийства и вовлекаться в орбиту атлантизма*. Иначе и быть не могло, так как геополитические системы связаны между собой, как *сообщающиеся сосуды:* там, где у евразийства убывает, там прибывает у атлантизма, и наоборот.

На следующем этапе самоликвидации распался уже сам СССР. Политически и идеологически это совершилось достаточно радикально, но в стратегическом аспекте действовать столь же резко было просто невозможно. Поэтому система объединённых штабов стран СНГ сохранилась как стратегическое наследие, как координационный центр общего руководства вооруженными силами новообразовавшихся стран. В принципе, как и само СНГ, эта военная структура мыслилась изначально как инструмент *"постепенного и цивилизованного развода"*.

Однако с течением времени этот стратегический фактор, равно как и определённые экономические, таможенные и даже политические соображения поставили на повестку дня именно *геополитику*. Оказалось, что стратегическое единство евразийских держав, которыми, без всякого сомнения, являются все страны–участницы СНГ, гораздо *глубже*, нежели политическое оформление истории советского периода или Российской Империи. Общность интересов как *общность судьбы* (И.Гаспринский) стала всё более осознаваться народами бывших братских республик и их политическими и экономическими элитами. Так постепенно вместо инструмента "цивилизованного развода" СНГ стало мыслиться как нечто иное: как стадия нового про–

цесса, *процесса евразийской интеграции*. Здесь надо отдать должное Президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву, который первым, 29 марта 1994 в ходе своего исторического выступления в МГУ им. Ломоносова в Москве-заговорил о "Евразийском Союзе" .

Геополитическое сознание лидеров стран СНГ в определённый момент – в середине 90–х – под давлением объективного хода событий стало всё более обращаться к необходимости *переломить процесс стратегического распада евразийского пространства*.

В период правления Президента Ельцина инициатива новой волны евразийской стратегической интеграции в РФ особой поддержкой не пользовалась. Кремль не противодействовал ей открыто, но воспринимал довольно холодно. С одной стороны, этому способствовал экономический миф, активно насаждавшийся младореформаторами, о том, что любое сближение России со странами СНГ якобы ей экономически не выгодно, а с другой – безоглядное равнение на Запад порождало в отношении бывших братских республик чувство скепсиса и раздражения. *Национализм и западничество в этом вопросе сошлись*. Кроме того, горячечный антикоммунизм заставлял любые интеграционные инициативы отождествлять с "коммунистическим реваншем". Лишь к концу ельцинского периода и особенно с приходом к власти Владимира Путина ситуация в этом вопросе изменилась. Получивший солидное *геополитическое образование* (в соответствующих учебных организациях это называлось "оперативным страноведением"), опробированное на практике, новый Президент не мог по инерции культивировать безответственные конъюнктурные мифы. Постепенно в РФ стало возрождаться стратегическое мышление, геополитическое видение мировой ситуации. *С В. Путиным в России начался процесс поворота от "цивилизованного развода" к "новой интеграции"*.

Далее следуют важные конкретные шаги. Первый – закрепление *"таможенного союза"* пяти стран СНГ: России, Беларуси, Казахстана, Киргизии,

Таджикистана. Из истории известно, что реализация "таможенного союза" является первым экономическим шагом на пути дальнейшей *политической интеграции*. Первым теоретиком "таможенного союза" (Zollverein) был Фридрих Лист, немецкий экономист, заложивший концепцию объединения немецких государств, которая позже блистательно реализовалась на практике. По сходной модели проходило и становление Евросоюза, начавшееся именно с таможенных интеграционных мер.

Развитием "таможенного союза", очередным этапом экономической интеграции стало *создание ЕврАзЭС*. "Евроазиатское Экономическое Сообщество" стало ещё одним шагом в сторону реализации последовательного "Евразийского Союза", расширяя модель таможенной интеграции до уровня более широкого экономического партнерства. С геополитической точки зрения, в этом проявилась *воля к возрождению евразийского полюса*, того самого, борьбу с которым видят в качестве своей приоритетной задачи стратеги атлантизма – такие как Збигнев Бжезинский, описавший в своей книге "Великая Шахматная Доска" сценарий дальнейшего распада стран СНГ и, в частности, России в качестве оптимального для Запада, точнее, для США, сценария. В лице Путина политические элиты стран СНГ, осознавшие потребность в новой интеграции, нашли *точку опоры*, геополитический фокус.

Несмотря на динамику и парадоксы внешнеполитической конъюнктуры, процесс евразийской интеграции за последние несколько лет постепенно набирал обороты. И именно в этом ключе следует понимать решение о создании "Организации Договора о коллективной безопасности". После *экономических* шагов руки дошли до военно–стратегических и даже, *военно–политических*. Декларировав ориентацию на создание интегрированной евразийской экономики в формате ЕврАзЭС, – к которому, пусть пока в статусе наблюдателей, присоединились Киев и Кишинев, – главы государств, взявших курс на *новое евразийское объединение*, делают следующий ход – объявляют решение о создании *общей системы безопасности*. Следует под–

черкнуть фундаментальное отличие этой новой "межрегиональной организации" от уже существующей системы координации вооруженных сил стран–участниц СНГ – речь идёт о том, что управленческие инструменты, существовавшие по инерции и предназначенные для мягкого и постепенного разделения, радикально *меняют свой смысл*. Отныне мы вступаем в эпоху *нового стратегического осознания общих целей, общих угроз и общих вызовов, которые превращают участников ЕврАзЭС в элементы единого евразийского стратегического пространства, заново организующегося в геополитическое единство*.

Конечно, нынешний формат "Организации Договора о коллективной безопасности" не идёт ни в какое сравнение не только с Варшавским договором, но и с ВС СССР. Однако крайне важен сам *геополитический вектор данного начинания*. Если в этом направлении будут предприняты организованные и настойчивые усилия, стратегический статус Евразии может *существенно возрасти*. Конечно, не следует быть излишне оптимистичными: совокупный военный потенциал стран "Договора" совершенно недостаточен для конкуренции с могущественным НАТО. Но он такой задачи и не ставит. Важно лишь закрепить в конкретных шагах геополитическую *волю к грядущему возрождению*, выразить решимость укреплять и отстаивать стратегическую суверенность. Это уже само по себе немало.

Теперь на повестке дня стоит вопрос об общей системе "Евразийской Безопасности". Эта тема серьёзно превышает масштаб нынешнего "Договора", масштаб всех стран СНГ. Евразийская Безопасность в сегодняшних планетарных условиях предполагает со стороны России гибкую систему альянсов и договоров с самыми разнообразными силами Запада и Востока. Евросоюз и Япония могут рассматриваться как континентальные пределы евразийской стратегической интеграции. Азиатские страны – Иран, Индия, Китай – попадают в число прямых партнёров ещё естественнее. А расширение участников "Организации Договора о коллективной безопасности" за счёт дру–

гих стран СНГ, некоторых восточно–европейских государств и Монголии вообще представляется *неотложным делом*.

Никто не утверждает, что евразийская интеграция – это нечто простое и лёгкое. Строить и создавать всегда сложнее, чем сносить и разрушать. Однако следует учитывать, что предыдущие стратегические издания евразийской геополитики при всех своих *плюсах* имели колоссальный *минус* – они рухнули, оказались недолговечными, *не справились с исторической задачей надёжной геополитической интеграции континента*. В этом явно видна ограниченность советской идеологии, а также явная геополитическая *пространственная* недостаточность евразийского блока в его предшествующей конфигурации – европейские геополитики, в частности, Жан Тириар и Йохан фон Лохаузен, давно предрекали, что Варшавский договор в тех границах, в которых он существует, *исторически обречён*. Единственным спасением для СССР, а ранее и Российской Империи, было бы *геополитическая нейтрализация Европы и Японии* и выход к тёплым морям на юге – только в таком случае атлантистский полюс был бы более или менее уравновешен. Но этому препятствовала идеология – как марксистская в случае СССР, так и колониально–царистская в случае Российской Империи. В какой–то момент надо было жертвовать либо идеологической надстройкой, либо геополитикой. Увы, в XX веке российские и советские политические элиты идеологией пожертвовать не хотели. За что и поплатились. Но повторять их ошибки мы не имеем право.

Полноценная военно–стратегическая интеграция континента должна реализовываться по более широкому формату – в соответствии с евразийской геополитической теорией. Но сам факт создания ОДКБ обнадеживает. Это прелюдия к полноценному евразийскому сценарию.

ШАГ К МНОГОПОЛЯРНОМУ МИРУ

(ОДКБ как основополагающий элемент
создания системы многополярного мира)

Договор о Коллективной Безопасности между странами СНГ был подписан 10 мая 1992 года. Первоначальной целью Договора стало предотвращение последствий развала СССР и Варшавского договора ради сохранения суверенитета, территориальной целостности и конституционного строя стран – участниц договора.

В мае 2002 года ДКБ отметил десятилетие с момента своего создания, но ещё в феврале 2002, на неформальном саммите СНГ в Казахстане, страны участницы обсудили вопрос американского военного присутствия в Центральной Азии и Закавказье, а цели ДКБ были скорректированы. Долгое время эта организация, объединяющая шесть государств СНГ – Россию, Белоруссию, Армению, Казахстан, Киргизию и Таджикистан, – находилась в стадии глубокого реформирования. В итоге произошло преобразование существовавшей все эти десять лет системы координации в рамках Договора о Коллективной Безопасности в международную региональную организацию – "Организацию Договора о коллективной безопасности".

С этого момента договор о коллективной безопасности перестал быть просто документом – его преобразовали в полноценную военную организацию, которая в конце апреля 2003 года была оформлена окончательно и получила все атрибуты действующего военного блока: объединенный штаб, постоянный совет и силы быстрого реагирования. Костяк их составили российские военные самолеты, базирующиеся в Киргизии.

Пока что договор охватывает лишь несколько республик бывшего Советского Союза, но, тем не менее, уже сейчас это можно рассматривать как инициативу по новому стратегическому сближению между странами – чле-

нами ЕврАзЭС и СНГ. ОДКБ – это некий знак возврата к интеграционным процессам на территории постсоветского пространства, и предполагается, что постепенно к нему будут примыкать другие страны и державы, и не только в пространстве СНГ. Среди наименее реалистичных прогнозов о вступлении лидирует Прибалтика, но, тем не менее, некоторые страны, такие например, как Монголия, Болгария или Сербия, в определённой перспективе вполне могут стать элементами этой новой, созидающейся на территории Евразии системы *коллективной безопасности*.

Созданный более десяти лет назад как элемент вежливого развода республик распадающегося Советского Союза, сейчас Общественный Договор о коллективной безопасности реанимируется *в совершенно ином качестве* – как прелюдия к созданию единого экономического и стратегического пространства на территории Евразии. В сложившемся на сегодня виде это уже элемент новой стратегической интеграции постсоветского пространства. Казалось бы, одно и то же явление, но с совершенно противоположным знаком.

ОДКБ, Варшавский договор и НАТО

Безусловно, нельзя сравнивать Варшавский договор и нынешний Договор о коллективной безопасности. Система Варшавского договора, основанная на принципах двуполярного мира, как, собственно, и блок НАТО (особенно после войны в Ираке), оказались в далёком прошлом и стали рудиментом эпохи "холодной войны".

ОДКБ – это договор, складывающийся в совершенно иных исторических, стратегических и геополитических условиях. Варшавский договор был одним из элементов двуполярного мира, где существовало две сверхдержавы и прилегающие к ним стратегические территории. Сегодня американская модель англо-саксонской коалиции, доминирующая в мире, предполагает

собой некую геополитическую метаструктуру однополярного мира, где, по замыслу его архитекторов, не предусматривается равных по силе и значимости конкурирующих полюсов.

Тот договор о коллективной безопасности, который создаётся на постсоветском пространстве сейчас – это, напротив, *элемент многополярного мира*, который должен ограничивать англо-саксонскую ось, будучи одной из систем противовеса, наряду с потенциальной системой Европейской безопасности и Тихоокеанско-Азиатской безопасности. *Это стратегический набросок многополярного мира, где наряду с англо-саксонской осью будет ещё три-четыре крупных стратегических пространства.*

После событий в Ираке вопрос о том, что такое НАТО – это открытый вопрос, поскольку для англо-американской коалиции, устанавливающей однополярный мир, этот элемент эпохи двуполярности является довольно обременительной организацией, лишь сдерживающей стремительное развитие новой стратегической конфигурации. Но для России этот блок мог бы стать очень полезным в том случае, если страны постсоветского пространства подадут коллективную консолидированную заявку на участие в НАТО. *Тогда этот альянс из атлантического преобразовался бы, в некотором роде, в европейско-евразийский.*

Своё старое значение НАТО исчерпало, и странам Евразии стоит туда войти, поскольку эта структура имеет сегодня совершенно иное значение. То, во что НАТО превратится в дальнейшем, будет зависеть от того, сможет ли Россия вместе со странами СНГ, со странами-участниками Договора о коллективной безопасности *договориться по этому вопросу с Европой*. Новая европейско-евразийская система безопасности могла бы сложиться при объединении европейского сектора НАТО и евразийского ОДКБ.

Договор о европейской безопасности

Всё чаще в Брюсселе лидеры Европейского Союза обсуждают перспективы рождения нового стратегического альянса *без* Англии, Канады и Америки – системы ВС объединенной Европы, так называемый Eurocorps. Затрагиваются и вопросы создания полноценной и автономной системы *европейской ядерной безопасности* как важнейшего элемента для утверждения многополярного мира. Это предполагает в перспективе возможность возникновения новых военных союзов и блоков, и ОДКБ, в таком случае, выступает как один из важнейших элементов стратегической многополярности.

Несмотря на то, что распад СССР политически и идеологически свершился достаточно радикально и стремительно, в стратегическом аспекте действовать столь же резко было просто невозможно. Сегодня же, при обсуждением единой Европой вопроса о создании европейской системы безопасности, вновь воссозданная ОДКБ может стать *ключевым элементом как европейской, так, в перспективе, и общеевразийской безопасности*. Мы узнали, особенно в последние годы, что есть *один Запад и есть Запад другой*. Запад Западу рознь, и граница между ними пролегает не по Восточной Европе, а *по Атлантике*. Существует Америка как отдельный полюс, и существует континентальная франко-германская Европа как второй полюс. Сегодня Россия, выбирая себе партнёра на Западе, выбирает либо англо-саксонскую ось, и в таком случае мы становимся просто сателлитом заокеанского господина, либо мы выбираем франко-германскую континентальную Европу, и тогда мы становимся *одним из партнёров мирового многополярного устройства*. Выбор, с геополитической точки зрения, очевиден. Это *европейский выбор*.

Достаточно взглянуть на то, какие интересы стоят за созданием стратегического франко-германского союза. Их экономический, геополитический потенциал огромен, военный же гораздо скромнее. Военный потенциал Рос-

сии и других стран–участниц ОДКБ в этом контексте вполне существенен, но с другой стороны, наш экономический потенциал (даже совокупный) относительно слаб. Поэтому мы геополитически и стратегически *комплиментарны с Европой*, и являемся друг для друга *органичным дополнением*.

Угрозы для России, роль ОДКБ

Есть страны, политика которых представляет для России и стран СНГ реальную угрозу. Для того, чтобы распознать их, необходимо обратить внимание, в чьих стратегических доктринах содержатся враждебные выпады в наш адрес. Это, в первую очередь, Соединённые Штаты Америки с доктриной Пола Волфовица, который утверждает, что главная задача США – "не допустить интеграции евразийских стран вокруг России, предотвратить возникновение в пространстве Евразии весомого стратегического образования". Логическим выводом из такого подхода является тезис другого американского геополитика Збигнева Бжезинского, коллеги Пола Волфовица, о необходимости "превращения постсоветского пространства в Евразийские Балканы", т.е. в рассыпающуюся взрывоопасную структуру непрерывных конфликтов и войн средней и малой интенсивности. Соответственно, Америкой мы рассматриваемся в перспективе фундаментального стратегического конкурента и даже, в каком–то смысле, противника. Наша военная доктрина должна исходить из симметричных посылок.

В военных доктринах большинства других стран – даже, может быть, и не столь демократических как США – таких прямых выпадов в наш адрес не содержится. Поэтому, с геополитической точки зрения, именно с США у России меньше всего комплиментарности (взаимодополняемости) в стратегической сфере. Это не значит, что мы должны быть врагами. Но если мы будем сильными, тем самым мы будем гарантировать мир и безопасность.

В этом отношении наш стратегический потенциал должен быть реформирован, исходя из фундаментальной системы современных вызовов.

Согласно протоколу о порядке формирования и функционирования сил и средств системы коллективной безопасности государств – участников Договора, предусматривается "формирование коалиционных (региональных) группировок войск (сил), на которые возлагается решение задач по предотвращению и отражению возможной агрессии, защите суверенитета и территориальной целостности государств – участников Договора о коллективной безопасности". Таким образом, ОДКБ – это первый шаг к евразийской интеграции и созданию многополярного мира.

ОНИ ЗАЧАЛИ ИМПЕРИЮ

(анализ геополитического значения соглашения о ЕЭП)

В сентябре 2003 года в Ялте Президенты четырёх стран СНГ – России, Украины, Казахстана и Беларуси – подписали договор о создании новой межгосударственной экономической структуры "Единого Экономического Пространства". По сути, это самый решительный за всю постсоветскую историю шаг к новой интеграции. Не случайно националистические силы на Украине и даже американский посол в Киеве выразили бурный протест в связи с радикальным поступком Леонида Кучмы. Под видом рутинной дипломатической встречи мы имеем дело *с гулким током истории*, которая, кажется, вот–вот выйдет на новый крутой вираж и потечёт в новом направлении.

Все 90–е годы – годы реформ – постсоветское пространство *изживало Империю*, преодолевало её, выкорчевывало её следы. На антироссийской риторике основана государственная система большинства новообразованных стран СНГ. "Развод" бывших советских республик и особенно их "выход из–под контроля" Москвы был рефреном обретения и укрепления суверенитетов. С призраком Империи боролась и сама Россия, всячески дистанцируя свою заново и наспех построенную государственность как от советской, так и от царистской империи. Из единого политико–экономического, культурно–языкового пространства в течение всех 90–х годов прошлого века упорно делалась никак не стыкующаяся между собой, конфликтная по самому замыслу мозаика разрозненных новоделов. Это молчаливо приветствовал Запад: нет Империи – нет конкурента. На это с печалью взирал Третий мир: исчезла последняя альтернатива атлантизму.

И вот в Ялте объявлен новый *геополитический курс*: четыре Президента самых крупных и могущественных стран СНГ, составляющих его костяк,

объявляют о том, что *история потечёт отныне по иному руслу*. Провозглашение ЕЭП – это, по сути, открытие эры новой экономической империи, решительный шаг *в сторону реинтегрированной Евразии*. Конечно, пробные шаги в этом направлении предпринимались и ранее: вначале Нурсултан Назарбаев провозгласил курс на "Евразийский Союз" как инструмент интеграции постсоветского пространства. Затем на практике реализовался "таможенный союз". Позже уже при Путине он перерос в ЕврАзЭС. Но на каждый интеграционный шаг одних стран СНГ сторонники изначальной линии на скорейший "развод" отвечали противодействием. Так возник ГУУАМ, объединяющий те страны СНГ, которые упорствовали в том, чтобы "отныне жить порознь". Ядром этого дезинтеграционного проекта были Тбилиси и Киев. Тот факт, что в Ялте в числе четвёрки, подписавшей договор о ЕЭП, был Президент Кучма, является главной геополитической сенсацией. Фактически, Киев объявил тем самым об отказе от стратегии прежнего десятилетия, выразил своё согласие с проектом новой евразийской экономической империи.

Ясно, что эта евразийская экономическая империя даже при сложении потенциалов отдельных стран слаба и несопоставима ни с ЕС, ни с США. Но здесь важно учитывать не только голые показатели ВВП, но и пространственные и стратегические возможности, природные ресурсы, особенно энергоносители, культурно-цивилизационный потенциал, экологическое наследие сибирских лесов, казахских степей, северо-евразийских рек и т.д. В новом глобальном мире в самое ближайшее время с необходимостью встанет вопрос *о качественном изменении формата экономических показателей*, куда будут включены инновационный потенциал, пространство, экологическая рента и другие индексы, ранее не учитывавшиеся в условиях классического индустриального общества. В такой ситуации интегрированный евразийский потенциал *умножается многократно*. И этот взгляд в ближайшее постиндустриальное будущее превращает ЕЭП в ядро *полноценного геополитического субъекта* – ак-

тивного игрока нового мира, основанного на динамической игре самостоятельных полюсов – "больших пространств".

Перед лицом глобализации ни одно классическое государство не может сохраниться в старом виде. Они обречены на то, чтобы абсорбироваться в единую глобальную систему. Противостоять этому может только "региональная интеграция", сложение нескольких государств в единое "большое пространство". В свою очередь, глобалистский проект некоторыми тоже определяется как "Империя" – с подачи Тони Негри и Майкла Хардта, авторов одноимённой книги. Сопротивляться этой глобальной "Империи" в одиночку не сможет никто. Экспансию "Империи" может ограничить только *иная империя* или, ещё точнее, *критическая масса альтернативных империй*. Конечно, речь идёт не о жёстком противостоянии, но *о конкурентном предложении различных имперских проектов, включая экономику, культуру, политику, экологию*. Причём эти потенциальные империи должны биться не столько за соревнование по раз и навсегда установленным показателям, сколько *за предложение различных моделей расчёта совокупного потенциала*. Экономическая конкуренция "больших пространств" должна проходить в *постмодернистических, постиндустриальных условиях*.

Объявленное в Ялте создание ЕЭП есть зародыш такой *"региональной империи"* – новой и по форме и по содержанию. Глобалисты и радикальные западники, безусловно, будут осмеивать это начинание, сравнивать экономические показатели с ЕС или США. Но это не должно смущать архитекторов нового евразийского мира – им надо всего-навсего предложить *иную систему счёта*.

Анатолий Чубайс, понимая значимость интеграционной конъюнктуры в выборной период, сразу после подписания этого договора заявил о необходимости формирования "либеральной империи". Если трактовать термин "либеральный" как синоним слова "экономический", – а другой экономики, кроме либеральной, Чубайс себе, видимо, не представляет, – то с ним мож-

но согласиться. Современная, технологичная, экономическая, демократическая империя нового типа в евразийском пространстве – это действительно, веление времени. И не следует заведомо отрезать от её строительства никого. Коммунисты на предыдущем этапе провалили империю, уступив разрушителям–либералам. Но в жизни всё меняется, поэтому никогда не поздно отказаться от заблуждений и встать на сторону истины: чьими бы руками ни делалась новая евразийская империя, лишь бы делалась. И под прикрытием "политкорректных" для Запада чубайсовских лозунгов она, быть может, построится быстрее.

Путин, Кучма, Назарбаев и Лукашенко инициировали в Ялте *великое дело* (следует отметить здесь, что инициатива, как в большинстве аналогичных процессов, принадлежала здесь Президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву, последовательному поборнику евразийских идей). *Это обратное по отношению к "Беловежской Пуще", знаковое геополитическое событие.* И если эта инициатива получит воплощение, то прекрасный крымский город Ялта будет ассоциироваться у нас не только с исторической встречей победителей во Второй мировой войне, но и с этим почти дежурным по видимости протокольным мероприятием. Четыре Президента зачали новую империю. И если враги не сломят нашу волю и нашу решимость довести дело до конца, то грядущий мир имеет шансы быть более содержательным, справедливым и свободным, нежели та "тюрьма без стен" (Ж.П.Сартр), которую сулит нам глобализм.

ОСОБЫЙ ПУТЬ: ЕВРАЗИЙСКАЯ АВТАРКИЯ

(начать интеграцию с развития экономического взаимодействия)

Россия, Украина, Белоруссия и Казахстан начинают строить *единую экономику* – так, по крайней мере, заявили главы этих государств. Создание независимой межгосударственной комиссии по торговле и тарифам, а также подготовка соглашения о создании Единого экономического пространства – естественные шаги этого интеграционного процесса. Таким же образом, в своё время, складывались контуры новой единой Европы.

Проект создания единой евразийской экономической зоны является частью более фундаментального проекта, который много лет без устали продвигает проницательный евразийский стратег Нурсултан Назарбаев, – проекта создания нового государственного геополитического образования, "Евразийского Союза". Эта модель предполагает начало интеграционных процессов в области экономического взаимодействия с постепенным переходом к полноценному межгосударственному сотрудничеству во всех остальных областях.

Сегодня с удовлетворением можно констатировать, что этот евразийский план принят не только Президентом России и Президентами стран, входящих в ЕврАзЭС, но и Президентом Украины, что особенно важно.

Евразийская интеграция предполагает в качестве первого шага создание *единого экономического пространства*, в котором тарифы, основные фискальные, налоговые нормативы, валютно–финансовая и кредитная система были бы приведены к общему знаменателю, объединены в систему. Насколько можно судить по официальным заявлениям первых лиц четвёрки, в этом вопросе достигнут сегодня решающий перелом, и инициатива Президента Казахстана принята за основу в качестве общей модели экономичес–

ких взаимоотношений в рамках Союза. Соответственно, за этим должен последовать ряд шагов по реализации экономической интеграции и по унификации экономического законодательства, в том числе и антидемпингового. Всё это необходимо для того, чтобы создать единую, по–настоящему гомогенную, однородную таможенную зону, таможенный союз – Zollverein, – в фундаментальном значении этого понятия, как *пространство, не имеющее внутренних экономических и таможенных границ*. Такое пространство едино только в том случае, если основные моменты законодательства приблизительно, а лучше строго, одинаковы, или, по меньшей мере, совпадают в своих основных параметрах. Поскольку курс на экономическую, а в дальнейшем и политическую и стратегическую интеграцию руководством наших стран взят однозначно, то следует рассматривать проект э*кономической унификации* как первый сам собой разумеющийся шаг в развертывании более серьёзной и долгосрочной интеграционной стратегии.

Для экономики России и всех постсоветских стран одним из самых насущных вопросов остаётся проблема, связанная с экспортом энергоресурсов, преимущественно нефти и газа – как главных источников пополнения бюджета. Следовательно, интеграция будет строиться вокруг квот, цен, льгот и тарифов на природные ресурсы, поскольку эта сфера намного опережает остальные сектора постсоветской экономики. Следовательно, ход реальной экономической интеграции в силу нынешнего положения экономики России и экономик стран СНГ в основном будет сводиться как раз к сбалансированию, "утряске" тарифов на энергоносители. И здесь, конечно, возникает очень серьёзная дилемма: в краткосрочной перспективе России предлагается, собственно говоря, просто снизить отпускные цены на энергоносители и тарифы по прокачке нефти и газа по территории России в Европу или российские морские порты для ряда сопредельных государств. И когда прагматики язвительно спрашивают, "а что дальше?", "что Россия от этого получит?", им можно ответить откровенно: "в краткосрочной перспективе – ниче-

го". Однако вся картина меняется, как только мы переходим от краткосрочной перспективы к *среднесрочной*. Если мы планируем не останавливаться только на продаже дорогой нефти и дорогого газа, смотрим чуть дальше, чем простое и облегченное сиюминутной мировой конъюнктурой паразитирование на природных ресурсах, если мы собираемся действительно развивать реальный и высокотехнологичный сектор экономики, модернизировать всю хозяйственную систему наших стран, и в такой же *среднесрочной* перспективе мыслят политические и экономические элиты стран СНГ, вошедшие, или планирующие войти, в общее экономическое пространство, то объединение наших потенциалов, наших возможностей, наших экономических, интеллектуальных, энергетических, транспортных, пространственных, стратегических, людских ресурсов, слияние рынков в перспективе общеевразийской модернизации – *это, безусловно, выгодно всем участникам данного процесса и, в первую очередь, самой России*.

Существует важный экономический, точнее, даже "геоэкономический", закон – *"автаркии больших пространств"*. Он был открыт и изучен немецким экономистом XIX века Фридрихом Листом. Согласно этой теории, перспективой полноценного экономического развития обладает только очень крупное, экономически интегрированное пространство. Именно Лист был творцом экономического прорыва Германии XIX века, именно он добился объединения в единую экономическую зону – "таможенный союз" – Германии, Австрии и Пруссии, раздираемых в то время политическими и религиозными противоречиями. Лист доказывал: если относительно небольшое и экономически слабо развитое государство открывает свою хозяйственную систему более развитому государству, то оно не догоняет лидера, а ещё более отстает от него, поскольку экономический рост проходит асимметрично, подстраиваясь под внешнюю конъюнктуру, а не под стратегические интересы национального хозяйства. Но и закрытость является тупиковым решением. Выход один: *объединять культурно, цивилизационно, экономически и*

исторически близкие территории в единое целое с общей хозяйственной инфраструктурой, самодостаточным ресурсным обеспечением и т.д. Таможенная граница с другими пространствами начинает выполнять в таком случае функцию *качественного фильтра*, пропуская те внешнеэкономические тенденции, которые способствуют развитию всего "большого пространства", и пресекая те, которые его тормозят. Лист во многом вдохновлялся американским опытом XIX века, в частности, "доктриной Монро", утверждавшей, что пространственным минимумом для Америки являются оба американских континента, интегрированные стратегически. Последователями Листа были такие великие экономические реформаторы, как граф Витте, который переводил книги Листа на русский язык, русский учёный Менделеев и немец Вальтер Ратенау.

Современное евразийство в экономике – это применение тех же самых идей к нашей конкретной ситуации. И мы видим, что современный Евросоюз всё больше и больше становится похож на *"автаркийное большое пространство"*. Минимальный масштаб для европейских держав – это Евросоюз. *Минимальный масштаб, необходимый для полноценного экономического развития России и других стран СНГ – это Евразия, под которой следует понимать как постсоветское "большое пространство", так и цепь новых возможных кандидатов на интеграцию: от Болгарии, Сербии, Монголии, Хорватии до Китая, входящего в ШОС.* Показательно, что этой темой интересуется сегодня и Турция, которая видит для себя значительные выгоды в том, чтобы принять участие в этом потенциальном евразийском пространстве: ведь вступление в Евросоюз по критериям европейского рынка для Турции крайне проблематично в силу целого ряда особенностей турецкой экономики, политики и истории. То, что происходит сегодня в странах СНГ, ЕврАзЭС и вновь образовавшейся четверки ЕЭП, есть активная практическая проработка *евразийской версии "автаркии большого пространства"*.

Возвращаясь к вопросам ускорения интеграционного процесса, стоит

коснуться проблем, связанных с системой защиты внутренних рынков государств–участников ЕврАзЭС и определённых тонкостей в таможенном законодательстве для стран Союза. Противники интеграции приводят тот довод, что отмена границ, например с Казахстаном, облегчит преступникам, наркоторговцам, другим криминальным системам, как правило, процветающим в менее развитых экономически регионах, возможность вторгнуться на территории более благополучных сопредельных стран, нарушив безопасность национальных хозяйственных систем. На самом деле, все обстоит строго наоборот: экономически отсталые соседи России, замкнувшиеся в своих границах, несут в себе *гораздо большую опасность*. Сегодня наша граница с Казахстаном довольно уязвимое и незащищенное место проникновения криминала в Россию с юга. Но если откладывать или отодвигать интеграцию России с Казахстаном, эта проблема будет *только возрастать*. Известно же, что преступники гораздо меньше считаются с границами и запретами, чем законопослушные граждане. Таможня, граница, контрольный пункт останавливают добропорядочного гражданина, криминалитет во всем находит лазейки. Легальный бизнес уважает границы, теневая экономика их игнорирует. Поэтому гораздо полезнее провести легальное, "светлое" объединение наших экономик в "прозрачную", понятную и позитивную систему. Только это и позволит создать те условия, которые не то, что ликвидируют (это, наверное, едва ли возможно), но, по меньшей мере, существенно ограничат и поставят в определённые рамки многие негативные явления. Нет сомнения: экономическая интеграция – это настоящая панацея, лекарство от всех бед. Это не значит, что всё будет идти гладко, но в среднесрочной и долгосрочной перспективе это, несомненно, принесёт самые добрые плоды.

Россия вместе с Казахстаном сегодня должны взять на себя активную миссию экономической интеграции с государствами, входящими в ЕЭП, в ЕврАзЭС, в ШОС и т.д. Россия и Казахстан – демократические государства, и наши законодательства более или менее приведены к нормальным евро–

пейским стандартам. Полагаю, что благодаря приведению теперь уже к российским или казахстанским (евразийским) стандартам экономической деятельности сопредельных стран, активному сотрудничеству в правоохранительной сфере, можно будет избежать многих нежелательных процессов, сопряженных с интеграцией.

В любом случае: дальнейшая дезинтеграция или "укрепление национально–государственного суверенитета", а также слишком прямолинейно понятая "защита национальных рынков" чреваты гораздо большими сложностями, нежели прогрессивное объединение. В долгосрочной же перспективе все выгоды интеграции проявят себя в полной мере. *Но даже в среднесрочной перспективе, то есть в течение десятка лет, мы сможем пожать первые плоды новой евразийской модели*. Если интеграция будет осуществляться в том новом ритме, который задают сегодня Президенты Путин и Назарбаев, то этот срок ещё сократится.

Особо следует отметить позицию Украины: Киев долгое время основывал свою политическую идентификацию на отдалении от России, рассматривая СНГ как инструмент "развода" и "дезинтеграции" – отсюда активность Украины в ГУУАМ. Но в последние годы эта тенденция стала переламываться. Сказалось нарастающее противоречие между настроением украинских масс, ориентированных на новое объединение, и позицией "самостийных" элит. Как только положение этих элит стало шатким, понадобилась поддержка масс, с соответствующими поправками в курсе. Украина пока участвует в ЕврАзЭС только как наблюдатель, но прорыв не за горами, и об этом свидетельствует документ по ЕЭП, подписанный четверкой Президентов. При этом следует отметить, что по целому ряду причин – в том числе и экономического свойства – существуют огромные предпосылки к тому, что интеграция России с Украиной пойдет быстрее, активнее и ритмичней, нежели с Беларусью. Но роль Казахстана здесь вообще центральна – именно позиция Назарбаева, территориальная, экономическая, культурная ситуация в

Казахстане делает весь этот процесс подлинно евразийским, открывает колоссальные стратегические и экономические перспективы всем участникам этого процесса. Более того, славянские Россия и Украина скорее всего придут к настоящему взаимопониманию с помощью тюрков–казахов. Если леса не сближают нас, как это было на ранних периодах восточно–славянской Киевской государственности, пусть нас сблизит Великая Степь в лице неуклонного поборника интеграционных процессов на всём евразийском пространстве Нурсултана Назарбаева.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИМПЕРИЯ

(перспективы экономической интеграции в рамках ЕЭП)

Подписание договора между Россией, Казахстаном, Украиной и Беларусью об организации Единого экономического пространства – важнейшая веха в истории постсоветского времени.

Уже к 1994 году ряд руководителей новых государств, и в первую очередь Нурсултан Назарбаев, пришли к выводу, что этот курс имеет существенные недостатки и что следует подумать об иной межгосударственной структуре, названной Назарбаевым "Евразийским Союзом". "Евразийский Союз", по замыслу Назарбаева, призван был стать плацдармом новой интеграции стран СНГ, но уже на отличной основе – в форме прямого аналога Евросоюза. Эти инициативы были прохладно встречены даже в Москве, которая более всего от этого выигрывала, не говоря уже о других странах СНГ, мечтавших только об укреплении собственной независимости. Но настойчивые усилия Назарбаева все же дали определённые результаты: процессы экономической интеграции стали постепенно развиваться, что привело к созданию Таможенного союза, куда вошли Россия, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

Следующим шагом в интеграции постсоветского пространства стало создание ЕврАзЭС. Выстроенная на основе стран–участниц Таможенного союза межгосударственная организация Евразийское экономическое сообщество фактически объявляла себя ядром нового политического образования. Постепенно замысел приобретал всё более различимые очертания. Ответвлением этой же реинтеграционной стратегии стало учреждение российско-белорусского союзного государства, но объявленная степень тесного сближения не смогла реализоваться на практике. Более того, подоплека "славянского" объединения вызывала определённую тревогу у других стран СНГ, особенно азиатских.

Постепенное превращение ряда стран СНГ в ядро нового интеграционного пространства вызывало радикализацию тех стран, которые были ориентированы, как и все в начале процесса, только на развод. В результате на свет появилось новое объединение – ГУУАМ, которое продолжало настаивать на дальнейшей дезинтеграции СНГ и вхождении в иные военные и экономические союзы по отдельности. Во всех случаях речь шла о прямой и непосредственной интеграции в западный мир – НАТО, Европейский общий рынок, ВТО и т.д. Основой ГУУАМ, куда входили также Грузия, Узбекистан, Азербайджан и Молдова, была Украина – несущее ядро "антимосковской", по сути, антиинтеграционной коалиции.

Поляризация отношений между двумя блоками в СНГ – интеграционным и дезинтеграционным – постепенно переходила в политическую область. Ситуация накалялась. ЕврАзЭС оказалось слишком жёстко ориентированным для того, чтобы втянуть туда Украину, и хотя Кучма под давлением внутриукраинской ситуации пошёл на получение статуса страны–наблюдателя в ЕврАзЭС (вместе с Молдовой), по сути, Киев по–прежнему дистанцировался от подобных инициатив.

То, что произошло в сентябре 2003 г. в Ялте, на этом фоне можно назвать крупнейшим успехом интеграционной евразийской дипломатии. Новый формат экономической интеграции четырёх ведущих стран СНГ – России, Украины, Казахстана и Беларуси – в Едином экономическом пространстве успешно разблокировал патовую ситуацию для основных игроков. По сути, это объединение имеет один главный результат – подбор такого интеграционного проекта, который по форме и содержанию устроил бы Украину. Именно за Киев велась основная борьба. Без Киева вся стратегия ГУУАМ теряла свой смысл, антироссийская фронда рассыпалась на глазах, интеграционный процесс в Евразии впервые за всю постсоветскую историю достиг критической черты реализации, за которой он становится необратимым. Понимая всё геополитическое значение Ялтинского соглашения о ЕЭП, оппо–

зиционные украинские политики, разыгрывающие по привычке антимосковскую карту, сразу же подняли шум. Принятое Кучмой решение, по сути, закрывало историю дезинтеграции постсоветского пространства, создавая предпосылки для нового курса. *Участие в ЕЭП Казахстана гарантировало всему проекту собственно евразийское измерение* и делало процесс включения в него других среднеазиатских стран ЕврАзЭСа чисто техническим вопросом. Вместе с тем Украина своим примером приглашала сменить геополитические вехи Азербайджану, Молдове, Узбекистану и даже Грузии. Ограничив число участников ЕЭП четырьмя странами, его архитекторы поступили в высшей степени дальновидно: *экономические системы России, Украины, Казахстана и Беларуси наиболее унифицированы и прозрачно регламентированы, они оптимально готовы к интеграции, причём не только друг с другом, но и к её дальнейшему этапу – к совместной и скоординированной интеграции в европейскую экономику*. А именно это и является дальней целью создания ЕЭП.

Однако путь к европейской интеграции может быть двояким: вместе и по отдельности. И выбор пути – проблема отнюдь не техническая. В зависимости от изначального решения, каким путём идти, находится *геополитический и геоэкономический смысл движения в Европу*. Если мы идём к сближению с Европой совместно, как предлагает ЕЭП, то это *усиливает совокупный евразийский потенциал, делает виртуальный пока что Евразийский Союз экономической реальностью*. И в такой интеграции ЕЭП может претендовать на субъектность, обеспеченную совокупностью экономик, природных ресурсов, стратегическим потенциалом всех этих стран. В таком случае между собой сближаются два асимметричных, но *равновесомых партнёра*.

Если бы интеграция в Западный мир шла *по отдельности*, то она означала бы: во-первых, *антироссийский подтекст*, во-вторых, *прямую и необратимую абсорбцию* Евросоюзом нового члена *с потерей какого бы то ни было намёка на сохранение государственной идентичности* (что не относится

только к России, единственной стране СНГ, которая в силу своего масштаба ни при каких обстоятельствах такой абсорбции не подлежит).

По этой причине *создание ЕЭП есть важнейшее геополитическое событие*, которое, будучи реализованным, объективно приведёт к укреплению совокупного экономического потенциала стран, в него входящих, поддержит общую субъектность и станет гарантом сохранения идентичности в условиях глобализации. И чем быстрее ялтинское решение станет явью, тем лучше будет всем нам – народам некогда единого, но трагически разделённого государства.

УМНОЖЕНИЕ НА ЧЕТЫРЕ

Договор о едином экономическом пространстве –
это новая страница жизни бывших советских республик
(интервью газете "Труд", 27 сентября 2003 г.)

Корр.: *Александр Гельевич, создание ЕЭП – это действительно шаг на пути к Единой Евразии?*

– Мне думается, что политика президента Путина в отношении так называемого "ближнего зарубежья" направлена именно к этой цели. На наших глазах активно идут интеграционные процессы в евразийском, постсоветском пространстве по аналогии с европейским, американским и тихоокеанским. Формирование ЕЭП – прорыв в этом направлении. Уже оформляется геоэкономическое объединение, намечается геостратегическое, а завершающим этапом может стать *геополитическое*. Очень важно, что в единое экономическое пространство вошли все четыре главных "флагмана" пёстрой армады под названием СНГ: Россия, Казахстан, Белоруссия и Украина.

Корр.: *Но почему только 4 "подписанта" из 12 возможных?*

– Я полагаю, одной из самых главных задач нового экономического блока было вовлечение в это благое дело Украины, которая прежде вообще уклонялась от реальных интеграционных процессов на постсоветском пространстве. И Россия пошла на компромисс. На первом этапе были оставлены "за бортом" ЕЭП безоговорочно союзнические по отношению к нашей стране, но проблемные Таджикистан, Армения, Киргизия. А на действительно выгодный союз мы пошли со странами с качественно более развитым экономическим потенциалом. Решение принято политически точное, и цель достигнута: Украина – среди "отцов-основателей" ЕЭП.

Корр.: *Но в самой "незалежной" далеко не все в восторге от новой интеграции. Блок "Наша Украина", например, грозился даже объявить импичмент подписавшему соглашение по ЕЭП президенту Кучме...*

– Вопрос сложный, деликатный, но решаемый. Многое будет зависеть от позиции России. Полагаю, что Москве ни в коем случае нельзя говорить с Киевом языком политических, экономических или военно–стратегических ультиматумов. Скажем, просто глупо требовать назад Крым, будировать "русский вопрос" или предпринимать другие шаги, которые мешали бы сближению наших стран. *Битва за интеграцию постсоветского пространства – это битва за Киев.* Мы должны поддерживать на Украине не только пророссийски настроенных политиков. Стоит "дружить домами" и с теми силами, которые понимают: политическая независимость и экономический суверенитет их страны во многом определяются степенью её интеграции в общее евразийское пространство. Оппозиция Кучме, разыгрывая антироссийскую карту, на самом деле идёт против интересов Украины. Если организаторам ЕЭП удастся это спокойно и аргументированно объяснить украинскому народу, процессы, начатые в Ялте, станут необратимыми.

Корр.: *Владимир Путин охарактеризовал эти договоренности как "рамочные документы", "базу для решения проблем сообща". Почему договор получился рамочным, а не полноценным? Не готовы?*

– Верно, не готовы. Договор в Ялте – это один из первых шагов на пути к интеграции. А дорога к единому экономическому пространству крайне ухабиста, местами – заболочена. У нас даже с Белоруссией, ближайшим другом, партнёром по Союзному государству, не всё просто: идут разбирательства с газовой проблемой, с рублевой зоной. Ещё больше согласований нужно будет проводить с той же Украиной, которая на политическом, экономическом и культурном отторжении России строила свою независимость. Естественно, странам–участницам ЕЭП надо быть предельно осторожными в своих действиях. Форсирование сближения может дать обратный результат.

Корр.: *Многие политики стран СНГ опасаются, что создание наднационального регулирующего органа в рамках ЕЭП станет началом возврата к СССР. Напрасные опасения?*

– Конечно, напрасные. СССР создавался как продолжение Российской Империи на советской идеологии. Он строился как идеологическая конструкция, скреплённая единством одной партии. А сейчас *сама логика интеграции совершенно другая. Суверенные государства объединяются, чтобы сохранить и укрепить свою независимость в очень сложном глобальном мире.* Экономические соображения выходят на первый план, военно-стратегические – на втором месте, и лишь потом подтягиваются политика и идеология. Я думаю, что и управленческие структуры ЕЭП будут демократическими, учитывающими интересы каждого государства. Убедительный пример, что это возможно сделать, не поступаясь суверенностью каждого субъекта, входящего в объединение, даёт нам Евросоюз.

Корр.: *Тогда – о другой "стороне медали". Президент Молдавии Воронин утверждает, что ялтинский "союз четырех" ставит крест на СНГ. Насколько это обоснованно?*

– Опасения Воронина мне представляются напрасными. СНГ образовался как инструмент вежливого развода советских республик после распада СССР: раздела имущества, тихих споров о том, кто кому что должен. Но, как известно, бракоразводный процесс подзатянулся, и в 1994 году президент Казахстана Нурсултан Назарбаев пророчески предложил начать реинтеграцию...

Корр.: *Напомните, в чём "соль"...*

– Проект "Евразийского Союза" и экономическое объединение постсоветского пространства. Эта идея в тот момент не была принята ни в Москве Ельциным, ни остальными лидерами стран СНГ. Только когда к власти в России пришёл Владимир Путин, тематика получила новое дыхание: было создано ЕврАзЭС. Некоторых лидеров СНГ это насторожило. В качестве

контрмеры образовался блок ГУУАМ ("Грузия–Узбекистан–Украина–Азербайджан–Молдова") в лице тех стран Содружества, которые хотели бы сохранить СНГ как инструмент развода. Сейчас ЕЭП – попытка расширить реинтеграционный потенциал на "эсэнгешном" пространстве. В это пространство никто силком не затягивает, но туда совершенно добровольно могут вступить и Грузия, и Азербайджан, и Молдова, руководимая господином Ворониным. Как только "дозреют". Тогда, если и "поставится крест", то на СНГ "бракоразводном", по версии ГУУАМ. А Назарбаевское евразийское СНГ только начинается…

"ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ" КАК СИМВОЛ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

(постмодернистический характер демократических империй)

Постмодерн, условия постиндустриального общества заставляют нас по-новому взглянуть на всё – в том числе и на международную политику. Ещё вчера мы оперировали такими понятиями как "прогресс", "государственный суверенитет", "логика истории", "поступательное развитие" и т.д. На заре XXI века мы видим, что прогресс в одной области может легко сочетаться с регрессом в другой в рамках одного и того же общества, что бывают государства без суверенитета, а история подчас отклоняется от своего якобы очевидного курса на 180 градусов. Приходится пересматривать почти всё из того, что вчера было очевидно. Поэтому вполне уместно задать вопрос: что будут представлять из себя Россия и СНГ в новом столетии? Будут ли они вообще? И даже: а зачем они, собственно, нужны, и если нужны, то кому и в каком качестве?

Россия изначально была чем–то наподобие империи. Она объединяла своей государственностью разные племена и народы, которые никогда так и не превратились в однородное гражданское население. С первых дней Рюрика и по настоящее время Русь–Россия–СССР–РФ сохраняла *полиэтничность*. Русский народ жил в своём государстве всегда вместе с другими народами. Мы так и не стали "нацией", т.е. однородным культурно–политическим, языковым, гражданским образованием. Это принцип всех империй – *единое стратегическое пространство, интеграция поверху и этнокультурное разнообразие внизу*.

Логика модерна заставляла нас осмыслять эту особенность так: империи соответствуют древнейшим формам традиционного общества. Распадаясь, они образуют государства–нации. В них этносы *перемалываются в однород–*

ных граждан. Позже эти государства–нации освобождаются от сословий и религиозных институтов и становятся, резко или постепенно, буржуазными. Буржуазные государства постепенно переносят акцент с государственного принципа на общество. И, наконец, государство как таковое полностью растворяется в гражданском обществе – в *открытом обществе*. Коммунисты и социалисты добавляли к этой схеме травматизм перехода от буржуазного государства к социальному, т.е. *революцию*. Они очень спешили с переходом к открытому обществу и предрекали скорый распад буржуазной государственности. В последние десятилетия эта поправка на социализм была снята, и советский эксперимент был признан лишь тупиковым отклонением от магистрального курса.

Итак, следуя логике модерна, индустриального общества, *Россия как империя должна распасться на составляющие, превратиться в государство–нацию, утратить этническую самобытность, развить рассудочность, логистику и экономику, а потом то, что от неё останется, будет интегрировано в открытое общество "единого мира"*. Если рассматривать советскую эпоху как блуждание по кругу и новое издание империи, то получается, что нам надо пройти историю заново: после распада СССР построить на базе РФ государство–нацию, потом его модернизировать, сформировать из россиян "гражданское общество" и благополучно раствориться в общечеловеческой цивилизации. Такова логика модерна, и она для нас крайне непривлекательна: чтобы хоть как–то приблизиться к странам "богатого Севера", нам надо "начать и кончить", построить нечто небывалое – национальную государственность – и только для того, чтобы это как можно скорее растворить. А западные коллеги ещё и посмеиваются: ничего у вас, ребята, не получится, лучше и не пытайтесь. "Евразийские Балканы", по выражению Бжезинского, гигантские поля распада – такими нас видят пессимисты и недоброжелатели. А оптимисты поощряют: скорее стройте Россию, чтобы потом её ещё скорее распылить на атомарные единицы "гражданского общества". Это пределы

России в индустриальной логике модерна, и ничего иного, увы, не остаётся. Чтобы выйти на иной путь, придётся отбросить модерн как таковой. Это было бы вызывающе, если бы не постмодерн и теории постиндустриального общества. Они–то и приходят нам на помощь.

Россия в оптике постмодерна совершенно не обязательно должна развиваться по строго определённым историческим траекториям. В некотором смысле она свободна идти в любом направлении: и в будущее, и в прошлое, или же вообще не идти никуда. Она может оставаться империей и вбирать в себя высокие технологии, может жить законами традиционного общества и внедрять демократические институты, может сочетать авторитаризм и свободу, этническую самобытность и системы Интернет. Постмодерн может выбирать иные пути там, где их никогда не было, ведь основной закон этого стиля – "сочетание несочетаемого", тонкая ирония, дистанция прямого повторения. Че Гевара, рекламирующий мобильную связь, – это постмодерн. В геополитическом смысле, постмодерном является "Евразийский Союз".

"Евразийский Союз" – это изящный обход системы почти непреодолимых исторических препятствий, корректный отказ от участия в состязании. Не желая двигаться по предписанной логике, – тем более к непривлекательной цели, – Россия предложит в таком случае *свою собственную логику*. В ней – как и везде – миф будет сочетаться с рассудочностью, привычные методики расчёта и анализа с креативным новаторством, скрупулезный учёт реальностей с волевым произволом. Надо максимально верно использовать наш исторический шанс.

Россия ещё не вступила по–настоящему в современность, она топталась в преддверии, грезила, прикидывалась, старалась, но продолжала стоять там, где и была – на своём неизменном евразийском месте, и, расширяя пределы, Россия не менялась по существу, лишь простирая свою внутреннюю неуверенность, свою задумчивость, свою геополитическую вопросительность на народы и просторы, которые попадали в русскую зону. Мы от–

вечали на жёсткие вызовы Запада, мимикрировали под его стандарты, но неизменно оставались сами собой.

Постмодерн открывает России уникальную возможность: мы можем ринуться в него и встать впереди "цивилизованного европейского Запада", который, пыхтя, только–только добрался туда и выстроил Евросоюз. Мы же можем, опустив промежуточные этапы, сделать резкий и неожиданный бросок, причём в направлении, где трассы ещё не проложены – ведутся строительные работы. Россия в невыгодном положении, если рассматривать историю как железнодорожное путешествие, но как внедорожник она имеет все шансы для победы. Это не по правилам, но воля к победе – важнее.

В начале прошлого века мы, кстати, поступили сходным образом: чтобы не тратить время на долгий путь муторного строительства капитализма, мы шагнули в коммунизм – переступив через формацию. В этом уже был элемент постмодерна. И в целом, это дало весомые плоды. Смысл проекта "Евразийского Союза" в том, чтобы повторить эксперимент на новом историческом витке. И ключ к этому в понятии *"демократическая империя"* – такой же демократичной, как Евросоюз, но вместе с тем, такой же внимательной к сохранению геополитической субъектности и бережно относящейся к самобытности этносов, как Византия или эйкумена Чингизхана.

Постмодерн заморозил историческое время. Недаром американец Фрэнсис Фукуяма провозгласил "конец истории", а француз Жан Бодрийяр объявил о начале "постистории". Для них – это результат триумфа и цивилизационной усталости одновременно. *Для нас – приглашение к новым стратегиям и креативным прорывам*. В империи тоже нет истории, она священна, а потому в некотором смысле вечна. *Пространство в ней важнее времени.*

Демократическая империя – это слияние противоположностей. В этом есть и холодный геополитический реализм взвешенной стратегической оценки постсоветского пространства, и романтизм континентальной воли;

партнеры на Западе и на Востоке, и опора на собственный опыт; мобилизационный проект и снисходительность к тем – сугубо российским – особенностям, которые делают нас такими, какие мы есть. Чтобы стать "демократической империей" России надо просто сказать самой себе "да". Это будет самым постмодернистическим жестом, какой только можно придумать.

Но, по парадоксальной логике постмодерна, Россия не может оставаться собой, не сливаясь *с другим*, нежели она. Она призвана найти себе главного партнера по постиндустриальному рывку к "демократической империи". Евразийская идея заключается в том, что оптимально таким партнером в СНГ является Казахстан. И далеко не случайно, что прозорливый правитель именно этой Республики – Нурсултан Назарбаев – выдвинул первым тезис о "Евразийском Союзе". Лев Гумилев вслед за евразийцами Трубецким и Савицким учил, что русские стали "великороссами" благодаря тюрко-монгольскому влиянию. Позже тюркские и монгольские народы Российской Империи строили российское государство вместе со славянами как свое собственное. И даже в ещё более древние времена Киевская Русь кипела диалектикой сложных и животворных отношений между оседлыми славянами и степными кочевниками, дающих свежий импульс развитию и становлению государственности. То, что было позитивным импульсом архаики, возрождается в постиндустриальном контексте: Россия снова обращается в своем становлении к главному геополитическому партнеру по "Евразийскому Союзу" – к великому казахскому народу, к бескрайним степям Казахстана, к политическому лидеру Евразии, прозорливому Президенту Республики Казахстан Нурсултану Назарбаеву.

В постиндустриальное общество мы попадем только вместе.

ЛИБЕРАЛИЗМ И ИМПЕРИЯ: СИМБИОЗ ИЛИ АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬ?

Несколько неожиданное провозглашение Анатолием Чубайсом курса на создание на постсоветском пространстве "либеральной империи" внезапно придало актуальность сразу трем темам: будущему евразийской интеграции, идее империи и инструментальности либерализма как экономического учения.

Благодаря книге Антонио Негри и Майкла Хардта "Империя" (Москва, "Ультра", 2003) мы узнали, что империи бывают разными и что под империей можно понимать не только царизм и коммунизм, которыми нас столько лет попрекают либералы, но и сами США, шире – западный мир.

Либеральная империя, о которой говорит Чубайс, – это, безусловно, отсылка именно к США. И для убеждённого западника Чубайса это вполне естественно. Сложности начинаются тогда, когда этот принцип прикладывается к России и странам СНГ. Согласно американскому сценарию, такое предложение кощунственно и недопустимо. Говоря о либеральной империи, под ней понимают только планы интеграции планеты под прямым стратегическим, политическим и экономическим контролем "богатого Севера". Любые другие блоки не приветствуются. Этот принцип заложен в самой стратегической доктрине США (в версии Пола Вулфовица), где одной из главных угроз американским интересам признаётся "возможность образования на евразийском материке крупного объединенного образования". Либеральная империя должна быть только одной–единственной, в каком-то смысле "единой и неделимой". Процессы евразийской интеграции никак в этот проект не вписываются.

Одна или несколько

Евразийская интеграция, создание на постсоветском пространстве нового объединенного образования имперского типа является вызовом глобализму, так как предлагает свой – альтернативный – сценарий мироустройства, основанный на балансе больших пространств, т. е. многополярности. Какой бы эта евразийская интеграция ни была – либеральной или не очень, её смысл всегда будет состоять в геополитической фронде.

На самом деле в современном мире существует только такая альтернатива: *либо Империя – одна единственная, глобальная; либо империи – несколько больших пространств*. Национальные государства по сути исторически обречены, они не способны в новых условиях отстоять свою суверенность ни политически, ни стратегически, ни экономически. Это справедливо и для всех стран СНГ. И весь вопрос заключается только в том, *в какую империю эти страны будут включены*. Либо напрямую – в единую и глобальную Империю, и тогда это будет происходить на индивидуальной основе, как добровольный отказ от суверенитета, либо в одну из возможных региональных империй – таких как Евросоюз или потенциальный "Евразийский Союз". И в этом случае возникает новый тип суверенитета – *коллективный имперский суверенитет*.

В случае евразийской интеграции речь, конечно, идёт о региональной империи, и это действительно становится интересно. Тема евразийской интеграции неявно сопрягается либо с "рецидивом русского колониализма", либо с "ностальгией по советским временам". Тот факт, что инициатором этой интеграции выступил крайне либеральный политик, Анатолий Чубайс, придаёт теме новое измерение. Интеграция на либерально-экономической основе реабилитирует всю эту инициативу, придаёт ей современное, даже футуристическое, постиндустриальное звучание.

Либерал–евразийство

Смысл проекта можно определить как *либерал–евразийство*. Речь идет о синхронизации и унификации экономических систем стран СНГ, создании единого экономического пространства, отмене всех экономических и таможенных границ, появлении евразийских ТНК и т. д. Эти проекты вытекают из теорий таких экономистов, как Фридрих фон Лист и его русский последователь Сергей Витте, которые считаются отцами–основателями *евразийской экономики*. Экономическая интеграция больших пространств была разработана именно *либералами*. В основе этой теории лежит следующее соображение: прямой контакт менее экономически развитого государства с более развитым, отделённым ранее таможенным барьером, не уравнивает их потенциалы, но ещё более обогащает богатого и развитого и ещё более обедняет бедного и неразвитого. Изоляция также не спасает положение бедного. Поэтому возникает третий путь: *интеграция соседних стран с близким состоянием экономики, создание достаточно большой зоны общего рынка и избирательная (дифференцированная) открытость внешним экономическим игрокам с учётом приоритета развития национальной экономики в масштабах всего "большого пространства"*. Это отчасти напоминает патернализм, но применённый не к отдельному государству, а *к обширной системе государств со сходным уровнем экономического развития*. По мнению Листа, только это позволит модернизировать экономическую систему всех участников такого объединения, а далее можно ставить вопрос о втором этапе – *повышении интеграции с внешними экономическими зонами, но уже в новом качестве – развитых и усиленных объединением стран*.

Евразийская экономика есть общество с рынком, но не рыночное общество. Здесь проходит существенная грань: рыночный принцип может быть до определённой степени полезен евразийскому экономическому союзу, в той мере, в какой он способствует развитию гибкой хозяйственной инфраст–

руктуры. На практике это означает локализацию частнособственнических отношений нестратегической сферой производства товаров и услуг. Рынок и частная собственность в евразийстве не наделяются ценностным качеством: ни позитивным, как в либерализме, ни негативным, как в марксизме. *Эта сфера есть область прагматической допустимости и прагматической полезности*. В то же время стратегические области экономики находятся под госконтролем, и здесь действует принцип протекционизма и патернализма для всех членов "экономической империи", а также элементы плана, сопряжённые с реализацией задач геополитического масштаба. Налоговая система в такой либерал–евразийской модели призвана служить социальной гармонизации, поддерживать экономически слабых или несостоятельных участников экономического сообщества. Общим же принципом остаётся принцип *общеевразийской солидарности*.

Если это не PR

Если Чубайс, говоря об "интеграционной миссии России в XXI веке", имеет в виду либерал–евразийство, то этому можно только аплодировать. Ценность такого курса в том, что он реабилитирует и модернизирует тематику евразийской интеграции на уровне имиджа, а также придаёт проекту не утопический и ностальгический, а прагматический и вполне конкретный характер.

Конечно, памятуя о предыстории Чубайса, нельзя избавиться от сомнений: не столкнулись ли наши олигархи с кризисом жанра? Приватизировав Россию, возможно, они положили глаз на сопредельные страны? Если либерализация постсоветских пространств будет идти в духе шоковой терапии, то результат может быть обратным, и мы только отвратим от России наших партнеров по СНГ. Однако, если Чубайс говорит от имени РАО ЕЭС, это гораздо интереснее: энергетическая политика России в отношении Грузии и

Украины в последние годы действительно оказывалась довольно эффективной и результативной.

Как бы то ни было, создание "Евразийского Союза", о котором первым заявил Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, это экономический и политический императив всех стран СНГ, в первую очередь, России и Казахстана. Лозунг "либеральной империи" Чубайса, несмотря на всю его противоречивость, позитивен в том смысле, что он ориентирован именно на евразийскую интеграцию, а кроме того, освобождает эту тематику от "колониального" или "коммунистического" контекста. Единой Евразии быть, и кто бы ни помогал нам на этом пути, уже тем самым заслужит своё достойное место в истории.

Часть III.

Нерушимая ось: Москва–Астана

ОБЩНОСТЬ СУДЬБЫ – ЕВРАЗИЙСКОЕ РЕШЕНИЕ

(текст выступления Александра Дугина на круглом столе, посвящённом году Казахстана в России, 14 мая 2003 г., Москва, "Президент–отель")

Я очень рад, что сегодня мы собрались по поводу года Казахстана в России, но хотел бы отметить важность того, чтобы в этот год мы не ограничились исключительно формальными сторонами и мероприятиями, но подошли и к содержательной части. Ведь именно Казахстан, и в первую очередь, его Президент Нурсултан Абишевич Назарбаев – это *полюс всей евразийской интеграции постсоветского пространства*. Казахстан, не просто одна из стран СНГ, это *геополитический вектор интеграции, мотор становления Евразийского Союза*. И год "Казахстана в России" логически означает *"год евразийской интеграции"*, до определённой степени *персонифицированной в Президенте Казахстана*.

Когда мне доводится беседовать с различными высокопоставленными политическими деятелями России и экономическими магнатами об интеграции постсоветского пространства, как правило, мои визави начинают говорить о ресурсах для такой интеграции – есть ли они или нет, хватит ли их или нет, о выгодах и потерях российской стороны, о соблюдении наших интересов, о недоброжелательной реакции со стороны Запада и т.д. Складывается впечатление, что многие в России думают только о сиюминутном, живут одним днем. Будущее, более далекое, нежели год–два, у крупных экономических магнатов вызывает улыбку: это настолько "далеко", что никто об этом даже не загадывает – мы знаем, каковы в России кредиты и скорость оборота капиталов. К прошлому обращаются, как правило, для легковесного PR или эфемерного аргумента для доказательства какого–то случайного тезиса.

Этот подход, на мой взгляд, является в корне неверным. В любом историческом начинании главное – это воля, политическая, историческая, духовная воля. Когда такая воля есть, лишь во вторую очередь доходит дело

до ресурсов, выгод, затрат. Можно указать на простой пример: в нашем мире мало кто получает капитал, т.е. собственно ресурсы, в наследство, как данность. Чаще всего по–хорошему агрессивный и "жадный" человек принимает решение о том, чтобы разбогатеть, завладеть ресурсами, бросает все силы и энергию на это. Отсюда и возникают ресурсы – из воли и действия, из энергии и решимости.

Великие исторические решения, как правило, основываются на особом внутреннем чутье народа или политического деятеля, они не вытекают напрямую из банальных и сиюминутных подсчётов. Известный немецкий юрист Карл Шмитт разработал целую теорию "Решения" (Entscheidungslehre), согласно которой "историческое Решение" принимается в исключительных обстоятельствах, и не рационально, а через обращение к огромной сфере данных, учитывающих географию, историю, культуру, цивилизацию и т.д., причём необходимость быстрого принятия Решения исключает возможность скрупулёзного взвешивания всех релевантных факторов.

В линии Президента Казахстана и его книге "Критическое Десятилетие" мы видим и волю, и решение, и адекватный и продуманный геополитический горизонт, охватывающий три сферы: глобальная геополитика (Запад–Восток, Север–Юг, глобализация, однополярность, доминация США, распад блоков и его последствия), собственно евразийская геополитика (СНГ, Европа, Азия, исламский мир) и локальная геополитика (отношения Казахстана с соседними странами). Более того, мы видим серьёзное и искреннее размышление об историческом процессе, о судьбах казахского народа, о становлении его культуры, о решении межэтнических проблем, о противодействии экстремизму. Показательно, что несколько абзацев своей книги Президент Назарбаев посвятил и проблеме суфизма – эзотерического направления исламской традиции.

Президент Назарбаев начинает не с ресурсов интеграции, не с интересов Казахстана, но с того, *с чего и надо начинать истинному политическому де–*

ятелю: он начинает с *Решения*. Для него евразийская интеграция является *безусловным историческим императивом*, который не подлежит сомнению, и весь вопрос ставится только так: *каким образом это Решение провести в жизнь максимально эффективно и быстро?* Но коль скоро такая воля есть, она проявлена и концептуально описана, коль скоро за ней стоит огромная страна – Казахстан – с мощным ресурсным, интеллектуальным, пространственным, экономическим, политическим потенциалом, *евразийство становится уже вполне конкретным и весомым фактором реальной геополитики и реальной международной политики, переходя из области теоретических проектов в область Realpolitik*. И коль скоро Евразийское Решение принято, мы начинаем просчитывать ресурсы его реализации. И заметьте, сразу же вся картина интеграции становится вполне *реалистичной*.

Хочу также отметить наличие в Казахстане относительно более прогрессивной системы законодательства в сфере финансово–кредитной политики, т.е. Казахстан это не финансовый экономический балласт для России, но великолепный долгосрочный партнер, у которого многому можно поучиться и нам. Следует также поддержать инициативы по налаживанию единой системы научной аттестации, активизации сотрудничества в научно–исследовательской сфере. Замечательной является идея относительно *информационной интеграции*, создания *единого информационного пространства*. Всё это и есть ресурсы и пути реализации евразийства – конкретные и, как оказывается, имеющиеся в нашем распоряжении. Но они останутся разрозненными и малозначимыми элементами, если не станут составляющими частями *общего единого плана* – инструментами проведения в жизнь *евразийской философии*, которая и есть философия интеграции постсоветского пространства.

Книга Нурсултана Назарбаева "Критическое Десятилетие" – это не только казахстанская книга, это книга, безусловно, актуальная и для россиян, и для жителей стран СНГ, и, наверное, намного шире. Это философская и *евразийская книга*, книга–анализ и, вместе с тем, книга–проект. В этом её бе–

зусловная ценность, и я согласен, с тем, что нашему Президенту – когда придёт год России в Казахстане – следовало бы ответить не менее серьёзным, философским, геополитическим и евразийским трудом. Но это приятная конкуренция – соперничать в общем деле, в чистоте помыслов и строительстве лучшего мира.

Сегодня в Казахстане налицо не только евразийство Президента, но и наличие некоего интеллектуального штаба, группы единомышленников Назарбаева, довольно молодых людей, которые относятся к евразийству не формально, а искренне, последовательно, с умом и душой. В этом Казахстан снова впереди. При том, что евразийство пользуется единодушной поддержкой россиян при решении как внутриполитических, так и внешнеполитических вопросов, при том, что сам Президент Путин, безусловно, симпатизирует этой идеологии, о чём он не раз говорил напрямую, до аналогичной концентрации интеллектуально-политических усилий в России, увы, пока далеко.

Я думаю, что нам также стоит с опорой на выдающихся политических, научных и медийных деятелей формировать в России постоянно действующий *"штаб евразийской интеграции"*. Это будет самым действенным и эффективным способом политического, экономического и культурного сближения наших стран, наших братских народов, объединенных "общностью евразийской судьбы".

ИМПЕРАТИВ НАШЕГО ОБЪЕДИНЕНИЯ И СБЛИЖЕНИЯ ЗАПИСАН В САМУ ГЕОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТИНУ НАШИХ СТРАН

(о праздновании года России в Казахстане)

Императив объединения Казахстана и России и нашего сближения записан в саму географическую картину наших стран. Казахстан – это не просто одна из республик СНГ, но также и символ евразийской воли со стороны президента Нурсултана Назарбаева. И стоит полагать, что "год России в Казахстане" не должен стать формальным, поскольку это чрезвычайно важный проект, который в перспективе скажется на всём отношении к процессу укрепления структуры ЕврАзЭС и евразийской интеграции в целом. Сама структура ЕврАзЭС сегодня становится важнейшим ядром принципиально нового отношения к СНГ как метагосударственному образованию. Изначально в своей идее СНГ мыслился подобием инструмента дезинтеграции СССР, *а структура ЕврАзЭС – напротив, как инструмент реинтеграции*. У этого образования цель совершенно иная. Если мы будем последовательны и оформим год России в Казахстане не как дань формальному событию, но как череду конкретных содержательных мероприятий, то не исключено, что это в итоге скажется и на усилении структуры ЕврАзЭС и на сближении отношений Москвы с Астаной, которые имеют даже не столько двусторонний, сколько многосторонний характер, и в значительной степени являются *важнейшим фактором новой волны интеграции всего постсоветского пространства*. Радикально иных подходов нет и не может быть. Другое дело, что, как и всё связанное с евразийскими тенденциями на постсоветском пространстве, это может остаться на уровне деклараций. Но может и получить серьёзное, содержательное развитие. Должно получить.

Президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев в течение десяти долгих "критических" лет последовательно и настойчиво продвигал *идею евразийской интеграции*, и в свете этого становится очевидным, что в первую очередь для благополучного осуществления проекта необходима *ответная воля со стороны Москвы*. В этом отношении проблема была не в Астане, не в Казахстане, а именно в Москве. Поэтому если мы всерьёз отнесёмся к году России в Казахстане и вложим реальное, глубокое содержание в сближение наших народов, наших республик в едином цивилизационно–культурном стратегическом пространстве, то это как раз и может стать нашим ответным шагом навстречу. Остаётся только надеяться, что линия Назарбаева, которая во всех отношениях соответствует национальным интересам России, возобладает, для чего, конечно, необходимо применить определённые усилия и продолжать настаивать на *вкладывании содержания* в этот процесс.

И Китай, и США по формальным признакам не являются стратегическими противниками России. Также определённое двустороннее партнерство Казахстана с США или с Китаем напрямую не вредит и не разрушает российско–казахстанские отношения. Другое дело, в каком ключе они протекают. Смысл евразийской платформы Назарбаева и евразийства в России, которые по основным параметрам совпадают, исходит из предпосылки, что выстраивание региональных и, тем более, глобальных политических блоков *должно быть консолидированным для всех стран постсоветского пространства*. Только тогда это будет органично и даст позитивный результат. Если же альянсы и взаимодействие будут происходить так же, как временами это случается с Украиной, когда противопоставляются украинско–европейские отношения оси Киев–Москва, это принесёт только вред. Но вот как раз в отношении Назарбаева такой позиции не видно – ни его сближение, ни определённые двусторонние отношения с другими крупными державами *никогда не носили фрондирующего антироссийского характера*. И здесь ясно, что позитивное развитие отношений Астаны с Пекином и Вашингтоном, а тем

более с Брюсселем, ни на чём не скажется, скорее, наоборот, только дополнит более гармоничное и последовательное развитие евразийской модели.

Многие проблемы, возникшие в России и на всём постсоветском пространстве за последнее десятилетие, являются следствием состояния (сознательного или бессознательного) значительной части российской элиты, которая относилась *негативно* ко всем формам – советским, досоветским и т.д. – *исторической преемственности, которая целиком была ориентирована на Запад и руководствовалась в своей же стране преимущественно русофобскими и антигосударственными моделями.* Это сообщество не столько умственно неполноценно, сколько ориентировано *против национальных интересов нашего государства*. Это не недостаток, не недосмотр или недоразвитость, это, к сожалению, враждебная, антироссийская по сути, антигосударственная ориентация значительного спектра элиты, преобладавшей во время правления предыдущего Президента, которая и сейчас сохраняет серьёзные позиции при новом Президенте, несмотря на радикальную смену курса, поскольку курс нынешней государственной власти, безусловно, *государственный и патриотичный, евразийский*. Но смена соответствующих консультативных, аналитических и экспертных кадров до сих пор не произошла, и это создает серьезные препятствия на пути интеграции. По–прежнему в России ещё существует, увы, определённое противоречие: наша власть в лице Президента и его ближайшего окружения взяла курс на укрепление стратегических государственных позиций России, а экспертно–аналитическое сообщество или интеллектуальная элита продолжают жить в западнических, антигосударственных и ультралиберальных парадигмах. Поэтому мы до сих пор не видим со стороны Москвы *адекватного ответного жеста в сторону Казахстана*. И дело отнюдь не в дефиците подходящих интеллектуальных кадров, дело в определённой установке той части элиты, которая продолжает, несмотря на полную неактуальность подобной позиции, руководствоваться идеями наших ультразападнических либерал–реформаторов.

Значительная часть российской интеллектуальной элиты уже просто устарела, она неадекватна. К сожалению, несмотря на изменение политической воли руководства России в интеграционном, государственном ключе, российские интеллектуалы в значительной степени продолжают мыслить в раннеельцинских, перестроечных образах 1989–го года, когда слова "Россия", "государственность", "интеграция", "власть", "преемственность", "традиции", "геополитические интересы", "национальные ценности" неправомочно и утрированно воспринимались как проявления "шовинизма", "реваншизма", "неокоммунизма", "реакции" и т.д. Понятно, что быстро этот вопрос не исправится, но необходима хоть какая–то ротация элит, от которой зависит многое, в том числе и культурный обмен с Казахстаном, как одна из основ сближения. У нас до сих пор, как ни печально, в некоторых политических кругах доминирует идея, что Россия должна отдаляться от СНГ, словно от некой обузы, и, соответственно, необходимо перевести отношения со странами СНГ лишь в сторону экономического, материально выгодного партнерства. Нельзя согласиться с такой позицией. Слишком очевидна *общность судеб России и Казахстана*. Мы никогда не решим проблему русского населения в Казахстане без усиления, ускорения и качественного *развития евразийских интеграционных процессов*. И в этом отношении несомненно то, что было бы крайне безответственным и исторически безнравственным препятствовать этому сближению или оспаривать его целесообразность. Императив объединения и сближения записан в саму географическую картину наших стран, достаточно взглянуть на наше месторасположение на материке, чтобы понять: *Россия – евразийское государство, и Казахстан – евразийское государство, мы объединены геополитически, исторически, цивилизационно и культурно*. Либо мы будем вместе процветать, либо будем по отдельности загнивать и разлагаться. Тем более, что мы можем доставить друг другу целый ряд естественных серьёзных проблем именно в качестве государств–наций.

Следует категорически воспрепятствовать тому, чтобы Россия укрепля–

лась как государство–нация. Вернее, как государство–нация старого образца индустриальной эпохи, эгоистичное, противопоставленное соседям, озабоченное лишь собственной выгодой, прикрывающее национальными лозунгами интересы только имущего, обеспеченного класса. То же можно сказать и о Казахстане. Вместо этого мы должны совместно осуществить бросок в постиндустриальную эпоху, в мир демократической интеграции "больших пространств", совокупно формирующих новый тип коллективной идентичности, способный противостоять актуальным вызовам современности.

У нас общая стратегическая и цивилизационная цель – мы должны изучать и понимать культуру, общества друг друга, и постепенно реинтегрироваться в некое новое образование, может быть, в чём–то аналогичное Евросоюзу, к чему ведет президент Казахстана, уважаемый Нурсултан Абишевич Назарбаев, и в чём его полностью и безоговорочно поддерживает наше Международное "Евразийское Движение".

В СТРАНАХ СНГ БУДЕТ ТЕПЕРЬ НЕПРЕРЫВНЫЙ "ГОД ЕВРАЗИИ"

(выступление на конференции, посвящённой Году России в Казахстане,

4 марта 2004, Москва, МГУ)

Уважаемые коллеги! Руководители Московского Государственного Университета! Высокие гости Республики Казахстан! Позвольте поблагодарить Вас за приглашение принять участие в столь важном и содержательном мероприятии.

Евразийская Идея сегодня переживает настоящий бум. Не во всех странах, однако, он одинаков. Нет сомнения, что местом наибольшей популярности евразийства является Казахстан. Это, впрочем, неудивительно, так как сегодня Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев является по праву "евразийцем номер 1" во всём мире. Здесь на этой кафедре 10 лет назад Нурсултан Назарбаев произнёс историческую речь о Евразийской Идее, её актуальности, о необходимости воплотить её в жизнь и построить на основе этой теории "Евразийский Союз". В то время все страны СНГ жаждали только одного: скорейшего "развода", укрепления своих национальных государств, разделения и возведения крепких, непроницаемых границ между нашими братскими народами. Назарбаев не побоялся пойти *в ином направлении* и, намного опережая время, провозгласил курс на интеграцию. В то время его почти никто не понял. И самое печальное, что российское руководство, которое, казалось бы, больше других должно быть заинтересовано в таких инициативах, отнеслось к евразийству весьма прохладно.

Ситуация изменилась с приходом к власти Владимира Путина, который резко изменил отношение к этому проекту и стал активно поддерживать Нурсултана Назарбаева в его евразийских начинаниях. Первый срок Путин был отчасти ограничен в этом направлении системой договоренностей с ос–

татками "ельцинской элиты". Но сегодня путь для нашего Президента расчищен, и ничто во внутренней политике не препятствует активному развитию евразийской стратегии. А это значит, что и так уже очень теплые отношения между Казахстаном и Россией станут ещё крепче, и нельзя исключить, что интеграция наших государств в реальный "Евразийский Союз", о котором мечтает Нурсултан Назарбаев, состоится уже в эти 4 года.

К сожалению, отношения России с Беларусью в вопросе интеграции несколько затормозились, но утешением за это может быть бурное развитие российско–казахстанских отношений. У России, наверное, на всём пространстве СНГ нет лучшего друга и более надёжного партнёра и единомышленника, чем Казахстан.

Я думаю, что сейчас наступает заветный миг *триумфа евразийской идеи*. И снова решающий момент связан с последовательной и неуклонной волей Президента Казахстана. Назарбаев, быть может, единственный из руководителей постсоветских республик оказался не просто настоящим национальным лидером, фактически построившим Казахстан, отладившим в нём жизнь, модернизировавшим его экономику и одновременно бережно сохранившим его культурные традиции, давшим новый импульс развитию национальной духовности, но и авторитетнейшим лидером на уровне всего СНГ. А если учесть планетарное значение евразийства, его цивилизационный и футурологический потенциал, то можно смело сказать: *Назарбаев – политический лидер, более того, политический философ мирового масштаба.*

Теперь несколько слов о евразийстве. Один из выступающих несколько некорректно посетовал на "недостаток монографий по евразийству в России". Это совсем не так. В издательстве "Аграф" в 90–е годы под моей редакцией были переизданы все основные труды первых евразийцев: Савицкий, Трубецкой, Алексеев, Вернадский, Карсавин и даже такие раритеты как Эренжен Хара–Даван и Яков Бромберг. Кроме того, мной издана восьмисот–

страничная хрестоматия по евразийской политической мысли, где помимо исторического раздела есть большой раздел, посвящённый развитию евразийства на современном этапе – "Основы Евразийства" (Москва, 2002). Если добавить к этому неоевразийские монографии "Евразийский Путь", "Евразийский Взгляд", "Евразийская Программа", издававшиеся нашим "Евразийским Движением" по отдельности и сегодня собранные в объёмном томе уже неоевразийской классики "Проект: Евразия" (издательство "Эксмо"), а также множество монографий с историческим обзором трудов первых евразийцев, то будет немало. А что говорить о десятках трудов Льва Гумилева и некоторых его последователей! Если добавить кандидатские и докторские на эту тему (я был оппонентом или рецензентом по крайней мере на 15 таких защитах), то получится целая библиотека. Единственно, с чем можно здесь согласиться, *что настоящий евразийский бум в России ещё впереди*.

Как это ни странно, но евразийский бум мы наблюдаем сегодня в Турции. В самых разных секторах турецкого общества присутствуют евразийские сегменты – они есть у левых (Рабочая Партия Догу Перинчека, у других коммунистов), у светских националистов (военное руководство, генералитет), у правительственных кругов (советники премьера Эрдогана), у некоторых правых националистов (журнал "Заман"), у интеллигенции, в кругах аналитиков и стратегов. Недавно виднейший турецкий интеллектуал Атилла Ильхан посвятил евразийству и, в частности, визиту делегации международного "Евразийского Движения" в Стамбул целую 6-часовую передачу на турецком телевидении. В беседе с ректором Стамбульского Университета мы говорили о сотрудничестве с "Евразийской Ассоциацией Университетов", которую возглавляет ректор МГУ Виктор Садовничий. Это очень важный момент. *"Евразийский бум" в Турции является серьёзным основанием для сближения и России и Казахстана с этой страной на новом стратегическом основании.* Не секрет, что до определённого времени, Турция позиционировала себя как региональный конкурент, если не противник, России на Кав-

казе и в Центральной Азии, а идеи "пантуранизма" прямо противопоставлялись "евразийским проектам" и носили явный антирусский характер. *Эволюция Турции в евразийском ключе может полностью изменить эту стратегическую картину*. И Турция может стать в такой ситуации важным партнёром, спонсором, а то и прямым участником интеграционных процессов на всем евразийском пространстве. Это очень важный фактор, который надо исследовать самым серьёзным образом.

Несколько слов о планетарном измерении евразийства. Что такое евразийство в глобальном масштабе? Сегодня во всём мире налицо *кризис национальных государств* – таких, какими они сложились с эпохи буржуазных революций, т.е. в Новое Время. Одни государства распадаются на этно–национальные составляющие, другие объединяются в сверхнациональные образования. Сторонники национального государства пытаются противиться этим процессам, но они обречены, так как объективный ход развития истории привёл к эрозии понятия "суверенитет", на котором эти государства основывались. В современном мире существует такая диспропорция в военном оснащении, уровне экономического развития, техноструктуре и социальных системах, что юридическое понятие "суверенитета" просто лишено смысла.

Глобалисты из этого делают поспешный вывод: от национальных государств мы должны перейти к единому мировому государству, World State. Матрицей такого государства будет англосаксонская, американская модель социально–политического и экономического устройства: либерал–демократия, свободный рынок и т.д. А культурное клише будет выработано на основе космополитического смешения всех культур.

Евразийцы предлагают третий путь: ни глобализм, ни сохранение национальных государств. Этот третий путь состоит в создании открытых "больших пространств", своего рода "демократических империй" по образцу Евросоюза. Этот вариант уже реализуется в Европе, поэтому сторонники евро–

пейской интеграции – *это тоже евразийцы!* Этот же процесс должен проходить на пространстве СНГ, а также в тихоокеанском регионе (АТР), на американском континенте и т.д. Это и есть *евразийская многополярность*. Не двуполярность "холодной войны", не однополярность глобализма, не хаос равновеликих национальных государств, большая часть которых не обладает даже минимальной степенью суверенности, но именно создание нескольких – как минимум – четырех мировых полюсов, представляющих собой продукт интеграции нескольких государств, объединённых культурной, исторической и цивилизационной общностью. Это и есть евразийство в его глобальном, планетарном выражении. За это мы и должны бороться совместно. И именно это я имел в виду, когда говорил *о планетарном значении инициативы Нурсултана Назарбаева*, впервые провозглашенной на этой кафедре.

Назарбаев по сути предложил миру план альтернативного будущего, проект альтернативной глобализации, иной порядок мироустройства. Однако всё величие его идей обнаруживается только сейчас, а истинная оценка придёт, видимо, много позже. Я убеждён, что скоро евразийский бум придёт не только в Россию, но мало–помалу эта идея завоюет мир.

КАЗАХСТАН И РОССИЯ – ЕВРАЗИЙСКИЙ БЛОК

(интервью казахстанскому интернет–порталу "Навигатор", 23 октября 2001 г.)

Корр.: *Александр Гельевич, не могли бы вы очень кратко сформулировать саму суть ваших теорий? Прежде всего, я имею ввиду идеи, касающиеся геополитики.*

– Я – автор учебника "Основы геополитики", и фактически эти теории привнесены в Россию с конца 80–х именно мной. Слабые намеки на геополитический подход мы встречаем у белоэмигрантов евразийского направления (П.Н.Савицкий), но, будучи "белыми", они оказали на советскую науку мало влияния (точнее, вообще никакого). Геополитические тенденции явно прослеживаются в творчестве Льва Гумилева, но у него методология остаётся за кадром, в основном – это этнополитика. Геополитика в СССР была объявлена "наукой буржуазной и империалистической", и на её изучение было наложено табу. Я в юности с этим табу решил не считаться, и изучил досконально первоисточники по этой дисциплине на иностранных языках: английском, немецком, французском, итальянском, испанском. Так, к началу перестройки я был во всеоружии и при первой появившейся возможности стал активно пропагандировать геополитику как замечательную методологию внешнеполитического и внутриполитического анализа. Остальные исследователи обратились к этой дисциплине много позднее. Занятно, что во многих последующих работах по геополитике воспроизводятся (часто, увы, без ссылок) не только карты, составленные и изготовленные мной, но и некоторые случайные опечатки или погрешности в написании имен авторов или названиях их работ, оказавшиеся в первых изданиях моих геополитических трудов. Уже по одному этому признаку легко установить, где оригинал, а где копии.

В принципе, суть геополитики сводится к тому, что утверждается *неснимаемое противоречие между двумя типами цивилизаций*: между морской

(или торговой) и сухопутной (или консервативной, героической). Эти два типа остаются верными своим основным импульсам независимо от исторических формаций. То есть атлантический или морской принцип, может проявляться и в демократических, и в традиционных, и в религиозных обществах, точно так же может проявляться сухопутный или евразийский принцип: он может иметь форму демократии, авторитарного государства, но тем не менее, данные цивилизационные установки – это специфическая внутренняя ориентация цивилизации. Конфликт между сушей и морем, между атлантизмом и евразийством, на самом деле, служит основной методологией.

Геополитика – это методология, которая балансирует между чистой наукой и мировоззрением. В этом есть какое–то сходство с марксизмом, но марксистский метод исчерпал себя исторически, и всё больше современных идеологов обращается к геополитике, поскольку здесь можно и проанализировать смысл и подоплеку многих событий, и сделать определённые прогнозы, и участвовать в историческом процессе и международной и внутренней политики активно, сознательно и последовательно.

Известный современный политолог Дарендорф подчеркивает, что понимание развития человечества через конфликт – это удобная и крайне продуктивная научная гипотеза. Геополитика полностью подпадает под это определение, но вместо классовой борьбы марксизма, она отталкивается от теории "великой войны континентов".

Корр.: *Ваши теории подтверждаются историческим процессом?*

– Безусловно. Геополитические исследования всю историческую ткань, всю канву исторических процессов сводят к противостоянию двух начал: Афины против Спарты, Рим против Карфагена, Англия против Испании. Карфаген, Англия и Афины были цивилизациями морского типа, а Спарта, Рим и Испания – соответственно, сухопутного. Безусловным фактом является и то, что Россия, Евразия и многие Среднеазиатские государства принадлежат к цивилизациям сухопутного евразийского типа. Вот и конкретное

приложение этой методологии к анализу нашего настоящего, прошлого и прогнозам на будущее. Сухопутная цивилизация обладает своими характерными признаками, которые проявляются через конкретную политику, систему международных отношений, ценностный и культурный уклад. Своя специфика есть и у морской цивилизации (атлантизма). Трения между этими системами – независимо от их конкретного идеологического оформления – ключ к разгадке того, что происходило и происходит на протяжение всей истории. А в наше время эти закономерности настолько очевидны, что просто бросаются в глаза.

Корр.: *То есть ваша методология, по сути, объясняет весь исторический процесс?*

– Это методология, которая призвана учитывать влияние географического фактора на культуру, цивилизацию, политику. Конечно, географии не в прямом смысле, а в том смысле, что люди, как мыслящие существа, осмысляют географию, впитывают её в свою психику, и те или иные рельефы формируют уже дальше психологию народа, психологию государства, потом психологию цивилизации.

Корр.: *И Средняя Азия, в частности, Казахстан, принадлежит к евразийской части?*

– В этом нет никаких сомнений. Есть спорные, так называемые береговые территории, в которых существуют и атлантические и сухопутные тенденции, но Казахстан – это типичное евразийское государство, сухопутное по всем параметрам и имеющее исключительно евразийскую идентичность. Конечно, можно пытаться двинуться в другом направлении, но ничего, кроме кризиса, нарушения исторического баланса, отклонения от изначально заданных, глубинных цивилизационных установок это не даст.

Корр.: *Сегодня даже осторожное озвучивание ваших идей вызывает бурную реакцию этноцентристов, которые видят в них попытки новой российской колонизации Казахстана. Как вы можете прокомментировать это?*

– Я слышал о таком отношении к моим идеям, но, с другой стороны, есть совершенно однозначно выраженная и высказанная ориентация вашего Президента на евразийскую стратегию, на инициативу ЕврАзЭС.Он следует этому курсу последовательно, несмотря на прохладную реакцию Москвы в период Ельцина. В Астане существует Евразийский университет имени Гумилева, и евразийская модель нового этапа по праву связана с именем вашего Президента. Наверное, в казахстанском обществе это не всех устраивает, возможно, потому, что нет пока содержательного, глубинного, геополитического осмысления этой темы. Но в принципе, евразийский подход, евразийская стратегия отражены в огромном количестве официальных документов Казахстана, с которыми мы работаем. И поэтому мне странно слышать, что идеи, являющиеся концептуальной базой вашего Президента, встречают такое непонимание. Я думаю, что это вопрос времени: просто многим надоел централизм советского типа, им хотелось бы пожить в своём собственном этническом контексте, и краткосрочные и малые масштабы затмили большое. Геополитика – это дисциплина, связанная с большим масштабом, и большому человеку – Президенту Казахстана – естественнее обращаться с большими, масштабными категориями. Поэтому я думаю, что, когда большинство населения почувствует на себе позитивные аспекты интеграции, и интеграции не в Россию, и не в государство даже, а в надгосударство, метагосударство, в новый цивилизационный блок под названием "Евразийский Союз", чей проект представлен Астаной и подтвержден фактом создания Евразийского Экономического Содружества, мне представляется, что люди начнут воспринимать евразийскую геополитическую методологию как нечто затрагивающее конкретно их, их благополучие, благосостояние, психологическую, экономическую уверенность и безопасность. Что же касается казахских этноцентристов, им следует задать вопрос: неужели они не понимают, что однополярная глобализация по атлантистской выкройке очень скоро при-

ведет к полному растворению казахского этноса в мировом "плавильном котле", родной язык будет заменен на "пиджн инглиш", а священные казахские степи будут большим хранилищем отходов для цивилизации "золотого миллиарда"? Евразийская интеграция как раз и настаивает на том, чтобы в общем стратегическом цивилизационном контексте сохранить идентичность каждого этноса. Когда этноцентристы поймут, разберутся, что евразийство не противоположно им, но, напротив, полностью комплиментарно, они, наверняка, пересмотрят свое отношение к нему.

Корр.: *А какие должны произойти в Казахстане экономические, политические и другие изменения, чтобы Казахстан уже мог почувствовать свою принадлежность к евразийскому блоку?*

– В принципе, сейчас речь идёт даже не о Казахстане, а об общем контексте. Ведь Россия ушла от собственной евразийской судьбы гораздо дальше, чем Казахстан, пытаясь любой ценой и на любых основаниях интегрироваться в Запад. Мы десять лет жили под этим знаком. Это объясняет прохладную реакцию ельцинского Кремля на инициативы Назарбаева. Но мы полностью пришли в тупик и поняли, что нас Запад не возьмёт, ни по частям, ни целиком, и не поможет. И ничего, кроме вреда, ни кредиты МВФ, от которых наш Президент отказался, ни другие формы безусловной интеграции Запад не принесёт. Поэтому мы стали на другой курс, сейчас, по крайней мере, это курс укрепления российской государственности. *Но следующим шагом – и он уже просматривается – будет курс на евразийскую интеграцию*. И тут интересы России, Украины, Белоруссии, Казахстана, других азиатских государств, кавказских в том числе – сейчас Армения хочет войти в "Евразийский Союз", – всё это станет очень актуальными тенденциями. И на следующем этапе промыслительная инициатива сверху вашего Президента, очень прозорливого исторического деятеля, будет осмыслена, ассимилирована, освоена широкими массами.

Корр.: *Основной спор между оппозицией и властью в Казахстане состоит в том, приемлема ли демократия в том виде, в котором она существует на Западе, или нет. Оппозиция настаивает, что демократия нужна немедленно, а власть говорит, что существует определённая специфика, то есть нужна постепенность. Как вы это можете прокомментировать?*

– Каждый тип цивилизации порождает свою демократию или свой тоталитаризм, и нет ни одного общества, которое было бы чисто демократическим, чисто тоталитарным или чисто авторитарным. Недостатки или ужесточение государственности в одном аспекте обязательно сопровождаются расслаблением в других элементах. Мы тоже продекларировали свободу, равенство и демократию, но на самом деле они были ограничены и специфичны. Запад провозглашает то же самое, но мы видим в западных обществах огромное количество элементов закулисного тоталитаризма или авторитаризма, которые всплывают при объективном политическом анализе. Поэтому мне кажется, что спорить в данный момент: демократия или не демократия – это просто возвращаться в идеологический мир периода "холодной войны". Сейчас большинство нормальных учёных понимают, что каждое общество создаёт свой тип демократии. Если воспринимать всё обобщенно, то существует *атлантическая и евразийская демократия*. Последняя имеет свою собственную специфику. Она тоже предполагает делегирование власти народу, но по–своему, в иных формах, скорее в форме всеобщего консенсуса, нежели в форме дробного, чисто количественного соотношения отдельных мнений. Эта евразийская демократия является качественной и органической. У нее, кстати, очень долгая история…

Либеральная демократия, атлантистская модель соответствует историческому опыту западных народов, которые основаны на ценностях чистого индивидуализма, материально–атеистического подхода: один человек – один голос. На самом деле количественного определения правоты или неправоты того или иного решения не существует. Ведь формулировало–то вопрос

меньшинство. И мы знаем, что в зависимости от того, как сформулировать вопрос на голосовании, можно получить самые разнообразные ответы. И это самая настоящая манипуляция сознанием, и по большому счёту влияние, давление и завуалированное поражение граждан в свободах, поскольку, даже если каждое действие мы будем сопровождать голосованием, формулировка того, за что мы голосуем, всегда будет *уделом меньшинства*. Здесь открывается очень широкое поле для манипуляций.

Я считаю, что лозунгом подлинной евразийской демократии может стать фраза немецкого философа и политолога Артура Мюллера Ван–ден–Брука: *"Демократия есть соучастие народа в своей собственной судьбе"*. Это понимание органической демократии, подлинной демократии, евразийской демократии. *Не возможность каждого индивидуума проголосовать "за" или "против" формулировки, выработанной независимо от него, но именно соучастие народа в собственной судьбе, активная вовлечённость в процесс политического самосознания и выбора своего исторического пути в тех глубинных аспектах, в которых они действительно связаны с национальной историей, с обликом народа, культурой – вот это и есть демократия.* Евразийская демократия в таком понимании зависит от структуры евразийских народов, от их истории, традиций, психологии, социальных позиций. И в этом отношении я – горячий сторонник позиции Назарбаева: казахская демократия, в первую очередь, должна быть казахской, во вторую очередь, она должна быть евразийской. В этом отношении, западники, которые настаивают на полном копировании западного политического шаблона, возникшего в иных исторических условиях, в иных этнических культурах и цивилизационных параметрах, глубоко ошибаются. Они слишком наивны, полагая, что одну политико–идеологическую систему можно безболезненно перенести на любую другую историческую, культурную или цивилизационную почву. На мой взгляд, сегодня было бы важно поставить вопрос о содержании термина "демократия" и вовлечь в решение вопроса о том, что является демокра–

тией, а что нет, и какой она бывает, как можно более широкие слои населения. Уже хорошо, что такой вопрос стоит: *демократия западная или евразийская*. Хорошо, что никто не взывает к авторитаризму или тоталитаризму именно на элитарном уровне. Но евразийская демократия – это очень серьёзная, перспективная, неизбежная для наших народов ориентация. Надо только точно понять, каким условиям, каким параметрам, каким корням в истории казахского народа это соответствует.

Корр.: *Но всё это должно быть каким–то образом осовременено?*

– Очень интересный французский философ, теоретик "новых правых" Ален де Бенуа говорит: *"Корни деревьев растут всегда"*. Традиции – это вещь развивающаяся, но при этом они сохраняют определённую преемственность. Надо спросить себя: что выгодно казахскому народу, духу, культуре, что не противоречит его национальным традициям? Я не думаю, что казахскому народу, например, так уж необходима современная американская рэп–культура или какие–то формы "порнографизации сознания", индивидуализм, который отделяет одного человека от другого и превращает его в безответственный сомнамбулический объект собственной воли, ограниченный лишь внешними полицейскими нормативами, как это вытекает из западной демократии. Я думаю, что должна быть проведена очень серьёзная коррекция и ревизия современности и её отличительных черт, исходя из национального духа, но одновременно и коррекция национальных форм по законам современности. Это живой процесс.

Корр.: *Но в Казахстане есть дополнительные сложности. Казахстан – многонациональное государство, и казахская нация только недавно составила чуть больше половины населения, есть большая русская, уйгурская диаспоры, есть и немцы, и евреи...*

– Большинство народов, составляющих Казахстан, представляют собой типичные евразийские этносы. Это представители классических форм евразийской государственности, истории и национальной среды. Поэтому евразийский подход даёт возможность очень органично, естественно, с учётом интересов

большинства населения Казахстана решить этот вопрос. Если казахская демократия будет не мононациональна, а станет воспринимать и осознавать себя через евразийскую демократию, она, естественно, создаст для русского населения те условия, которые не противоречат ни в этническом, ни в историческом аспектах интересам русских. А процессы евразийской интеграции в самом "Евразийском Союзе" вообще окончательно снимут те противоречия, о которых мы говорим. Аналогичные шаги должны быть приняты и со стороны других участников евразийской интеграции, и со стороны России, которая должна отказаться от перспективы мононационализма и от навязывания другим народам, населяющим российскую территорию, собственной культуры, языка и так далее. Евразийство должно быть очень своеобразным, очень сбалансированным совместным процессом, который, безусловно, должен осуществляться не только в интересах России, но и в интересах всех участников "Евразийского Союза".

Корр.: *То есть этноцентризм должен либо исчезнуть, либо принять какие-то разумные формы?*

– Не исчезнуть. Этнический принцип – важнейший. Как сказал Гердер, этнос, народ – "это мысль Бога". Этнос – это уникальнейшее достояние человеческой истории во всём его многообразии, глубине, национальной психологии. Но этнос не должен отождествляться с понятием государства, или стратегическим объединением, или определённой территорией. Этнос – это качественная, живая, гибкая и тонкая величина, которая должна выстраивать свои собственные отношения с такими моделями, как государство, экономика, религия и т.д.. Евразийство предполагает наличие более мощной, отстроенной, фундаментальной стратегической системы, которая связана с защитой территории, национальной безопасностью, макроэкономическим развитием и т.д. А внутри этой жёсткой государственной системы существует многообразие этнических самоутверждений, которые создают анклавы совершенно самобытного автономного существования.

Корр.: *В Казахстане сегодня, особенно во властных кругах и в оппозиции,*

очень сильна атлантическая, прозападная ориентация. И проводники атлантизма в самых разных формах ведут свою пропаганду. Что этому может быть противопоставлено и что произойдёт, если атлантические тенденции все-таки одержат победу в Казахстане?

– Атлантизм и этноцентризм, то есть претензии этноса на доминацию в государственном масштабе в таких полиэтнических государствах, как Казахстан или Россия, на самом деле очень близки. Несмотря на то, что западники и националисты вроде бы находятся по разные стороны баррикад, суть их проекта приводит к единым последствиям и является антиевразийской. Западники призывают к прямому копированию западной модели, внедрению формулы существования цивилизации с другими параметрами на чуждую ей исторически почву, и всё это закономерно заканчивается катастрофой, социальным взрывом. В Казахстане или России любое жёсткое навязывание атлантического вектора приведет к социальному кризису, экономическому коллапсу, конфликту с рядом расположенными государствами СНГ, государственному перевороту, гражданской войне, к вспышке национализма.

В принципе, по своим последствиям атлантизм ничем особенно не отличается от этноцентризма. Стремление к полной изоляции и навязыванию другим группам населения, кроме чистокровных казахов, своего языка, культурных устоев, ведёт к противопоставлению народов друг другу, насилует психологию значительного количества населения. И те и другие тенденции ведут к войне. Единственная позиция – евразийская – балансирует и между преемственностью Востоку и обращением к Западу, между национальными и интеграционными факторами. Поэтому, я полагаю, что существование атлантического лобби в какой-то момент будет не вопросом политических убеждений, а проблемой госбезопасности, поскольку нормализация таких тенденций с позиций евразийской политкорректности это не вопрос свободы мнений, но вопрос безопасности и стабильности развития общества.

Корр.: *Что вы можете сказать по поводу недавно созданных объединений – ЕврАзЭС и ШОС?*

– ЕврАзЭС – это очень серьёзный шаг по укреплению евразийских интеграционных процессов. Я полагаю, что это – шаг от чисто экономического и промышленного сотрудничества уже к стратегическому, макроэкономическому и политическому союзу. Это не что иное, как реализация проектов, которые 9 лет назад впервые провозгласил Нурсултан Назарбаев. Это точное отражение основных геополитических интересов всех наших государств. Я думаю, что это остов и основа новой цивилизационной стратегической единицы, Евразии как таковой, но пока *только остов*.

Что касается ШОС, то это уже выход за пределы евразийской интеграции в экономико–стратегическом аспекте к созданию некоего клуба многополярности. Эта же ориентация многополярности записана в стратегических документах Китая, Индии и Ирана. Мне кажется, что расширение партнерства с другими евроазиатскими государствами, которые не входят непосредственно в Евразийский Союз, на основе единой стратегической ориентации многополярности даст колоссальный технологический, политический и социальный эффект.

Корр.: *Со времени организации ЕврАзЭС прошёл год, но никаких подвижек, кроме деклараций, не было.*

– Это очень сложный процесс. Мы знаем, что со стороны Запада, который не признает СНГ как образование, любые интеграционные процессы, воспринимаются в штыки. В 1997 году президент Клинтон в программе "Стратегические перспективы США в XXI веке" прямо заявил, что главной стратегической задачей США в XXI веке является "недопущение создания на территории Евразии стратегического блока". Если США как гипердержава решат чему–то противодействовать, то они, наверно, не будут сидеть сложа руки при тех финансовых, политических, экономических, социальных механизмах, которые у них имеются. Поэтому идёт жесточайшее противодейст–

вие. Если бы атлантизм был чисто внешним фактором, можно было бы с ним считаться меньше, но сеть сторонников атлантизма – агентов влияния – огромна и в России и странах СНГ. И неудивительно, что целые министерства, блоки наших внутренних структур просто саботируют интеграционный процесс. При этом евразийское экономическое сотрудничество не заработает на полную мощность, пока не будет *содержательного понимания евразийства*, геополитики и интеграции, пока декларативные аспекты не превратятся в некую культурную ткань, в плоть интеграции. Ведь не только в Казахстане идёт противодействие интеграционным процессам, и в России против евразийцев сейчас объединяются атлантисты, отрицающие самобытность нашей цивилизации, и националисты, которые утверждают, что искусственный архаизированный русский национализм является последним словом нашей истории. И эти тенденции, соответствующие американским стратегическим замыслам на наш счёт, сказываются на тех процессах, которые препятствуют развитию и укреплению евразийской интеграции.

Корр.: *При объединении в Евразийский блок как будут выстраиваться отношения Казахстана и России с точки зрения соподчинённости?*

– Я думаю, что здесь мы должны отказаться от мышления государственного: кто к кому присоединился, кто кого поглотил, кто кем командует. Должна существовать единая система управления общими стратегическими вопросами. Речи не должно быть ни о представителях, ни о квотах от тех или иных народов. Это должна быть наиболее оперативная и адекватная система стратегического управления всем этим блоком. И представители каждого народа должны иметь особые права в решении общих проблем. В этом смысле ни подчиненности, ни растворения Казахстана в России нам не приходится опасаться. Если Казахстан более внимательно присмотрится к основным параметрам евразийского проекта, он поймёт, что ему ничего не угрожает. Наоборот, всегда существуют пассионарные и сверхпассионарные кадры, масштабность действий, решения которых превышают уровень наци-

ональной структуры, люди, которые мыслят континентами, видят дальше и глубже. Такие люди просто автоматически рекрутируются в управленческие структуры Евразийского Союза, а тот, чей масштаб ограничен и соответствует лишь национальным вопросам, становится национальным лидером. Но между этими структурами существует взаимодополнение, взаимопонимание, гармония.

Корр.: *Но при создании ЕврАзЭС не была декларирована такая идеологическая парадигма, сама аббревиатура расшифровывается как экономическое сотрудничество, и это сбивает с толку. Большинство политиков считает, что это некая интеграция именно экономического плана.*

– Мы ещё не дозрели до того, чтобы сформулировать и политически и мировоззренчески всю полноту евразийских тезисов. И мне кажется, что подход через экономику был правильным. Экономика понятна, интеграционные процессы понятны, общий рынок, отсутствие таможенных барьеров – это вещи, не требующие объяснения. Но экономика вне политики не имеет такого самостоятельного значения, как думают либералы, экономикоцентристы или марксисты. Экономика – это лишь одна из форм хозяйственного и материального выражения некоей политико–мировоззренческой позиции. И в данной ситуации совершенно правильно было начать с экономической интеграции. Но почему дальше не инициируется сближение на политическом, социальном и содержательном уровнях? Потому что очень сильно противостояние. И если, по моральной логике либерализма, в любые формы экономических инициатив другие страны не должны вмешиваться, потому что свобода экономики – это "священная корова" для Запада, то, как только речь заходит о содержании политическом, мировоззренческом или организационном, тут эти процессы начинают активно саботироваться. Всегда любой нашей интеграционной инициативе будет кто–то противостоять. Либо мы участвуем в истории сознательно, как дальновидные активные политические деятели, – я имею в виду руководство наших стан и политическую интеллектуальную элиту, – либо с нами бу–

дут обращаться как с объектами и ставить нас в те условия, в том числе геополитические, в которых у нас права голоса не будет. *Мы должны сами решать свою судьбу*. Нам никто не подарит этого права, за это люди сражаются столетиями, тысячелетиями; евреи две тысячи лет ждали, когда они смогут вернуться на свою землю и выразить свою культурную, цивилизационную, политическую волю. Поэтому "никто не даст нам избавленья", и мы должны добиться права изъявлять свою волю сами.

Корр.: *Сейчас в Казахстане идут дискуссии вокруг национальной идеи. Если взглянуть трезво, то национальная идея сейчас одна: западная рыночная модель демократии. Она везде пропагандируется: и по телевидению, и через систему образования. И этому ничего не противостоит. Я думаю, Россия тоже недалеко ушла в этом плане.*

– Россия, наоборот, уже слишком далеко ушла в этом направлении от Казахстана и уже начинает возвращаться. Повальным увлечением Западом Россия переболела в начале–середине 90–х годов, и теперь начался постепенный откат. Особенно после бомбежек Югославии, когда мы увидели, что многие привлекательные стороны Запада не более, чем миф. И если и есть такие положительные стороны, как развитие промышленности, экономические успехи, то, что касается культуры, духовности, творческого, содержательного начала, – это убогая цивилизация по сравнению с тем, как мы её представляли. Я думаю, Казахстан не прошёл ещё точку разочарования Западом, и не дай Бог, чтобы он проходил её брутально и жёстоко. Потому как уже совершенно очевидно, что копирование западной либеральной модели не проходит в качестве национальной идеи и не имеет ни смысла, ни перспектив, также, как и этноцентристские идеи.

Корр.: *Теперь давайте поговорим о том, что сегодня тревожит весь мир. Хотелось бы услышать вашу оценку случившегося 11 сентября в Америке. Кто, на ваш взгляд, заказчики и исполнители этих акций? Каковы их цели?*

– Произошло трагическое событие. И эмоционально здесь нельзя не быть на стороне американцев, которые пострадали. Но реакция США на происшедшее мало напоминает эмоциональную реакцию. Это ответ на уровне стратегии. Мы знаем, что и Бен Ладен, и "Аль–Каида", и "Талибан", и ваххабиты являлись со времён окончания "холодной войны" геополитическим инструментом для противостояния в странах исламского мира, которые тянулись либо к социализму, либо к третьему пути. Следовательно, нет ни малейших сомнений, что вся эта структура была создана Западом, оснащена им и фактически является его собственным элементом. И вдруг от рук этой же исконно американской структуры страдает сама Америка. Это наводит на мысль об истинных заказчиках. Но дальше что происходит? Америка отвечает стратегически, она начинает осуществлять план "балканизации" – по определению и сценарию Бжезинского – Средней Азии, превращения её в поле войн малой и средней интенсивности: создание очагов конфликта, разрушение возможного пакта между Москвой и Тегераном – мы видим, как задрожали и покачнулись наши отношения. Многие лидеры наивно полагают, что наличие в Средней Азии американских баз и их противодействие талибам смогут усилить нашу безопасность. Ничего подобного. Реальным усилением безопасности было бы отключение террористических групп от американской поддержки. Но вместо разведывательного, экономического, агентурного отключения этих очагов дестабилизации против них ведутся военные действия с долгосрочным размещением американских военных баз на территории Средней Азии. Это резко дестабилизирует ситуацию в регионе и, наоборот, усиливает позицию радикального ислама. С этим придётся столкнуться и России в ближайшем будущем, и Казахстану, и Узбекистану. Здесь даже самые жёсткие тоталитарные методы противодействия этому не будут эффективны. Поскольку сам Запад будет бороться с террористами любыми методами, а всякий отход от стандартов западной демократии с нашей стороны будет принимать в штыки. Мы видим, что Запад – не только

постоянно окорачивает Россию в её действиях на Кавказе, но даже ближайшему стратегическому партнёру Израилю постоянно ставит на вид действия против палестинцев. И это наводит на мысль, что *Америка решает только свои геополитические проблемы*, причём со старым добрым принципом двойных стандартов. У неё есть представления о своих стратегических интересах, и в частности, американские эксперты убеждены, что "балканизация Центральной Азии" косвенно повысит экономическую, стратегическую и политическую мощь США в мире. Поскольку, если мы отложим создание Евразийского блока на будущее, если мы допустим разгорание конфликтов по периферии наших границ – я имею в виду Казахстан, Россию, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и т.д., то далее ситуация будет развиваться в опасном для нас ключе. Такой же метод был использован недавно на Балканах, когда Запад против сербов поддерживал албанских террористов, несмотря на абсолютное тождество их позиций с другими исламскими группировками. Сейчас некоторые горячие головы из неоконсервативных кругов Вашингтона опять занимаются своими стратегическими интересами, подрывая потенциальный Евразийский Союз, создавая зону нестабильности в тех регионах, которые связаны с энергоносителями, нефтью, газом, соответственно, отрывая *Европу от Евразии*. Если у нас не будет стабильности, Европа, естественно, будет сторониться нас, таких ненадёжных партнёров. А за океаном только этого и ждут.

И я полагаю, что в конечном итоге, кто бы ни был автором терактов, по качеству исполнения это должна быть очень серьёзная структура. Надо представлять себе, что такое исламский мир. Конечно, исламские экстремисты могут осуществить такие акты и психологически. Они могут на это пойти, но, чтобы ассимилироваться в среде США, не допустить ни малейшей утечки информации, ни одна террористическая исламская организация на это не способна. Не так принципиально, кто именно осуществил этот чудовищный теракт, но ответ американцев – совершенно антиевразийский, очень

агрессивный, он дестабилизирует наше положение и резко понижает уровень безопасности проживания в нашем регионе. По всем пунктам США выиграли от этого теракта и действуют они так, будто только и ожидали чего-то подобного.

Корр.: *Получается, что сработал некий спусковой механизм, который запустил в действие реализацию целой стратегии. А вот эта стратегия была готова заранее? То есть кто-то просто нажал на спусковой крючок?*

– Однозначно. Она была готова очень, очень давно. Это было простым предлогом, стартовым пуском для начала реализации той стратегии, которую США давно вынашивали. Эти планы были разработаны до мельчайших нюансов. Вы знаете, что уже 12 сентября 2001 года руководители крупнейших евразийских государств, Евросоюза, России, Средней Азии, Ирана, Пакистана получили пакеты с ультиматумами: либо вы выступаете на стороне США, либо вы приравниваетесь к террористам и мы фактически объявляем вам войну. Конечно, изложено было чуть мягче, но суть одна. Это странно, если речь идёт о теракте. Индии, России, Японии – зачем им определяться? Через несколько дней Буш снова повторяет: либо вы с нами, либо против нас. Это всё равно, что после терактов в Москве заявить всем государствам мира: либо вы с нами, либо с теми, кто взрывает дома.

Корр.: *То есть нормальное государство не может стоять на стороне террористов...*

Конечно, и заведомо подозревать в пособничестве террористам иностранные государства, не имея на это ни малейшего оснований, некорректно. Значит, речь идёт, на самом деле, о геополитическом переделе мира в пользу США с тем, чтобы укрепить систему однополярности, противоречащую стратегическим интересам тех государств (а их много), которые записали в своих стратегических документах ориентацию на многополярный мир.

Корр.: *А какова будет роль Китая в предстоящей балканизации Средней Азии?*

– Китай будет одной из жертв. Есть целый ряд инструментов для этого. Существует глубочайшее противоречие между береговым Китаем, представляющим собой развитую капиталистическую систему, и континентальным, где нищета, только начинающее развиваться скудное сельское хозяйство... Есть два Китая: морской и сухопутный. Между ними сейчас баланс поддерживается жесткой властью Компартии, причём партия опирается мажоритарно на беднейшие слои. Это даёт возможность политически контролировать в национальных интересах богатейшие слои берегового развитого сектора. Баланс этот составляет китайскую формулу. И какой–то перекос в ту или иную сторону вызовет противоречие и недовольство, поскольку эти две цивилизации в рамках единого Китая выстраиваются по своим собственным законам. Всевластие КПК рано или поздно вызовет отторжение береговой части, с другой стороны, сухопутный Китай может возмутиться против социальной несправедливости, поэтому не исключена гражданская война, которая будет вписываться в модель балканизации Евразии. В связи с этим я полагаю, что Китай – одна из жертв. Не случайно в статье Хантингтона "Столкновение цивилизаций"он назван – "разорванная страна" – страна, предназначенная для раздела. Но такой же страной, кстати, является не только Китай, но и Казахстан. На самом деле, западным стратегам не нужно стабильных государственных образований, гармоничных, естественных, крепких.

Корр.: *Что может противодействовать этому процессу атлантизации, который начался?*

– Только *немедленная активизация сил со стороны евразийского сектора*. Евразийцы – это не какие–то отдельные элиты, это все мы, все страны СНГ, в том числе многие азиатские государства, осознавшие свой базовый цивилизационный вектор. Осознание долгосрочных и среднесрочных перспектив и императивов, то есть необходимых задач нашей страте–

гии, – это есть *активное евразийство*. Массы не понимают, что они евразийцы, но, тем не менее, они евразийцы даже в большей степени, нежели были советскими людьми. Евразийство ещё глубже. Другое дело, что этому надо дать выход, это надо пробудить в людях, надо довести до сознания, кем они являются цивилизационно, геополитически и культурно. Я полагаю, что только новая волна консолидации на почве евразийских стратегических интересов может отменить тот катастрофический убийственный и кровавый сценарий, который готовят некоторые атлантические стратеги для всей Азии. *Это значит, что руководители евроазиатских государств немедленно должны начать постоянный, перманентный, геополитический процесс координации и консультаций в евразийском ключе*. Далее: надо начать срочные переговоры с другими странами – участниками многополярного клуба, то есть с Китаем, Индией, Ираном и другими исламскими странами, вырабатывая *единую стратегию*, как в таких критических, почти военных условиях, нам *отстаивать свою ориентацию на многополярный мир*. Я понимаю, что задача крайне трудна, потому что даже в более благоприятных условиях мы долго тянули время. В Кремле не хотели понимать судьбоносную, гениальную инициативу Президента Назарбаева. Вы правильно сказали: сейчас евразийство существует на уровне декларации, а вот если придать ему реальное содержание, этическое, смысловое, мировоззренческое, тогда мы сможем включить в евразийский процесс массы. И очень хорошо, что у нас есть декларации, есть ещё потенциальное евразийство масс, и, если декларируемое евразийство сможет пробудить естественное глубинное евразийство масс, гражданских обществ наших государств, тогда будут созданы все условия для того, чтобы мы могли справиться с тем вызовом, который нам брошен, и отстоять свою свободу, независимость и свою собственную судьбу.

Корр.: *А вам не кажется, что между евразийством и атлантизмом границы уже проходят не географически, они словно размыты?*

– Вы правы. Если понимать под евразийством философию, мировоззрение, то и в самой Америке существуют евразийские тенденции. Та же Латинская Америка – в принципе, это проекция континентальной Испании на американский материк, в то время как США – проекция атлантической островной Англии. Здесь действуют не географические, а метагеографические, сверхгеографические понятия. И есть территории, например, евразийские территории, где быть атлантистом – это откровенное предательство своего народа, это то же самое, что быть евразийцем в США. США – атлантическое государство по всем параметрам, и там есть евразийцы, но этим людям везде путь заказан. Они там являются политическими изгоями. Нам надо просто ввести аналогичную практику. Проповедь атлантизма в исторически евразийских образованиях должна быть приравнена к политически некорректному поведению. Каждый человек в США может что–то выкрикнуть, но один это провозглашает на CNN, а другой – собравшимся зевакам в пределах какой–нибудь подворотни. Пожалуйста, атлантисты имеют полное право существовать в России на уровне подворотни. Они могут кричать в метро. Посмотрим, сколько людей их будет слушать.

Корр.: *Но, тем не менее, в Казахстане атлантизм существует на уровне именно высших сфер, то есть это – вся бизнес–элита, большая часть исполнительной и представительной власти, которые ангажированы бизнес–элитой.*

– Конечно, следовало ожидать, что нам сейчас активно навязывают атлантическую модель. Потом не надо забывать, что симметрия цивилизаций после краха Советского Союза нарушилась в сторону единственной гипердержавы атлантического типа. Но мы знаем разные периоды, когда побеждали то одни, то другие силы и тенденции, и, понимая фундаментальность этих процессов, этих принципов, нельзя быть уверенным, что эта победа навсегда. Да, евразийцы сейчас несколько потеснены, экономическое сотрудничество между Россией и Казахстаном, в том числе, осуществляется по атлантическим принципам, но, столкнувшись с Западом, с реальными услови–

ями экономического сотрудничества со странами Запада, значительный сектор бизнес–элиты обратился к национальным ценностям. Оказалось, что независимая процветающая Россия, даже с точки зрения выгоды, полезнее и важнее для этих людей. И этот процесс повышения уровня национального, геополитического самосознания бизнес–элиты в России налицо. Он даже более заметен, чем в среде интеллигенции.

Сейчас, если спросить, что важнее: рынок или государственные интересы, подавляющее большинство российских бизнесменов ответят – государственные интересы. Это очень важно. Хотя лет пять назад ответ был бы прямо противоположным. Думаю, что ваша, казахстанская бизнес–элита просто ещё плохо знает Запад, и перспективы развития бизнеса в Казахстане исключительно лежат в рамках евразийской интеграции.

СТРОИТЕЛЬСТВО ЕВРАЗИЙСКОГО СОЮЗА – ЭТО НЕ ОЖИДАНИЕ ДОЖДЯ

(интервью газете "Известия–Казахстан", 30 апреля 2003 г.)

Мы, привыкшие к тому, что интеграционные идеи – забота лидеров независимых государств, и первенство в этом процессе принадлежит президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву, вдруг обнаруживаем, что за пределами нашей республики сформировалось осознанное лобби объединения на евразийском пространстве. Появился человек, который, не относясь к власти, не только декларирует свою поддержку перспективам евразийского объединения, но и объявляет себя основоположником новой евразийской школы. Что представляет собой предлагаемое Дугиным "неоевразийство"? Не красивый ли это фантик, в который обёртывается извечная "мессианская мечта" крупнейшего на материке государства – занять прежние территории, но уже на цивилизованной основе? Нет ли здесь пренебрежения этносами, чьей исторической задачей определяется лишь сохранение идентичности? И стоит ли ради "нескольких сотен лет игры со счастьем", отпущенных русскому, да и другим евразийским народам Львом Гумилевым до следующего импульса биосферы, "городить" весь этот и весьма соблазнительный и весьма настораживающий неоевразийский проект?

Идея союза, основанного на теоретических выкладках Дугина, имеет на сегодняшний день множество противников и получит их гораздо больше, когда станут ясными перспективы, а детали их – прочерченными. А может быть и наоборот – наш евразийский мир вздохнёт, расставшись с тревогами и смутными предчувствиями. В любом случае, Дугин предоставляет ему возможность более глубоко и предметно поразмышлять над своим будущим и призывает активизировать имеющиеся внутренние ресурсы для реализации общего, евразийского, исторического предназначения.

Корр.: *Александр Гельевич, объясните, пожалуйста, путем каких трансформаций вы стали теоретиком евразийства?*

– Вообще-то я философ. Заниматься историей религии, философии, геополитикой – тем, что можно назвать аналогом евразийства в европейской культуре, традиционализмом, начал с семнадцати лет. Это занятие меня вывело на евразийство, и, таким образом, я достаточно хорошо подготовился к тем событиям, которые стали стремительно разворачиваться в конце восьмидесятых – начале девяностых на нашем пространстве. Выработал дистанцию и по отношению к коммунизму, и по отношению к демократическому либерализму. Я, не являясь сторонником ни ортодоксального марксизма, ни либерал-демократии, просто вижу, что между ними существует огромный спектр воззрений, который не попадает ни туда, ни туда.

Корр.: *Россия в ельцинский период многого добилась с точки зрения демократии и свобод.*

– Каких свобод, для чего? Свобода должна быть для чего-то. Свобода – это вещь осмысленная. Но те элементы либерализма, которые грубо скопированы с Запада, лишают смысла эту свободу. В Казахстане, на мой взгляд, ситуация более гармоничная и нравственная. Вы можете нас многому научить. Потому что у вас и либерализм и демократия проникнуты национальным и евразийским духом. В этом заслуга вашего Президента.

Корр.: *Тогда ответьте, почему на парламентских выборах Вы высказывались в поддержку пропрезидентской "Единой России"?*

– Потому что мы, международное "Евразийское Движение", тоже считаем себя пропрезидентской силой, стало быть, сотрудничество с "Единой Россией" естественно. "Единая Россия" – путинский проект. Не считаю, что он на данный момент полностью состоялся, но важно насытить его евразийским значением.

Корр.: *Евразийство изначально строилось на православных традициях. Как в вашей доктрине учитывается конфессиональное многообразие региона?*

– Современные евразийцы, как и отцы основатели этого учения, в большинстве своём являются людьми православными, однако, несмотря на это мы рассматриваем, к примеру, традиционный ислам в качестве нашего важнейшего стратегического партнёра. Недаром в наших рядах такие уважаемые деятели традиционного ислама, как шейх Талгат Таджуддин и многие другие. Сотрудничество со всеми конфессиями – наша принципиальная позиция. Это, кстати, декларирует и осуществляет ваш Президент Нурсултан Назарбаев, которого сегодня можно заслуженно назвать "евразийцем номер 1". Неоевразийство, рассматривающее одной из своих основ традиционализм, говорит любой религии "да", а народы пусть сами выбирают пути служения Богу.

Корр.: *Вас поддерживает духовенство?*

– Теснейшим образом. Я являюсь членом президиума "Всемирного Русского Народного Собора", глава которого – Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II. Во всех наших мероприятиях участвуют представители Православной Церкви. Но не только они. Талгат Таджуддин, верховный муфтий России, входит в Высший Совет "Движения". Участвуют в нём и представители иудаизма, буддизма, русские протестанты, очень много старообрядцев.

Корр.: *Есть ли в России перспективы у русского национализма?*

– Националистические настроения у нас распространены довольно широко. И накануне выборов в парламент появились силы, которые использовали подобные настроения, и это у них получилось. К счастью, российский избиратель сегодня достиг достаточно высокого культурного уровня – прошла идейная неразбериха перестроечных лет, и он уже плохо реагирует на радикальный национализм. На мой взгляд, перспективен лишь тот националистический проект, который будет интеллектуальным, корректным, презентабельным. Просвещённый национализм в России вполне возможен. Но в любом случае национальная идея России

может развиваться только в евразийском направлении, а не в направлении русской исключительности. Добиться этого сложно, нужны невероятные усилия, чтобы идеология, проповедующая кровную, духовную близость всех народов, населяющих регион, гармонично утвердилась в сознании масс. Национализм же в любой форме – это не идеология, а настроение, которое не требует усилий – всегда легко обвинить другого в собственных проблемах.

Корр.: *Но разве возможна в эпоху глобализации национальная идея, не лишилась ли она своей актуальности?*

– Конечно, возможна. Глобализация имеет издержки, эти издержки копятся. Посмотрите, как бурно реагировали на ситуацию в Ираке Россия, Китай, европейские страны, даже Турция, увидев в том покушение на собственную идентичность.

Корр.: *Однако существует мнение, – его, в частности, высказывает журналист и политолог Виталий Третьяков, – что построить суверенное государство (а ведь одной из его составляющих является национальная идея) в новых условиях невозможно. Насколько коррелятивно выглядят в вашей доктрине понятия национальной идеи, суверенитета и евразийства?*

– Во-первых, я согласен с Третьяковым, что в нашем мире суверенного государства не построишь – ни в России, ни в Казахстане, ни в любой другой стране. С этой иллюзией уже надо расстаться. Пройдя трёхсотлетний путь, идея суверенитета, подразумевающего автономную внутреннюю и внешнюю политику, полную независимость от вмешательства извне, ныне пришла к тупику, к кризису, переживаемому государственностью в целом. Так вот, и национальная идея, если она будет связана с государством, тоже обречена. Однако, если мы продлим идентичность чуть выше, если мы воплотим эту идею в некоем сверхгосударстве, имеющем вполне конкретные цивилизационные границы, вот тог-

да мы сохраним национальную идею, сохраним идентичность, подлинную суверенность, но в более широком контексте.

Существует один чёткий пример, показывающий, о чём идёт речь. Это Европа, где "национализмы" – французский, немецкий и так далее – перерастают самих себя и воплощаются в идею объединенной Европы. Современная Европа – это идентичность и суверенность. Все вместе объединённые европейские государства обладают всеми признаками настоящего суверенного образования с экономической точки зрения, стратегической, мессианской, в конце концов. Европа – это не только географическое или историческое понятие, она представляет собой форму национальной идеи, более содержательной, чем французская, к примеру, форму реакции на кризис государства, нации, на утрату отдельными государствами суверенности на новом историческом этапе.

Евразийская идея, в каком-то смысле, полный аналог такого вот подхода. Только её ценностная база будет отличаться от европейской. Ввиду того, что общества разные, народы разные, и исторические циклы, в которых мы живем, – различны. Вот так я могу развить мысль Виталия Товиевича Третьякова.

Кстати, мы с ним обсуждали тему современных суверенитетов, и я ему сказал в шутку: "Вы даже больший империалист, чем я". "Да, – сказал он, – я сторонник демократической империи". И я понимаю, о чём он говорит. О демократическом, а не колониальном, моноцентрическом или монорелигиозном объединении. В этом словосочетании нужно подчеркивать слово *"демократическая"*.

Корр.: *Как бы вы её ни назвали, эту империю, она может найти поддержку разве что у части россиян, пусть довольно внушительной части, которая ещё не оставила надежды вернуться на большое пространство?*

– Ну почему только россиян? Такая перспектива могла бы устроить многих казахов, киргизов, украинцев, армян и даже грузин. *Эпоха им-*

перий возвращается. Европейцам, привыкшим строить свою культуру на отрицании империи в любом её виде (возьмите историю Нового времени), тоже сложно это принять. Но они всё чаще и чаще говорят, что Европа – это империя, Америка – это империя. Кто же будет сомневаться в том, что Америка – и империя и демократия в одном лице. Европа тоже хочет быть "демократической империей", но собственного, европейского, толка. И мы, евразийские народы, хотим быть демократической империей. Правда, демократию европейцы, американцы и евразийцы понимают по-разному. В соответствии с этим Евразийский Союз (будем использовать термин вашего Президента Нурсултана Назарбаева, потому что он предельно точен и корректен) – это добровольное объединение народов в некую единую стратегическую конфигурацию с едиными общественно-экономическими моделями, правовыми эталонами и стандартами, сходной политической системой.

При этом задача нового союза – максимально сохранить этническую идентичность. Классические евразийцы о таком варианте и не помышляли. А нами он развивается подробно и обстоятельно как "концепция прав народов".

В демократическом Евразийском Союзе правами политического субъекта будут наделены этносы, и этот момент станет залогом того, что мы сохраним этническую идентичность, которую мы так боимся потерять.

Сохранение этнического фактора, придание этносам статуса политического субъекта призвано компенсировать издержки *"региональной глобализации"*, каковой представляется Евразийский Проект. Его элементы: создание геополитического суверенитета на основе больших пространств; сохранение этноидентичности; национальная идея. Кому это может не понравиться? Вы же видите, что США не колонизировали Южную Америку, Мексику. Европа не может колонизировать арабский мир. И Россия не сможет снова кого-то колонизиро-

вать: у неё нет ни желания, ни сил, ни потенции, и вообще – другое время на дворе.

Корр.: *Наш президент, которого вы с удовольствием цитируете, в своих интеграционных проектах не делает акцента на этнических проблемах именно в такой плоскости.*

– Тема интеграции в рамках Евразийского Союза, насколько я знаю, пока не до конца проработана теоретически. В Евразийском Союзе, предложенном Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым, речь идёт, во–первых, об интеграции на постсоветском пространстве, во–вторых – о признании своеобразия евразийских цивилизационных ценностей. Именно из–за второй части этого тезиса проект Назарбаева является действительно евразийским: он сочетает модернизацию с традиционным обществом, чему, кстати, дал определение Хантингтон: "modernization without westernization" ("модернизация без вестернизации"). Мы берём западную модернизацию и ставим некий ценностный фильтр: условно говоря, формат ток–шоу насыщаем нашим содержанием. *Евразийство – это западная форма с восточным содержанием.*

Что касается этнической проблематики в данном контексте, то она в проекте Назарбаева не затрагивалась, я думаю, в силу её деликатности. Но основные моменты внутренней политики Казахстана под руководством Нурсултана Назарбаева показывают, что эта тема его очень волнует, и он на практике нашел в этнической политике тот баланс, ту золотую середину, которые совпадают с евразийским решением.

Сегодня только выстраивается подробный идеологический, философско–мировоззренческий и политический проект неоевразийства. Мы, развивая идеи Льва Гумилева о самоценности этноса, логическим путём пришли к необходимости придать этносу статус политического субъекта. В противном случае, объединение нашего огромного пространства обязательно вызовет отторжение у сторонников этноидентичности, что может стать непреодолимой преградой на пути к интеграции.

Если пойдём дальше, мы увидим, что единственное непротиворечивое развитие казахской национальной идеи – тоже евразийский проект, потому что он не будет отождествляться с государством, в котором живут и меньшинства (в Казахстане они составляют значительный процент), остающиеся вопреки стараниям политиков, на втором плане. Впрочем, в Казахстане сейчас положение этнических меньшинств вполне нормально, и так будет продолжаться, пока у власти стоит столь крупный и дальновидный исторический деятель, как Нурсултан Назарбаев. Он органично является выразителем чаяний казахов, стремящихся к национальному возрождению, и вместе с тем, как последовательный евразиец, он обеспокоен гармонией межэтнических отношений, и в первую очередь гражданами Казахстана славянского происхождения. Тюркофилия наших русских евразийцев симметрично отражается в славянофильстве евразийцев тюрков. Но если представить себе, не приведи Господь, что во главе Казахстана встанет казахский националист, то этот баланс немедленно будет нарушен.

Чтобы развязать этот узел, стратегическая интеграция должна сопровождаться политической идентификацией этносов. Тогда мы сохраним и идентичность русского народа, который находится в очень сложном историческом состоянии: у нас демографический спад, у нас ценностный вакуум, мы потеряли нить своего исторического развития. Если же Россия будет интегрироваться со странами СНГ на "общечеловеческой" основе, как европейцы, то русские в первую очередь будут против. Русские хотят иметь свою национальную культуру, им надоело быть в своей стране непонятно кем. Я сталкиваюсь с сопротивлением евразийской идее со стороны этноцентристов и в России. Мы должны дать им понять: единственный способ сохранить идентичность – принять и поддержать модель евразийской интеграции. И снова в этом лавры первенства полностью принадлежат вашему Президенту.

Если мы создадим в рамках стратегического союза возможность строить

свои собственные общества по своим собственным выкройкам, по собственным внутренним моделям, со своим языком, средствами массовой информации, культурой, возможно, со своими юридическими отличиями, сопротивление сойдет на "нет".

Корр.: *Но тут нам даже не у кого будет поучиться, ведь Европа довольно успешно объединяется на основе общих либеральных ценностей.*

– Действительно, Европейский союз держится на ином фундаменте – здесь национальная идея сопряжена с государством. Этнос, в силу специфики развития европейской цивилизации, стёрт. Мы знаем, что во Франции, например, триста лет назад насчитывалось до 150 этносов, но где они теперь? Нет от них даже следа. А это подчас были совершенно отличные друг от друга культуры. Мощным катком прошёлся по ним французский национализм, этатизм государственного толка. Таким образом, под давлением исторического процесса во Франции сформировалось гражданское общество, которое национально отличается от итальянского или немецкого только посредством государства.

Корр.: *Ответьте определённо, согласно вашей доктрине, сохранится ли, к примеру, Россия как государство в новом союзе?*

– Россия сохранится, а российское государство – нет. Вспомните: Россия вышла из Киевского княжества, потом, будучи только национальным, княжество рассыпалось, попав под Орду. Орда, грубо говоря, научила русских "родину любить", научила создавать более ответственные исторически государственные образования, что и дало Московскую Русь. Она, в свою очередь, переросла в Санкт-Петербургскую империю, которая затем трансформировалась в империю советскую. *Наш следующий этап – союз евразийский*. Только путём такой интеграции Россия выживет и раскинется на полмира, но только в новом качестве. Наша мессианская мечта воплотится не вопреки чаяниям других народов, а *вместе с ними*.

И ваш Президент понимает, что казахская национальная идентичность

имеет шанс на историческое существование именно и только в евразийском контексте. Это его видение надо поддержать, потому что, когда человек стоит высоко, он понимает, где миф, где тупик, а где перспектива. Ведь это и казахская Великая Мечта…

Корр.: *Сегодня нас будет очень сложно убедить в том, что гражданское общество неэффективно...*

– Никто вас в этом убеждать не собирается. У нас гражданского общества пока нет. И ещё долго не будет. Но нам интегрироваться нужно сейчас, а не когда оно сложится. Во–вторых: гражданское общество Европы в скором времени будет поражено в самое сердце тем, что французы, немцы, итальянцы постепенно утратят собственную идентичность, потому что их национальная идентичность была связана с государством и теперь движется по направлению к европейской идентичности. Конечно, транзиция к новой европейской идентичности будет усиливаться ещё некоторое время, но француз никогда не потерпит, что он и немец – просто граждане одного союза.

Корр.: *То есть вы хотите сказать, что европейские народы однажды хватятся?*

– Вот именно! Они вернутся к тому же старту, на котором сейчас находимся мы. Приближающийся кризис идентичности не даст создать в Европе подлинный союз, он, этот кризис, может привести к новым конфликтам, к эскалации новых расовых проблем. Мы же, евразийцы, живя в неразвившемся гражданском обществе, вполне можем избежать этого ненужного для нас пути. Можем, грубо говоря, не приходя к созданию модерна, прийти к постмодерну. Вот Нурсултан Абишевич на торжественном обеде в честь участников Евразийского медиа–форума сказал, обращаясь к представителям Запада, что мы построим демократию быстрее, чем они, – не за триста, а за тридцать лет. У вас, говорил он, был принят замечательный Билль о правах, но с ограничениями по имуще–

ственному, этническому и гендерному признакам, а мы избежим этого. И он прав: не всегда надо проделывать один и тот же исторический путь, ступая по нему шаг за шагом, ведь развитие идёт по кругу, и пройти его можно – где по хорде, где по диаметру. Евразийство – это маршрут по диаметру, хорошая возможность срезать дистанцию.

Корр.: *У казахов есть опыт "хождения по диаметру", а по сути дела – хождения по мукам: из родового состояния – в социализм, из скотоводов – в земледельцы и так далее. Ещё один прыжок "через" – в данном случае, через гражданское общество, – просто погубит нас. Не Трубецкой ли, один из авторов классического евразийства, обращал внимание на то, что последствия "скачущей" цивилизации ужасающи и что непрерывная традиция есть одно из непременных условий нормального развития? И Нурсултан Назарбаев о возможных "прыжках", по–моему, никогда не заявлял. Кстати, какую роль отводит неоевразийство Казахстану?*

– Казахстан – это сильнейший козырь, который наряду с российской интеллектуальной школой имеем мы, в отличие от первых евразийцев. Казахстан – огромная страна, развивающаяся нормальными, демократическими, рыночными темпами и способная стать опорой в реализации идей евразийства. Очень, между прочим, важно, что первую скрипку играет не Россия, а одно из новых постсоветских государств – сам этот факт подтверждает демократический, объективный смысл евразийства.

Сей смысл прослеживается и в любых других интеграционных инициативах, идущих из Казахстана. Таможенный союз – термин, введенный Фридрихом фон Листом, теоретиком "автаркии больших пространств", – является экономической основой неоевразийства. А если вы помните, Таможенный союз в его конкретных очертаниях был предложен Нурсултаном Назарбаевым. ЕврАзЭС, заявленное недавно объединение четырёх ЕЭП – всё это тоже постепенная реализация евразийского проекта. И везде впереди Нурсултан Назарбаев.

Вообще, я хотел бы особо подчеркнуть, что, как ни крути, это объединение не может состояться без Казахстана. Именно русско–казахское сближение, в отличие от русско–белорусского или русско–украинского, придаёт проекту действительно евразийский характер. И потом, сразу же снимается тема панславизма, расового объединения. Конечно, в этом союзе должна быть и Украина как мощное геополитическое образование, но она должна прийти добровольно. А все остальные автоматически будут с нами. Такой мой расклад может кого–то обидеть, например Лукашенко, но ведь это будет взаимообразный процесс, не только белорусы, но и мы, русские, хотим объединяться. Хотя объединение только с Белоруссией ничего для нас не решает. Оно никак не усиливает наш суверенитет, не фундаментализирует геополитическую позицию России. Союз с Белоруссией – важная, но символическая деталь. А вот Казахстан, Россия и Украина – не деталь, это интеграционное пространство, к которому могут примкнуть все страны Евразии.

Корр.: *Евразийский союз, если он будет, – только часть континента. Вы прогнозируете, каким образом будут складываться его отношения с Западной Европой?*

– Первые евразийцы делили континент на две части: мир евразийский, то есть славяно–тюркский, и мир романо–германский. Второму они ставили жирный минус, а первому – большой плюс. Мы же, неоевразийцы, учитывая рефлексии минувшего столетия, изменили акценты. Мы увидели: то, что не нравилось первым евразийцам в романо–германской части Европы, уже откристаллизовалось *в англосаксонском сегменте Запада*. Он воплотил в себе всё то ценностное, что категорически отрицалось первыми евразийцами: ультраиндивидуализм, "маммонотеизм", плутократию, приоритет интереса над ценностью, прагматизм, бытовой материализм, виртуализацию экономики, пренебрежение любыми общинными культурами, ультралиберализм и тот комплекс, который называется "открытым обществом"... Когда в начале двадцатого века это всё

сконцентрировалось в американском, англосаксонском мире, романо-германская Европа перестала быть крайней. Не могу сказать, что она нам очень близка, но *она гораздо ближе, чем атлантический мир*. И мы поняли, что можно и нужно искать контакты с континентальной Европой. Такой подход не произволен, он не является ответом на некие сиюминутные вызовы, конъюнктуру.

Корр.: *Ну и каковы перспективы у евразийства, хватит ли человеческой жизни, чтобы увидеть воплощение этого "города солнца"?*

– Перспективы, я думаю, радужные, потому что *сама жизнь подталкивает и будет подталкивать нас к евразийскому объединению*. Но нам многие будут мешать строить многополярный мир; к этому надо быть готовыми. Все великое созидается большими усилиями и с большим терпением.

Поэтому надо готовиться к длительной борьбе за наши идеалы. Не ждите, что кто-то принесет нам евразийство на блюдечке, – его надо выстрадать, будут травмы, удары. Будут отступления. После начала иракской кампании меня атаковали московские журналисты, вспомнив мои прогнозы относительно предстоящего раскола между Америкой и Европой. До Ирака мне мало кто верил: ну как же, Старый и Новый Свет едины. А я, кстати, ещё десять лет назад настаивал, что Россия геополитически должна быть с Европой. Но восторженным журналистам, оценившим мой давний прогноз о неизбежности оси Париж-Берлин-Москва, я вынужден был ответить: конечно же, мне лестно, что меня оценили теперь, как Кассандру, однако радоваться пока нечему, сближение с Европой временное, просто конъюнктура внешней политики совпала с долгосрочным вектором евразийства. Она ещё отклонится, и внешняя политика ещё долго будет проходить, как синусоида вокруг единого вектора, – приближаться и отдаляться. Поэтому, – это я уже говорю своим оппонентам, – когда мы увидим в будущем какое-нибудь отклонение от евразийства, не надо спешить потирать руки и говорить об ошибочности евразийской идеи.

А хватит ли человеческой жизни, чтобы увидеть плоды интеграции, – не знаю. Знаю лишь, что пассивный наблюдатель их не дождётся. Ими будет вознагражден деятель. *Строительство Евразийского Союза – это не ожидание дождя*. Евразийство не нечто неопределённое, не некое "облако в штанах", это мировоззрение, ценностная система, продукт исторической рефлексии, это философия и политика, это участие человека в истории.

АЗИМБАЙ ГАЛИ
ПРОТИВ АЛЕКСАНДРА ДУГИНА

(казахский национализм против евразийства,

фрагменты пресс–конференции в Алматы, сентябрь 2003 г.)

Что такое евразийство сегодня?

Александр Дугин: Евразийство как явление сложилось в начале 20–х годов прошлого века в эмиграции среди русских философов, таких, как Трубецкой, Савицкий, Алексеев, Яков Бромберг, и имело большую популярность в 20–е годы. Отцы–основатели евразийства собирали в то время целые аудитории. Одним из постулатов движения было утверждение, что русское государство является не просто государством, а цивилизацией. Согласно ещё одному постулату, русскую государственность, русскую культуру создали не только славяне, но, в значительной степени, туранцы, то есть тюрки, монголы. Книга "Наследие Чингисхана" Трубецкого обосновывала эту идею, и, соответственно, преемственность русской государственности надо искать не только в славянско–киевской Руси, но и в значительной степени в Орде. Москва как идея так же развилась из Золотой Орды. Третий тезис заключался в том, что большевики, сами не сознавая этого, продолжали геополитическую линию империи, в связи с чем существует некая непрерывность в русской истории после 1917 года. И четвёртое – это отторжение западной цивилизации в духе славянофилов как универсальной цивилизации, представление о том, что Россия как Евразия идёт собственным путём. Где–то в середине 30–х годов движение евразийцев в эмиграции практически сошло на нет, а последователем этого движения уже, естественно, в советское время, является Лев Николаевич Гумилев. И вот в России в начале 80–х годов это движение возродилось в моей идейной школе, в окружении лю–

дей, которые интересовались русской историей, политикой. Уже в перестройку мы стали публиковать первые евразийские манифесты. Так постепенно сложилось мощное "Евразийское Движение" или, как его ещё называют аналитики "неоевразийское движение", чтобы отделить от организации первых евразийцев–белоэмигрантов.

В 1994 году Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев выдвинул концепцию Евразийского Союза, придав евразийству (неоевразийству) совершенно новое звучание. Впервые замыслы и чаяния евразийцев обрели в своих рядах историческую фигуру такого масштаба. Поэтому "евразийцем номер 1" справедливо называть именно Президента Назарбаева: он осуществил не только прорыв в теории, но и воплотил многие евразийские начинания в жизнь.

Учреждено Международное "Евразийское Движение", которое концентрирует в своих рядах сторонников Евразийской Идеи организационно. Формат партийных структур показал свою преждевременность и нецелесообразность. Международное "Движение" – это оптимальная форма для евразийства, позволяющая объединить наших сторонников во всех странах.

Такие события, как создание Единого Экономического Пространства, сам факт существования ЕврАзЭС, ОДКБ и другие интеграционные проекты на постсоветском пространстве, являются практическим результатом реализации неоевразийских идей. В значительной степени их разделяет наш президент Владимир Владимирович Путин, провозгласивший, что "Россия – евроазиатская страна".

Но снова повторю, что лавры первенства здесь без всякого сомнения у Нурсултана Назарбаева.

Сегодняшнее евразийство гораздо меньше напоминает русский империализм, чем изначальное. Оно все–таки было взрощено на славянофильских традициях, хотя новаторским шагом первых евразийцев была позитивная

оценка наследия Чингисхана и тюркско-монгольского кочевого фактора в русской истории.

Азимбай Гали: Я хотел бы высказать собственное, субъективное мнение. Первое, что я хочу отметить, так это то, что нельзя ассоциировать концепцию неоевразийства и позицию партии власти с мнением президента страны Назарбаева. Нельзя считать его "дугинцем", потому что, если вы читаете работы главы государства, то там ни о каких ценностях, подобных только что изложенным, не говорится. Назарбаев за экономическое сотрудничество, за гуманитарное сотрудничество наших стран. Есть ряд позиций в евразийстве, о которых в выступлении Александра Гельевича не было сказано: первое – антиатлантизм, второе – проглядывает четкий антисемитизм, третье – оно направлено против рыночных и либеральных ценностей, существуют моменты авторитарной идеологии, и четвертое – национальные вопросы собственно России, и конечная цель – отрыв этноса от территории. Таким образом, эта концепция сама по себе – идеологическая концепция. Даже в строго научном плане она не интересна для Запада, Александр Гельевич по ряду своих позиций не может быть принят ни в Западной Европе, ни в США.

Александр Дугин: Одно уточнение. Что касается части вещей, с этим можно согласиться, кроме одного категорически неверного утверждения, которое совершенно не соответствует действительности, – антисемитизма. Ещё раз подчеркну, ни малейшего намека на антисемитизм ни у традиционных евразийцев, ни у неоевразийцев нет и не было никогда. Одним из классиков-евразийцев, переизданных мной, является Яков Бромберг, в нашем движении принимают участие традиционные иудеи, отделение "Евразийского Движения" существует в Израиле. А другие тезисы г-на Гали – полемические. В какой степени "евразиец" Назарбаев – кажется, очевидно, если просто вспомнить, кому принадлежит авторство замечательной идеи "Евразийского Союза". В этом мы, евразийцы – его последователи, а не он – наш. В какой степени научно евразийст-

во. Здесь я, пожалуй, соглашусь с Азимбаем Гали в том, что это не наука, это скорее мировоззрение, можно сказать идеология (но нового типа). Это идеология, которая отрицает универсальность либеральной модели и её философских, идеологических предпосылок. К этому нет симпатии на Западе – верно, потому что на Западе доминируют либерально-демократический подход. В отношении отрицания атлантизма, евразийство – это альтернатива атлантизму, но это не значит, что это альтернатива Европе. Это скорее альтернатива однополярному миру и глобализации. Что касается "Евразийского Союза", это не только экономическое объединение, но и государственно-стратегическое. Я имел честь беседовать с Нурсултаном Абишевичем, внимательно изучил его выступления, книги и тексты. И могу засвидетельствовать персонально его большой интерес к евразийской методологии, хотя он подчеркивает, что евразийство, как он его понимает, отличается от того, как его понимали первые евразийцы. Но это же можно сказать и о нас, современных российских неоевразийцах. Но категорически настаиваю: ни в моих трудах, ни в трудах какого бы то ни было евразийца классической или неоклассической школы нет ни малейшего намека на антисемитизм. Отрыв этноса от территории действительно есть, здесь имеется в виду, что этнос не должен создавать этнических государств, это смысл, если угодно, интернационализма или концепции прав народов. Русский народ может жить в России, может жить в Казахстане, и он от этого не становится менее русским. Казах может жить в Казахстане, может в Узбекистане, может приехать в Россию.

Азимбай Гали: Одной из целей этой идеологии является "включение" Казахстана, передача части суверенитета, а потом полная ликвидация. В чём смысл отрыва этноса от территории? После того, как не дай Бог, случится превращение в одно государство, казахам скажут, что они никакого отношения к Казахстану не имеют, потому что они яв-

ляются гражданами некоего евразийского государства. И если в интересах евразийского государства будет, допустим, продолжать испытания ядерного оружия, захоронение ядерных отходов и так далее, ты уже не имеешь права защищать интересы Казахстана – субъекта Федерации. В этом и опасность. В отношении антисемитизма, если вы внимательно вчитаетесь в работы Гумилева, антисемитизм присутствует. Отличие идеологической концепции от научной теории заключается в том, что идеология принимается на веру, точно так же, как и догматы. И суть идеологии заключается в политической экспансии. Поэтому нужно придерживаться государственнической позиции, думать о судьбе страны. Антиатлантизм ничего хорошего ни России, ни Казахстану не принесёт, потому что Россия не может быть значимым геополитическим субъектом в силу малых экономических и геополитических ресурсов. А если мы настолько приблизимся к России, что станем её геополитическим сателлитом, то экономические санкции в результате некоторых непредсказуемых шагов России, например, поддержки Ирана по отдельным отраслям, лягут и на наши плечи, и нам придётся вместе с Россией терпеть эту проблему. Потом: и Россия, и Казахстан являются государствами одной ниши – мы продаём нефть и газ, и они продают, мы продаём зерно, и они – тоже, и по чёрным, и по цветным металлам у нас одни и те же рынки сбыта, поэтому у нас будут проблемы. И, хотя наш народ очень гостеприимный и готов зарезать для гостя последнюю овцу, но вместе с тем, нельзя недооценивать других сторон интеграции, так что, раскручивая Дугина в Казахстане, я думаю, мы у Запада получим минус, как свидетельство нашей политической незрелости, несформированности.

Пресса: *Как получилось, что вы здесь оказались за одним столом?*

Азимбай Гали: Я думаю, что г-н Дугин – российский патриот, а я – казахстанский патриот. А вы хотели бы, чтобы Дугин свои геополитические

взгляды без оппонирования излагал? Разве это соответствует принципам плюралистического общества?

Необходимо жертвовать сиюминутными интересами ради интеграционных процессов

Александр Дугин: Я полагаю, что в современном мире ни одно государство, кроме США, в среднесрочной, даже не говоря о долгосрочной, перспективе не может сохранять суверенитет. Потому что меняются параметры, происходят процессы глобализации, по существу, закончилась эпоха суверенных национальных государств, происходит эрозия суверенитета. Поэтому мы видим в странах, которые наиболее внимательно следуют за мировым развитием, объединение в большие пространства. Я вижу Евразийский Союз на территории стран СНГ как некое *новое большое пространство* и прямой аналог Евросоюза с постепенным переходом к конфедеративному устройству. С созданием единой системы стратегического планирования, но при этом с расширением демократии, и даже с усилением автономистских, регионалистских и децентрализованных тенденций. Я полагаю, что в Европе распад государств–наций и переход к единой системе Евросоюза тоже поднимает тематику этносов и народов Европы, с одной стороны, и возрождает тематику регионализма, с другой. Поэтому регионализм и такая относительная глобализация в рамках большого пространства не противоречат друг другу. В этом отношении я полагаю, что Евразийский Союз постепенно должен двигаться в сторону интеграции и унификации. Это должно быть демократическое образование, основанное на уважении прав народов и этносов, и в этом отношении, притеснение какого–то народа другим народом категорически должно быть запрещено законодательным образом. Я думаю, что это, безусловно, будет аналог того, что можно назвать "демократической им–

перией", аналог Евросоюза. Что касается сегодняшнего состояния: СНГ – это был инструмент "развода", и именно Президент Назарбаев предложил пересмотреть эту функцию СНГ и приступить к образованию Евразийского Союза. С 1994 года я и мои сподвижники самым активным образом поддерживаем эту инициативу.

Аргументы, что Россия и Казахстан конкурентны, я выслушивал от очень многих противников интеграции. В частности, от Михаила Ходорковского, тоже западника, тоже противника объединения. После моей статьи в "Ведомостях" о евразийском объединении с Казахстаном, экономических "плюсах" России, которые многочисленны, у меня была длительная беседа с Ходорковским, и он мне возражал: "Это же наши конкуренты, зачем они нам нужны?" Дальше он излагал чисто экономические показатели. Меня все это, честно говоря, не убедило. Я руководствуюсь иной логикой и иными цифрами.

Я – друг казахстанского народа, и не только русский патриот, я ещё и казахстанский патриот. Я люблю все народы Евразии, особенно наших братьев–тюрок, с которыми вместе мы построили единое государство, единую культуру, и поэтому в данном случае я полагаю, что даже если Россия экономически что–то на определенном этапе может потерять от тесного альянса с Казахстаном, то она должна на это пойти по историческим и геополитическим соображениям. Необходимо жертвовать сиюминутными интересами в газовой и нефтяной отрасли ради интеграционных процессов. Кстати, эту же идею на круглом столе телеканала "Культура" поддержал и сам Президент Назарбаев.

Азимбай Гали: Торговое сальдо Казахстана и России не очень благоприятно, поэтому сейчас Казахстан ведёт политику импортозамещения. Я думаю, что Казахстан должен входить в Европейский союз, а не в Евразийский. Мы должны интегрироваться в мировое сообщество, а не в региональное содружество, в котором очень сильны империалистические

традиции. И в этом мировом сообществе Казахстану надо найти свою экономическую, идеологическую нишу, а не уходить из одного закутка в другой закуток.

Фактор Китая

Пресса: *Вы сказали, что в современном мире ни одно государство не может сохранять суверенитет, кроме США. А Китай? Как вы его оцениваете в этом плане?*

Александр Дугин: На самом деле Китай представляет собой действительно определённое исключение за счёт демографического потенциала, и, тем не менее, Китай экономически в рамках китайского государства долго просуществовать не может. Китай обречён на экспансию, и мы знаем, что он уже в значительной степени контролирует экономику Тихоокеанского региона. Я на этот счёт беседовал с первым секретарем посольства Австралии.

Кстати, насчёт неприятия идей евразийства на Западе – тоже спорный вопрос, поскольку там есть ряд людей, которые очень внимательно рассматривают евразийство, и если оно будет более демократичным, более гуманным, как говорят, в том числе представители США, то оно будет очень интересным *как переходный этап к глобализации*.

Что же касается Китая, то он действительно растёт бурными темпами, я думаю, он будет расти за счёт Казахстана и России, поскольку с его стороны наблюдается демографическая и экономическая экспансия, в то время как мы находимся в достаточно сложном периоде. Китай действительно осуществляет некое региональное культурно–экономическое расширение, и этот процесс надо как–то контролировать. В этом отношении объединённая Европа, на мой взгляд, – тоже ответ новым вызовам, в том числе демографическим. Все чаще европейцы говорят о "крепости Европа".

Ни Франция, ни Германия по отдельности не способны сохранить суве–

ренность, они способны сохранить её все вместе перед лицом арабского мира, перед теми же Соединенными Штатами. Китай геополитически – это мощное образование, и как таковое он ослабляет, или по меньшей мере, релятивизирует складывающуюся американскую гегемонию, но это достаточно специфическая монорасовая, монокультурная альтернатива, которая не предлагает другим ничего, кроме ассимиляции. И вместе с тем мы должны найти место в Евразийском Проекте и Китаю. Оно формулируется так: китайской экспансии в южном направлении – "да", в северном – "нет".

ВОСТОК – ДЕЛО ТОНКОЕ

(расшифровка программы ЦТ РФ "Материк", 10 июля 2003 г.)

Ведущий: У нас в студии известный философ и публицист, идеолог неоевразийства и лидер Международного "Евразийского Движения" Александр Гельевич Дугин, а также политолог Константин Затулин. Можно сразу вопрос? Сегодня политика Соединенных Штатов, в том числе, состоит и в некоем ожидании ударов исламского мира, и Соединенные Штаты теперь уже проводят такие превентивные ответные удары. Для России, страны евразийской в нашем понимании, исламский мир также опасен?

А. Дугин: С точки зрения России как евразийского государства, безусловно, исламский мир является либо нейтральным, либо союзническим элементом общей геополитической модели.

К. Затулин: Скажите, Вы всерьёз считаете, что ислам и христианство – это во всех отношениях совместимые религии?

А. Дугин: Я считаю, что это очень существенно дифференцированные, не сводимые к единой парадигме и матрице религии, имеющие множество внутренних противоречий, никак не снимаемых. Но перед лицом глобалистского секуляризма, перед лицом этой угрозы наши противоречия, подчеркну, неснимаемые, отходят на второй план, поскольку возникает понятие "общий враг".

К. Затулин: Не кажется ли Вам, что теория евразийства несколько уязвима, потому что даёт возможность говорить: знаете, в Средней Азии всё так происходит потому, что по-другому быть не может. Это культурная традиция, чтобы президент был пожизненным, а ещё лучше, если он вообще будет шахом, ханом или беком. Это такая евразийская культурная традиция. А такая культурная традиция, как права человека, здесь вообще не играет большой роли.

А. Дугин: Антропология, на которой основывается евразийство, его представление о человеке, рассматривает человека как часть народа.

К. Затулин: Право народа, русского народа – жить в Туркмении.

А. Дугин: Прекрасно!

К. Затулин: Это отвергается?

А. Дугин: Право народа в евразийстве ставится выше прав человека.

К. Затулин: Назарбаев, мне кажется, усвоил, по крайней мере, тот факт, что евразийство в среде нашей российской культурной элиты, интеллигенции имеет определённые корни, поэтому он чуть ли ни с первых лет независимости Казахстана несколько раз бомбардировал нас разного рода проектами – Евразийский союз, помните, в 1994 году?

А. Дугин: Я помню, я сторонник этого проекта.

К. Затулин: Я, например, очень внимательно изучал этот проект. Этот проект был скроен таким образом, чтобы воспользоваться ресурсами России, – экономическое сотрудничество, отмена всяческих границ, пошлин и всего остального, – и при этом уберечь новое независимое государство Азии от вмешательства со стороны старшего соседа, который задавал бы вопросы: а почему, собственно говоря, нет свободы волеизъявления, почему нет этого, почему нет того, почему нет гарантий прав личности? Или, если хотите, гарантий прав народа, нашего русского народа на территории Казахстана?

Ведущий: Константин Федорович, насколько я знаю, в Казахстане, не будем уж так критиковать, есть русские школы и русское телевидение, и граждан Казахстана русской национальности, говорящих на русском языке, избирают в том числе.

К. Затулин: Нет уж. Президента Назарбаева они очень относительно избирают. По крайней мере, они его избирают фактически в условиях безальтернативности. Я Назарбаева привёл как наиболее просвещённого из диктаторов Средней Азии.

А. Дугин: Вы знаете, я хочу подчеркнуть, что, во–первых, я бы возразил по поводу применения термина "диктатор" к этому уважаемому политику. Я недавно был в Казахстане на "Евразийском медиа–форуме". Я считаю, что ситуация там достаточно демократична и, может, во многих аспектах в значительной степени, демократичнее, чем то, что мы видим в Башкирии или Татарстане – а это Российская Федерация – там меньше демократии, чем в Казахстане.

Ведущий: Александр Гельевич, Вы сами назвали республики в составе Российской Федерации: Башкортостан, Татарстан. Так вот, мы как раз и говорим о специфике. Почему именно автономные образования или государства, где основной религией является ислам, как раз и являются наименее демократичными?

А. Дугин: Я убеждён, что все негативные явления с нарушением демократических процедур и особенно – самое главное, самое неприятное – с намеками на этнические чистки, на некое преследование людей по этническому и религиозному принципу на постсоветском пространстве – это результат распада той замечательной конструкции, геополитически замечательной, я не беру сейчас идеологический момент, которой был Советский Союз, или даже Российская империя.

Мы никогда не решим, на мой взгляд, проблему русского населения в Средней Азии, более того, мы не установим нормальные отношения между этносами в рамках Российской Федерации в составе различного рода квазигосударственных образований, будь то Татарстан или Башкирия, или что–то ещё, если мы не примем евразийскую модель устройства организации всего этого пространства. Должна быть общая система этого Евразийского союза, которую отстаивает Нурсултан Назарбаев.

К. Затулин: Вот он и поймал Вас, интеллектуала, на такую приманку. Даже у интеллектуалов, как известно, как и у всякого человека, есть слабые струны, на которых можно иногда поиграть. Вам нравится всё, что связано с

евразийством и этой теорией. Она, эта теория, действительно очень привлекательна, и мы до некоторой степени следуем ей в нашей передаче, потому что называем её "Материк". Я бы не хотел, чтобы мы переходили от желания подчеркнуть достоинства этой теории к ситуации, когда мы совсем отрываемся от почвы реальности и начинаем говорить: Назарбаев или кто–то другой вне критики. Пусть меня не поймут как желающего именно Назарбаева в чём–то упрекнуть, просто он чаще на темы евразийства выступает. Он лучше знает нашу аудиторию.

А. Дугин: Он то же самое говорит и в Казахстане.

К. Затулин: Нет. В Казахстане он говорит о том, что Казахстан был наиболее пострадавшим в советские годы от той национальной политики, которая проводилась сначала царизмом, а затем властями Советского Союза.

А. Дугин: Константин Федорович, здесь есть один очень важный аспект. Я считаю, что инициатива распада Советского государства исходила в большей степени из Кремля, чем от самих национальных республик. И уж, тем более, Назарбаев никакого к этому отношения не имел. Более того, он был шокирован тем, что его не пригласили в Беловежскую пущу

Ведущий: И в этом Александр Гельевич абсолютно прав.

К. Затулин: Я не собираюсь спорить с тем, что Назарбаев не участвовал в Беловежских соглашениях. Назарбаев на самом деле, как человек восточный и человек осторожный, просто не знал, чем дело закончится в Беловежской пуще. Он был туда приглашён, но он туда не долетел. Это же история достаточно известная. Но это совсем не значит, что казахская элита сегодня, когда десять лет прошло, мечтает о том, как бы ей вновь влиться в какой–то Евразийский союз, где эта казахская элита уже не будет так свободно распоряжаться и жизнями, и душами, и ресурсами Казахстана.

А. Дугин: В данном случае мы, на мой взгляд, должны закрыть глаза аб–

солютно на всё, что происходит в Казахстане. Мы должны поддерживать Нурсултана Назарбаева любой ценой.

К. Затулин: Поменяем фамилию. Закрыть глаза на всё, что происходит в Туркмении, в Узбекистане, в Киргизии, в любой другой стране, потому что эти страны принадлежат к евразийскому миру, и если они, эти страны не пускают на свою территорию американцев, ну и надо закрыть глаза на всё остальное. Вы не чувствуете, что Ваша логика является питательной средой для такого рода конструкций?

А. Дугин: Не чувствую. И знаете почему? Потому что на самом деле мы сейчас все, все страны постсоветского пространства, все люди бывшего советского лагеря находимся в ситуации побеждённых. Мы находимся внизу своего геополитического развития. Нам всем надо из этого выбираться. Мы не можем говорить там: оставь русского, оставь азербайджанца, оставь в покое казаха.

К. Затулин: Почему?

А. Дугин: Потому что наши национальные государства, будучи сохранёнными и даже укреплёнными в том виде, в котором они есть, это откладывание общей стратегии. Выживем в условиях глобализации и вызовов как со стороны Запада, так и со стороны Азии мы только вместе, как единая цивилизация, либо мы интегрируемся любой ценой с любыми издержками, либо нам придётся плохо.

К. Затулин: А я не уверен, что на самом деле под этими целями реально подпишутся президенты этих самых среднеазиатских государств. А Ваша позиция, в данном случае, сегодня служит их выгоде, потому что они скажут: ну мы же все стремимся в хорошее будущее завтра, когда мы все будем интегрированы. Поэтому не замечайте того, что происходит в Казахстане, Туркмении и т.д. Всё равно завтра или послезавтра и так всё будет хорошо.

А. Дугин: Мы действительно должны выбрать между одним и другим. Либо долгосрочная победа интеграционных процессов при том, что мы дей-

ствительно меньше внимания обращаем на внутренние дела в среднеазиатских государствах, причём в некоторых случаях они не так уж плохи, как кажется. Или мы действительно начинаем придираться к статус–кво, и делаем эту интеграцию всё менее и менее возможной.

К. Затулин: А какие у меня основания верить в то, что Назарбаев идёт по Вашему пути, а не по своему? Я, например, уверен, что г–н Назарбаев и г–н Ниязов, они во многом разные политики, не сравнимые между собой, но в одном они похожи – они строят национальные государства.

А. Дугин: А что мы строим, Российская Федерация?

К. Затулин: Я сейчас скажу об этом. Национальные государства – те, которые называются "Казахстан для казахов" или "Туркмения для туркмен" или точнее даже – Туркмения для одного туркмена, для Ниязова.

А вот что касается России, она пытается удержаться в рамках того направления развития, которое было задано, по крайней мере, со времён московского царства, т.е. государство для всех, кто в этом государстве живёт. Понимаете, здесь всё взаимосвязано. Если русские являются в Средней Азии всё–таки носителями какого–то эрзац–европейского стиля, делового, политического и всякого иного, и те, кто как бы с ними духовно, культурно объединился, т.е. это русскоязычные – казахи, туркмены и т.д., то теперь этот вот конгломерат, как "шагреневая кожа", под влиянием политических элит – национальных, националистических элит – сокращается. И это то, что должно нас беспокоить в первую очередь. В данном случае нам не помощник, я думаю, Александр Гельевич.

А. Дугин: Абсолютно верно.

К. Затулин: Потому что Александр Гельевич говорит: не обращайте на это внимание. Мы завтра с ними объединимся, и всё пойдёт нормально.

А. Дугин: Правильно, Константин Федорович, это меня не беспокоит. Меня беспокоит другое. Меня беспокоит отсутствие воли к интеграции со стороны на–

шего политического руководства. Если мы будем по–настоящему единым Евразийским Союзом, мы решим все вопросы с положением русского населения.

К. Затулин: Я слышу не в первый раз в своей жизни, что в жертву мечте мы должны принести очень многое. В данном случае, я хочу заметить, чтобы было понятно – миллионы людей, которые сегодня нуждаются в защите.

А. Дугин: Иначе русские люди, которые живут во всей Средней Азии, будут жертвами этих националистических режимов.

К. Затулин: Они уже жертвы.

А. Дугин: Мы никак не спасем их и не защитим, если мы не получим единую систему стратегического контроля над всеми территориями.

К. Затулин: Мы и не получим.

А. Дугин: Если не будет воли.

Ведущий: Константин Федорович, я думаю, что вы вряд ли договоритесь в рамках нашей передачи, а может быть, вряд ли договоритесь вообще, потому что слишком диаметрально отличаются позиции.

Наша передача была посвящена поиску ответа на вечный, наверное, для России вопрос – о линии поведения России на Востоке, в Центральной Азии. Как вы видите, столкнулись две точки зрения. Ждать, когда осуществится великая мечта о едином евразийском пространстве и при этом не замечать сегодняшнего сложного, если не катастрофического в некоторых государствах, положения русских, не только русских, но и людей, говорящих на русском языке, – или же заботиться об этих людях, помогать им сегодня, здесь и сейчас? Ответы на этот вопрос есть у каждого участника сегодняшней передачи. Наверное, они есть и у вас, телезрителей.

ЕВРАЗИЙСТВО, ГЛОБАЛИЗМ И СУДЬБА ИСКУССТВА

(интервью казахскому художнику и культурологу Канату Ибрагимову)

Вопрос: *Скажите, г–н Дугин, конвергенция и глобализация – это разные вещи?*

Это разные вещи. Конвергенция была идеей объединения двух идеологических систем: капиталистической и социалистической, а глобализация – это универсализация одной единственной модели. Никакого второго полюса здесь нет. Con–vergence – это "со–единение", "со–четание", "с–лияние". В глобализме ничто ни с чем не сливается, не соединяется… Есть единая глобалисткая матрица, основанная на атлантистской, американской модели, и она навязывается всем остальным.

Вопрос: *А искусство?*

Об искусстве мы сейчас вообще не говорим, искусство – это особая сфера, потому что её значение в этих процессах равно нулю, с моей точки зрения. В отличие, скажем, от известного российского сторонника продвижения современного искусства, галереиста Марата Гельмана, я глубоко убеждён, что сегодня вопрос культуры просто не стоит вообще, то есть это анахронизм.

Вопрос: *К сожалению…*

Это не случайно. Если мы возьмём американского социолога Даниэла Бэлла, автора концепции постиндустриального общества, то всё станет понятным. Он утверждает, что искусство и культура препятствуют развитию технологической цивилизации. То есть культура – антипрогресс: "Либо прогресс, либо культура", – говорит Даниэл Бэлл. Так как архитекторы "нового мирового порядка" однозначно стоят на стороне технологии, соответственно, они занимают позиции жёстко против культуры. Культура – это элемент, в общем, ещё старого че–

ловечества, человечества мыслящего, духовного, не клонированного, не абсолютно технологического. Человечество постиндустриального общества должно, по определению, минимализировать аспект культуры. Это не случайное явление – минимализация культуры, это наоборот выражение определённых объективных процессов, которые с нашей точки зрения – с точки зрения противников однополярной глобализации – являются злом, поэтому мы стоим на стороне культуры, а глобализм, чего не понимает Марат Гельман, рано или поздно, приведёт к отмене галерей и геноциду художников.

Вопрос: *Вы идеологически и идейно обеспечивали многие российские политические проекты. Почему вы всё это оставили и решили создать собственное международное "Евразийское Движение?"*

Самое неприятное во всех предыдущих политических проектах, что столько много хороших, позитивных идей загажено. Поняв, что больше уже невозможно делегировать идеи разным неподходящим людям, либо ярким перверам, либо ограниченным чиновникам, я поставил точку в этой стратегии, свойственной моему темпераменту философа, идеолога, мыслителя – быть немного в стороне от прямой политики. Я понял, что отчуждение и искажение идей будет повторяться постоянно. Поэтому свой новый проект я решился возглавить лично: это международное "Евразийское Движение". Отныне я сосредоточил мои усилия на этом. Сегодня евразийство – это самое главное. И для России и для стран СНГ, в первую очередь, для Казахстана, и шире, для всего мира: это альтернативная стратегия, философия многополярности и баланса мировых сил. Евразийство вышло за рамки только философии, на глазах становится политической практикой.

Ось Москва–Астана – это самое высшее проявление современного искусства. Её–то и следует нам всем созидать общими усилиями. Это становой хребет Евразии, Евразийского Союза.

Часть IV.

Евразийство – взгляд в будущее

В ЕВРАЗИЮ НАДО ВЕРИТЬ!

(выступление на конференции "Евразийская интеграция: тенденции современного развития и вызовы глобализации" с участием президентов стран ЕврАзЭС, Астана, 18 июня 2004 г.)

Уважаемые коллеги! Высокие гости! Господа председательствующие! Позвольте мне передать столь высокому собранию приветствие от всего Международного "Евразийского Движения", чьей главной задачей является реализация цели, обозначенной в названии конференции – "Евразийская интеграция". "Евразийская интеграция" – это то, ради чего живёт и борется наше Движение, день ото дня расширяющееся и приобретающее новые силы и новые масштабы. Сегодня в этом зале, в Евразийском Национальном Университете имени Льва Гумилева в Астане сбывается мечта нескольких поколений евразийцев, наша мечта: о евразийстве вдохновенно, глубоко и открыто говорят президенты шести стран – России, Казахстана, Кыргызстана, Беларуси, Таджикистана и Армении. Сегодня же в Астане пройдут заседания ЕврАзЭС и ОДКБ, т.е. тех наднациональных структур экономической и военно–политической интеграции, которые воплощают в себе практическую реализацию евразийских чаяний. Здесь же в стенах Евразийского Университета мы говорим о главном: о евразийской философии, о месте евразийской интеграции в глобальных процессах, об актуальности идей Гумилева, о неизбежности евразийства как мировоззрения. Я поражён глубиной докладов первых лиц СНГ, их фундаментальным знакомством с евразийской проблематикой. То, что долгие годы отстаивала небольшая группа самоотверженных интеллектуалов, философов, учёных, становится сегодня насущной повесткой дня для политических лидеров высшего уровня. Это исторический момент, и я призываю всех присутствующих осознать его глубину.

Мы живём в мире, в котором осуществляются фундаментальные сдвиги.

Они столь существенны и беспрецедентны, что опережают осмысление. Наша мысль, наши размышления не могут угнаться за калейдоскопической чередой событий, проходящих вокруг нас и с нами. На наших глазах рушатся старые картины мира и возникают новые. Процессы, происходящие в человечестве, требуют полной интеллектуальной мобилизации. Об этом сегодня говорил президент России Владимир Владимирович Путин в афористичной манере: "умные всех стран, соединяйтесь!" Давно пора. Без напряжения интеллектуальных усилий, без интеллектуальной, научной, аналитической интеграции мы упустим смысл происходящего, окажемся подавленными и обескураженными хаотическим нагромождением фактов.

Я бы выделил три основных явления, которые взывают к осмыслению:

– глобализация,

– интеграция Европы,

– пробуждение Азии.

Глобализация сегодня осуществляется в беспрецедентном масштабе: темы "мирового правительства", "единого мира", "конца истории" более не утопии, но почти реальность. Осмыслять глобализацию, толковать её, осознанно и последовательно соотносить наши решения и шаги с этим процессом – это необходимое условие для адекватной и ответственной деятельности как политиков, так и экономистов, как учёных, так и практиков. Глобализация отменяет традиционные социальные и политические институты – государства, нации, классы, границы, национальные рынки, культуры и т.д. Вступая в глобализацию, мы получаем новые преимущества, но и сталкиваемся с новыми рисками.

Интеграция Европы ставит нас перед фактом появления нового геополитического субъекта, которого не существовало со времён Средневековья. Объединенная Европа не просто часть западного мира, атлантического сообщества. Это новая реальность, с новой геополитикой и новой повесткой дня.

Пробуждение Азии проявляется в ускоренной стремительной модернизации восточных обществ, активизации их роли в международной жизни,

повышении их геополитической субъектности.

Евразийская интеграция – абсолютно ключевой момент, от него зависит облик будущего миропорядка. Евразийство и есть концептуальный системный ответ на вызовы глобализации, объединение Европы и пробуждение Азии. В этом коротком термине – "евразийство" – заключён колоссальный смысл.

Если евразийская интеграция станет полноценной реальностью, к чему стремятся страны участницы ЕврАзЭС, и особенно главный идеолог и практик современного евразийства, Нурсултан Абишевич Назарбаев, то в мире наряду с американской, европейской и азиатской возникнет "четвёртая зона", важнейший субъект и деятель мировой геополитики. Если этой интеграции не произойдёт, то евразийское пространство всё равно будет интегрировано, но уже по частям и в иные "большие пространства" – что–то отойдёт в Европу, что–то в Азию, что–то останется бессильным и изолированным зависимым колониальным осколком. Снова границы пройдут по живому, по народам и культурам. Интеграция – закон XXI века, и она неизбежна. И выбор лишь в том: будет ли интеграция евразийской, т.е. сводящей воедино потенциалы наших стран, либо неевразийской. Либо мы будем в центре интеграции, строя свою собственную свободную и защищённую "четвёртую зону", либо мы окажемся на периферии интеграции, как её объекты, а не субъекты.

Более того, наличие четвёртой – евразийской – зоны изменит геополитический статус остальных трёх. Если Евразия станет единой и Евразийский Союз превратится в реальность, Европа и Азия станут более свободными и независимыми от американской доминации, возникнет подлинная демократическая многополярность. Если же Евразия будет мировой периферией, расколотым, "балканизированным" пространством, мир окажется однополярным и ассиметричным. От того, реализуют ли присутствующие здесь лидеры шести стран интеграцию Евразии, на–

прямую зависит не только судьба наших народов, но и образ будущего мира. Евразийская интеграция – это ключ к интеграционным процессам в мировом масштабе.

Объединение евразийского пространства – это категорический императив нашего времени. Казахстан стал полюсом евразийства в СНГ, а его Президент – паладин евразийской идеи, рыцарь без страха и упрёка – мотором тех процессов, которые направлены к достижению великой цели. Как совершенно справедливо заметил сегодня с этой трибуны президент Кыргызстана Аскар Акаевич Акаев, "Назарбаев смотрит за горизонт, дальше нас всех". Это совершенно верно: евразийский взгляд Назарбаева сопрягает судьбу Казахстана и казахстанцев не только с судьбой соседних народов, но и с ходом мировой истории. Астана – пульсирующее сердце Евразии, которая не просто строится, она творится, она созидается. Вместе с этим городом растёт новый мир, евразийский мир. И, конечно, духовным центром евразийской столицы является Евразийский Университет, названный в честь великого русского историка.

Сегодня евразийство стремительно превращается из "настроения" в "концепцию", из "ностальгии" – в "футурологический проект", из "смутного предчувствия" – в "строгую теорию". Это очень важный процесс. У нас есть воля президентов строить евразийский мир, что мы только что услышали от них самих. У нас есть безусловная поддержка народов, живо сохраняющих чувство взаимного родства, узы истории. Но политические, экономические и интеллектуальные элиты наших стран явно запаздывают. И Президент Путин только что верно заметил, что многие продолжают оперировать с отжившими мифами ("национализм", "великодержавный шовинизм"), руководствоваться амбициями и нелепыми, устарелыми, произвольными представлениями, метко обобщёнными российским Президентом в термине "глупость". Итак: налицо евразийство вождей и евразийство масс, которые сдерживаются исторической "глупостью" элит. Это положение дел следует радикаль-

но изменить, и мы интеллектуалы, представители научного сообщества, "евразийские умные" обязаны не покладая рук работать в этом направлении, чтобы пробить стену непонимания, клише, устарелых штампов. Мы вместе призваны отстроить Евразийскую Теорию. Так как сегодня лидеры наших стран встречаются в рамках заседания Евразийского Экономического Сообщества, хотелось бы несколько слов посвятить перспективам евразийской экономики.

В евразийской мысли есть своё экономическое направление. И как Маркс и Энгельс для марксистов, Адам Смит, фон Хайек и Милтон Фридман для либералов являются непоколебимыми авторитетами, так есть своя экономическая школа и у евразийцев. Её основателем является немецкий либеральный экономист Фридрих фон Лист. К слову, его последователями были Вальтер Ратенау, Сергей Витте, переводивший труды Листа на русский язык, и многие другие.

Лист заметил следующую закономерность в развитии стран, находящихся на разных экономических уровнях. Если полностью и стремительно интегрировать хозяйство высокоразвитой рыночной страны с хозяйством менее развитой, то в отличие от физического принципа сообщающихся сосудов, уровень экономического развития не станет равным, не перераспределится равномерно в обеих системах хозяйства, но напротив: развитая экономика станет ещё более развитой, а менее развитая деградирует, превратившись в сырьевой или потребительский придаток. Иными словами, экономическая интеграция слабого с сильным усиливает и без того сильного и ослабляет слабого; богатый богатеет, а бедный беднеет. Вместе с тем, полная изоляция от внешнего мира также не выход, происходит застой экономики, технологическое отставание, и снова тот же результат – экономическая зависимость и деградация. Что же делать? Как пройти между Сциллой и Харибдой? На этот вопрос Фридрих фон Лист и даёт ответ своей теорией. Она называется "автаркия больших пространств". Смысл её в следующем. Не отвергая эко–

номической интеграции слабого с сильным в принципе, следует вести её постепенно и с обязательной промежуточной стадией – интеграцией "больших пространств" с менее развитой хозяйственной системой в единый рыночный организм, "таможенный союз". Далее следует период частичного протекционизма применительно ко всему этому интегрированному целому, с параллельной избирательной открытостью внешним рынкам, и активная модернизация экономики. По мере роста этой модернизации открытость внешнему миру постепенно повышается. И наконец, когда будет достигнут уровень конкурентоспособности, открытость становится полной.

Применённая на практике теория Листа дала экономическое чудо Германии второй половины XIX века, когда отсталая феодальная страна стремительно развилась настолько, что в начале XX века уже смогла конкурировать с Англией и Францией. Аналогичные модели были использованы для реконструкции Германии после 1945 года и для возрождения Японии.

Смысл "автаркии больших пространств" в том, что в них объединяются страны со сходной культурой, цивилизацией, уровнем экономического развития, что облегчает гармоничность проведения модернизационных процессов. Так "таможенный союз" XIX века объединил все немецкие земли – Австро-Венгрию, Германию и Пруссию.

Сегодня мы находимся точно в таком же положении. Нам нужен именно полноценный "таможенный союз", мы должны построить евразийское "большое пространство". Именно это будет шагом вперед: как в строну сближения с иными экономическими зонами, так и в вопросе сохранения нашей свободы, идентичности и независимости.

Фридрих фон Лист – классик евразийской экономики, его идеи требуют всестороннего изучения, осмысления, применения на практике, с учётом тех новых элементов, которые были внесены в экономическую науку за последнее столетие. Лист не догма, но один из источников и составных частей евразийской теории. Его идеи следу-

ет творчески развивать, но прежде с ними надо обстоятельно познакомиться.

Я бы хотел также обратить внимание ещё на двух экономистов неортодоксального направления, которых следует активно задействовать в разработке экономической стратегии евразийской интеграции и модернизации. Это Йозеф Шумпетер и Франсуа Перру.

Шумпетер подчеркивал важность критерия "экономического развития" (качественный параметр) над (количественным) критерием "экономического роста". Подчас задействование инновационного потенциала, креативный подход к экономическим проблемам способны резко повысить экономический уровень без того, чтобы это стало результатом постепенного количественного роста традиционных показателей и индексов. Понятие "роста" не учитывает качественных трансформаций, и может, как это ни парадоксально, сопровождаться стагнацией экономики в её качественном измерении. К примеру, открытие новых видов энергии, новых технологий, новых товаров и даже новых рынков обесценивает накопление старых. Так было в прошлом, так произойдёт и в будущем. И нынешняя борьба за нефть станет однажды такой же архаикой, как гигантские финансовые империи XIX века, выстроенные на торговле атрибутами гужевого транспорта.

Со своей стороны, Франсуа Перру разработал теорию "полюсов развития". Эта теория предполагает, что экономические усилия бросаются на приоритетное развитие точечных центров в хозяйственной системе, а остальные географические и экономические сегменты подтягиваются позже. Эта модель была с успехом применена на практике в Юго–Восточной Азии и дала колоссальный эффект.

Эти теории вполне годятся на то, чтобы быть положенными в основу евразийского экономического мышления. Ещё раз повторю: мало интегрировать существующие в наших странах хозяйственные структуры, необходимо качественно модернизировать экономику наших стран, опираясь на новаторские и эффективные евразийские подходы. А это требует

напряжённой и творческой работы учёных. К чему, собственно, и я призываю деятелей научного сообщества стран ЕврАзЭС, собравшихся в этом зале.

В заключении хочу сказать следующее: в евразийстве как и в любой теории есть рациональный и духовный аспекты. Евразийство необходимо нам даже чисто прагматически, если мы хотим сохранить свою независимость, добиться процветания наших народов, граждан наших стран. Евразийство – это логическое заключение из объективно осмысленных интересов. Евразийство выгодно и полезно. К этому приводят нас холодные и взвешенные умозаключения. Но вместе с тем, в евразийство надо ещё и верить. Это духовный аспект. В этой вере состоит дань нашей истории, нашей культуре, нашему духу. Только из веры рождается настоящая воля. Я верю в Евразию и приглашаю вас разделить эту веру. В Евразию надо верить.

ЕВРОАЗИАТСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СТРАН ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Сегодня уже со всей очевидностью ясно, что постсоветское пространство подлежит экономической, стратегической, культурной и политической реинтеграции. Это не только создаёт оптимальный формат взаимодействия между собой стран, принадлежащих к одному цивилизационному, геополитическому, географическому и культурному ареалу, с объединёнными историями, общепсихологическим и интеллектуальным строем, но это ещё и экономический императив. Вся совокупность факторов придаёт процессу некоторую неотвратимость – в этом черты евразийства.

В процессе реинтеграции можно ориентироваться на Европейскую конфедерацию, на Европейский Союз: ведь именно в Евросоюзе хорошо сочетаются суверенность и автономность отдельных его членов с полной экономической интеграцией, со сломом всех экономических барьеров внутри единого пространства. Объединённые в Евросоюз страны гарантируют полную свободу перемещения своих граждан между государствами, обеспечивают единую систему коллективной безопасности стран–участниц, создают единую систему экономического законодательства, что, в значительной степени, обеспечивает систему единого экономического пространства. Таким образом, первый этап евразийской интеграции – экономический. Он, можно констатировать, идёт вовсю, хотя и с переменным успехом.

Второй этап – стратегическая интеграция – влечёт за собой интеллектуально–культурную, цивилизационную, социальную, и в перспективе, политическую интеграцию.

Принятие решений на государственном уровне должно накладываться на определённый общественный настрой, на инициативы различных фондов, движений, отдельных гражданских организаций, которые бы последовательно продумывали, выдвигали, защищали, отстаивали, обосновывали,

пропагандировали важность, ценности и неизбежности интеграции. Для того, чтобы коллективно выработать некий общий социальный вектор в этом вопросе, необходимо взаимодействовать с самыми разнообразными структурами гражданского общества на постсоветском пространстве: ведь объединение евразийского пространства, это не только объединение государств, экономик и военных штабов, но это ещё и объединение граждан, объединение людей. Это есть третий этап интеграционного процесса, поэтому созданное нами Международное "Евразийское движение" поддерживает и российская власть и власть большинства стран и государств СНГ, т.к. роль общественных инициатив – а наше движение по сути своей общественное – в интеграционном процессе может быть ключевой.

Тема объединения общественных, социальных и гражданских инициатив на евразийском пространстве представляется сейчас очень актуальной. Речь при этом должна идти не о гуманитаризации евразийских обществ, а о такой форме объединения, которая бы сохраняла неприкосновенность и уникальность отдельных народов и культур, подлежащих интеграции. Этот баланс крайне тонок, сложен и деликатен, но если мы не выработаем эту модель, мы получим результат, противоположный ожидаемому: сопротивление, кризисы и конфликты, которые вполне способны сорвать интеграционный процесс.

На евразийском пространстве фактор политических элит, и особенно первых лиц, очень важен, и от взаимодействия высшей власти – Президентов стран СНГ – очень много зависит. Не менее важен и диалог обществ как таковых, создание в наших обществах некоего социального тренда к диалогу, тренда к восстановлению цивилизационного единства.

Нужно отчётливо понимать, что даже очень правильное, исторически обоснованное, эпохальное решение властей и президентов стран СНГ способствовать интеграции – условие чрезвычайно важное, но, отнюдь, не достаточное. Любая интеграционная инициатива власти политической элиты должна опираться на стремление к диалогу самого общества. В этом смысле, Международное "Евра–

зийское движение" как раз и создано для того, чтобы создать социальный, общественный, гражданский контекст интеграции. Это сегодня очень важно.

Следует разделять процессы интеграции, идущие на разных уровнях. На уровне Президентов, то есть на уровне верхушки политической элиты, мы, в той или иной степени, видим эту волю к интеграции. И в то же время, как правило, политические элиты следующего уровня, то есть ближайшее окружение Президентов, политические силы и партии занимают подчас в отношении интеграции активно отрицательную позицию. Вполне естественно, что Президенты, сторонники интеграции, должны искать поддержку своей позиции в гражданском обществе, которое благоволит и тяготеет к этой интеграции. Президент просто вынужден искать опору для проведения своей политической идеи и противодействия противникам интеграции.

Решение об интеграции постсоветского пространства, то есть евразийской интеграции, должно приниматься Президентами, с опорой на общество. Иногда это происходит при поддержке элит, иногда даже вопреки позициям элит. *Этот народный, социальный, гражданский, гуманитарный и общественный характер евразийской интеграции может быть решающим в нынешней ситуации.* Часть политических элит наживаются на дезинтеграции, они снимают дезинтеграционную ренту на постсоветском пространстве, поэтому всячески противятся процессу объединения. Много таких сил на Украине, но и не только. В других странах СНГ также существуют довольно мощные политические кланы, элитные кланы, которые живут за счёт дезинтеграционной ренты, то есть за счёт разъединения и противопоставления одного независимого государства (чаще всего это бывает Россия) другому. Идёт интенсивный процесс оплёвывания нашего общего исторического прошлого. Такие политики занимаются историческим иллюзионизмом в отношении советского периода, они обречены временем, но это противостояние тенденциям интеграционного процесса заметно замедляет процесс. Президенты же, и тем более народы, крайне заинтересованы в обратном. *Получение ренты с интеграции и реинтеграции имеет вполне конкретный смысл.*

Процесс евразийской интеграции должен быть в первую очередь процессом интеграции гражданских обществ, с опорой на весь широкий спектр независимых социальных, культурных и общественных инициатив. До последнего момента на это не обращали внимания. Говорили об экономике, о саммитах в рамках СНГ и о стратегической интеграции. Теперь пришло время гражданских инициатив. Большинство институтов гражданского общества, существующих в России и странах СНГ, активнейшим образом участвуют в движении, направленном на скорейшую, гармоничную и сбалансированную интеграцию всех евразийских обществ в некое единое пространство – культурное и социальное.

Высокий же уровень развития стран – участниц процесса – является условием необходимым, но не достаточным. Достаточным оно станет тогда, когда лидеры будут опираться на социальную поддержку интеграции. Вот создание такого социального дополнения и ставит перед собой Международное "Евразийское Движение".

Если говорить о способности выработки общих подходов к интеграции гражданских обществ России, Украины и Казахстана, то, на мой взгляд, пока говорить об этом рано. На данный момент такой подход невозможен, потому что гражданские общества этих стран находятся в стадии становления. И до какого–то момента становление этих гражданских обществ проходило с уклоном в либерально–атлантическую модель. То есть, гражданское общество брало за основу западные общественные модели, с заложенной в них парадигмой и ценностной системой. В гражданском обществе было довольно мало евразийских моментов, это и привело к довольно ущербному развитию этого гражданского общества на постсоветском пространстве, как в России, так и на Украине, и в Казахстане.

Это необходимо изменить, и, на мой взгляд, привнесение евразийского вектора в само становление гражданских обществ на постсоветском пространстве призвано придать емкий, органичный интегрирующий вектор. Иными словами, евразийство всегда рассматривалось как периферия становления граж–

данских обществ, а иногда даже как некая альтернатива, поскольку за идеал, за парадигму бралась западная модель, без учёта евразийской специфики. Сегодня сама жизнь нас заставляет учитывать всё, а это значит, что скорость и ритмика становления гражданских обществ на Украине, в России и Казахстане пойдёт другими темпами, и очень возможно даже по другому маршруту.

Иными словами, сегодня ситуация в гражданском обществе не готова ещё потому, что этой темой пока никто серьёзно не занимался. Скорее, её продвигали в прямо противоположном направлении, поскольку такое лобовое копирование западных социальных моделей гражданского общества, без учёта евразийской специфики нашей культуры, нашей истории, давало как раз результаты обратные. Все хотели подражать Западу, интегрироваться быстрее в Европу и скорее уйти от наших евразийских общих ценностей.

Процесс шёл именно со знаком "минус", как некое препятствие, и эту позицию подчас продолжает отстаивать наша западническая, либерально-атлантическая элита, включая отдельные экспертные сообщества.

Сегодня произошли знаковые изменения в расстановке сил – как в бизнес-элите, так и в администрации Президента РФ. Появилась реальная надежда, что существовавший в последние годы перекос в западничество будет завершён, что пришло, наконец, время заняться изменением общего тренда в развитии гражданских обществ постсоветских стран. Появилась надежда, что евразийство будет преобладать. Институты гражданского общества также должны развиваться по иной траектории, в иной операционной системе – евразийской, а не атлантической.

Международное "Евразийское Движение", которое мы создали – это и есть ответ, есть наша первоочередная задача. Необходимо консолидировать в некую организацию социальные общественные структуры, которые уже доросли до осознания неизбежности евразийства. Мы пытались работать на уровне политическом, на уровне партий, и пришли к выводу, что это сильно ограничивает потенциал. Переходя сразу к политике, да ещё к партийной политике, мы резко су-

жаем зону нашего влияния и догматизируем многие вещи, которые в общественном, гражданском смысле ещё далеко не так очевидны. Понимая это, мы перешли от партии к международному, межгосударственному движению. А тот факт, что наше движение должно само состоять из других движений, из институтов гражданского общества, из социальных, общественных, научных, гуманитарных и других организаций, это и делает его *интегрирующим модулем*.

В рамках движения, параллельно ему, рядом с ним, вокруг него, при его инициативной роли, необходимо практиковать различные формы социального сближения. Это и совместные научные мероприятия, и культурные, и общественные. Нужно проводить совместные фестивали, симпозиумы, форумы, евразийские марши мира. Нужно воплощать в жизнь культурные проекты, создавать общие информационные сети, расширять теле– и радиовещание на разных языках. Нужно, чтобы сама Россия не только принимала казахские или украинские программы, но и вещала на казахском, украинском, грузинском, на всех других языках стран СНГ. Вот это и будет истинное сближение информационного, социального, культурного пространства, истинное сближение психологии на всех уровнях.

Через множество таких инициатив мы можем добиться поставленной цели – *напомнить о сущностном единстве евразийских обществ, перевести вопрос из разряда теоретических в разряд реализуемых практически.* Каждая из стран постсоветского пространства достаточно уже познакомилась и с глобалистскими, и с либерально–демократическими моделями гражданственности. Всем уже понятно, к чему это ведёт, и что это собой представляет. Наше бегство от собственной идентичности в некое глобальное, западнически ориентированное демократическое пространство закончилось, наступает эпоха нового поворота, в том числе в информационной, культурной, социальной, научной политике.

МЫ ВСЕ ОБРЕЧЕНЫ НА ЕВРАЗИЙСТВО

(интервью журналу "Евразия сегодня", ноябрь 2003 г.)

Корр.: *Чем концепция созданного Вами международного "Евразийского движения" отличается от концепций других евразийских организаций?*

– Наше движение основано на евразийской идеологии от Савицкого до Гумилева и на её развитии моей школой, которая у исследователей получила название "неоевразийство". Я и мои последователи развили интуиции первых евразийцев до законченной идеологической и политической доктрины, привязанной к актуальности, особенно тщательно разработав геополитическую, религиоведческую, этнологическую и экономическую составляющие. Первые евразийцы, отцы–основатели, лишь набросали интуитивный очерк грядущего мировоззрения; мы, начиная с середины 80–х, довели этот набросок *до полноценного учения*. В издательстве "Аграф" под моей редакцией выпущены все основные произведения евразийцев: многие тома Савицкого, Трубецкого, Вернадского, Алексеева, Бромберга, Хара–Давана и т.д. К ним примыкают мои собственные книги, написанные на тему евразийства: "Мистерии Евразии", "Абсолютная Родина", в значительной своей части "Основы Геополитики". Выпущена почти хрестоматия – "Основы евразийства". Проведены сотни конференций, семинаров, симпозиумов на тему евразийства. Переводы моих евразийских книг изданы на десятках иностранных языков. В последний год вышли переводы моей книги "Основы геополитики" на турецкий и на арабский языки. Евразийское движение я фактически возглавляю более 10 лет, в политическую структуру мы оформились позже – вначале это было лишь идейное течение, потом партия, а вот теперь мы его юридически оформили в Международное "Евразийское Движение", поднявшись на следующую ступень.

Корр.: *В современной публицистике само слово "Евразия" имеет разные значения. Кто–то расценивает её как континент или материк, кто–то счита–*

ет, что это – территория от Лондона до Сеула, кто–то ограничивается пост–советским пространством… Кто–то, как наше издание, считает Евразию точкой пересечения геополитических интересов. Каков ваш взгляд на гео–политику Евразии?

– Сегодня под концепцией "Евразии", "евразийства" могут пониматься много довольно различных вещей. Существует несколько уровней опреде–ления евразийства. *Первый уровень – это Евразийство как планетарный тренд, альтернативный атлантизму и глобализму*. Парадигма глобализации – парадигма атлантизма. Эта глобализация исключительно одной модели. Геополитически эта модель – атлантизм. Следовательно: глобализация – это глобализация атлантизма. В самом широком смысле: *Евразия – это всё, что не является атлантизмом,* следовательно, всё, что не является глобализмом (раз атлантизм тождественен глобализму)."Евразия" есть глобальный рево–люционный концепт.

Второй уровень – это Евразийство как синоним Старого Света. Это идея Великой Европы (от Дублина до Владивостока), призыв к интеграции конти–нента от Атлантики до Тихого океана. Старый Свет, в определенном смысле, есть антитеза Новому. Старый Свет принадлежит истории. Новый Свет (Америка и особенно Северная) был заведомо постисторичен, он возник как продукт лабораторного опыта по построению цивилизации, отправляясь от чертежа, а не от корней. Новый Свет и его цивилизация замысливались из–начально как нечто *механическое и искусственное*. Старый Свет был и оста–ется чем–то *органическим и естественным*. Старый Свет многообразен. Но–вый унифицирован. И Европа, и Азия, и Россия – органические элементы Старого Света.

Третий уровень – это Евразийство как три "больших пространства", инте–грированных по меридиану. Первое пространство: Евроафрика, включая арабский мир, "Средиземное море" как "внутренне озеро" континента. Вто–рое пространство: стратегический альянс России и центральной Азии,

вплоть до Леванта с одной стороны и Индостана – с другой. Третье пространство: тихоокеанский (японо-китайский) кондоминиум.

Четвёртый уровень – Евразийство как российско-азиатский интеграционный процесс. Здесь речь идёт о реализации ряда стратегических интеграционных осей. Это пространство интегрируется по осям Москва–Тегеран, Москва – Дели, Москва–Анкара. Параллельно идёт реструктурализация всей Центральной Азии – как постсоветского пространства, так и Афганистана и Пакистана в обоюдных интересах России и Ирана. Важную стратегическую функцию играет здесь пространство Кавказа.

Пятый уровень – Евразийство как интеграция постсоветского пространства. Это ещё более узкий аспект. Превращение СНГ в Евразийский Союз, что ярко выражено и концептуально оформлено в инициативе Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева, – это тоже евразийство. К этому готовы Казахстан, Беларусь, Киргизия, Таджикистан и Армения, постепенно подтягиваются Украина, Молдова и другие страны.

Шестой уровень – Евразийство внутри России как политическое мировоззрение. Это включает в себя:

– геополитическое пространственное мышление (формула "география как судьба", оперирование с базовым дуальным геополитическим кодом "суша–море" и т.д.),

– традиционализм, альянс традиционных конфессий против безбожного утилитарно-материалистического "современного мира",

– стратегический централизм (федеральные округа), концепция "демократической империи",

– этно-федерализм, рассмотрение этноса как главного политического субъекта государства и как высшей ценности.

Сюда же следует добавить, что евразийство по-разному трактуется в различных регионах России. В центральных районах оно воспринимается как простой синоним "державности" и "патриотизма". На Урале, на Кавказе,

в национальных республиках Поволжья и Сибири в нем видят гармоничный вариант интернационального патриотизма (все народы России – за великое государство). На Кубани его трактуют как продолжение казацкой этики – общинное и имперское начала, слитые в одном понятии. На северо-западе евразийство расшифровывается как постепенная интеграция "азиатской России" в Европу, а на Дальнем Востоке – как идея укрепления связи единого пространства России от его дальних восточных рубежей до центра.

Как видите, различные толкования евразийства как удивительно многозначного термина не просто результат путаницы. Само это понятие является чрезвычайно ёмким. И все эти аспекты осмысляются нами, отстаиваются нами, реализуются постепенно в нашей идеологической и политической практике.

Корр.: *Как, по Вашему мнению, будут и должны были бы развиваться отношения России с Евросоюзом и НАТО?*

– Я полагаю, что эти отношения крайне запутаны и осложнены исторической инерцией. Блок НАТО был создан как блок против нас. Но сейчас мы не являемся формальными противниками Запада, и следовательно, блок НАТО утрачивает свой смысл. Если Россия вместе с другими странами СНГ консолидированно вступит в НАТО, это будет наилучший вариант: НАТО перестанет быть атлантическим сообществом и превратится в набросок новой системы коллективной безопасности на евроазиатском пространстве, тем более, что, скорее всего, США и Англия в ближайшем будущем покинут рамки НАТО, и мы видим, что они всё больше предпочитают действовать в англосаксонской коалиции, считая европейский довесок обузой. Тут Россия и Казахстан, шире, все страны СНГ, и должны предложить Европе, Евросоюзу стратегическое партнерство. Время НАТО прошло, и чем быстрее Россия и другие страны СНГ совместно туда вступят, тем быстрее НАТО исчезнет как исторический анахронизм, а на его месте возникнет нечто новое – "Евразийская Система Коллективной Безопасности", например.

Что касается Евросоюза, то здесь следует разделять две вещи. Континентальный остов Евросоюза (Франция и Германия) нуждаются в России и продвигают (как могут, т.е. осторожно и с оглядкой на США) сближение с Россией. Но страны "санитарного кордона" (Восточная Европа, страны Балтии) и некоторые другие слабосильные береговые государства под прямым контролем США препятствуют нашему сближению. Нам важно интегрироваться с континентальной франко–германской Европой и преодолеть противодействие раздраженных лимитрофов.

Корр.: *Каковы, на Ваш взгляд, перспективы интеграционных объединений в Евразии: СНГ, ГУУАМ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС, Союз России и Белоруссии, Черноморское экономическое сотрудничество?*

– Это всё совершено различные проекты. СНГ был инструментом "цивилизованного развода" бывших советских республик, инструментом дезинтеграции. Это его raison d'etre. И у СНГ нет иной перспективы, кроме как превратиться в нечто иное и исчезнуть. ЕвраАзЭС – это напротив, инструмент реинтеграции, собственно евразийство в действии. Перспективы у этого образования огромны, за ним будущее. Я чрезвычайно рад, наблюдая за прогрессом этого образования: это воплощение в жизнь нашей евразийской мечты. Замечательно, что Президент Назарбаев, автор этого начинания, Президент Путин и другие главы стран ЕврАзЭС двигаются в этом направлении.

ОДКБ дополняет евразийскую линию экономической интеграции военно–стратегическим и военно–политическим уровнями, но интеграционный смысл здесь точно такой же, и это позитивная и перспективная инициатива. Союз России и Беларуси – это часть общего интеграционного процесса, но, на мой взгляд, двустороннее сближение наших стран сейчас зашло в некоторый концептуальный тупик, и выйти из него можно, лишь расширив зону интеграции за счёт Казахстана, Украины и других стран СНГ. Важно дополнить российско–белорусские отношения обязательным включением азиатских стран СНГ.

ШОС – перспективная инициатива, но Китай в силу своей исторической и геополитической специфики никогда не сможет сблизиться с нами в той мере, в какой вполне могут страны СНГ и даже исламские страны Центральной Азии. Поэтому здесь речь идёт не об интеграционном процессе, но о систематизации регионального сотрудничества.

ГУУАМ задуман как модуль ускоренного развода стран СНГ, как конструкция распада. Это антиевразийская инициатива и направлена она не в сторону регионального сотрудничества, но в сторону умаления влияния России и исключения её из активной политики на постсоветском пространстве. Это сомнительное образование, которое ни к чему хорошему не приведёт. Надеюсь, никакого будущего у него не будет.

Такая же негативная функция замышлялась и в случае балто-черноморской зоны сотрудничества, но, к счастью, этот проект отброшен. Черноморское экономическое сотрудничество будет позитивным, если в нём будут приоритетно учтены интеграционные евразийские элементы. Замечательно сделать Чёрное Море русско-украино-турецким "внутренним озером" с общей меридиональной стратегией, направленной в сторону Юга. Но пока об этом речи не идёт.

Корр.: *Как Вы оцениваете политику российского руководства в отношении соотечественников в Прибалтике, странах Кавказа и Средней Азии? Как должна решаться проблема представителей нетитульных наций из бывшего СССР, живущих сейчас в России?*

– Позитивным решением проблемы соотечественников в странах СНГ и Балтии, на мой взгляд, может быть только и исключительно *интеграция постсоветского пространства* – экономическая, таможенная, военно-стратегическая, а потом и *политическая*. Защищая русских в странах СНГ в лоб, мы лишь отдаляем эти страны от перспективы грядущего объединения. Прямая поддержка этнически русского населения даже теоретически может закончиться лишь их трансфертом в Россию, добровольной или насильственной

депортацией. *Русские в странах СНГ – это важнейший элемент реинтеграционной политики*. Да, Москва должна поддерживать своих, но нельзя делать из этого политический PR. Самое действенное будет перейти от государств-наций к пространственным элементам единого Евразийского Союза – *миллионы наших людей мгновенно заново обретут утерянную Родину*.

Точно таким же инструментом реинтеграции должны стать для Москвы и граждане стран СНГ, оказавшиеся на территории России. Необходимо последовательно и планомерно осуществлять *индоктринацию в евразийском ключе миллионов представителей этнических диаспор*: азербайджанцев, армян, грузин, узбеков, казахов, украинцев, таджиков и всех остальных. Они должны ощущать себя не "недороссиянами", но "гордыми евразийцами", и нести импульс объединения в свои страны. Все эти темы позитивно решаются лишь в евразийском ключе.

Россия, СНГ, континент – *все обречены на евразийство*. Это единственно верное, сбалансированное, гармоничное и светлое учение, способное вывести народы и государства из исторического тупика, в котором все мы оказались. США, атлантисты провозгласили "конец истории". Если мы хотим, чтобы она продолжалась, нам надо выучить волшебное слово "Евразия".

ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРАЗИЙСТВА: ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

В нашей истории были разные периоды. Менялись идеология, модель государственного устройства, место, которое наш народ и наше государство занимали в контексте других народов и государств. Но всегда, от Киевской Руси до нынешней демократической России, пройдя через времена страшного упадка и невероятного взлета, – когда влияние нашего государства простиралось на половину мира, – Россия сохраняла нечто неизменное. То, без чего не было бы самого понятия "Российское государство", не было бы единства нашего культурного типа. Философия евразийства стремится охватить и обобщить именно этот вектор – неизменный, сохраняющий свою внутреннюю сущность и, вместе с тем, постоянно развивающийся.

Основным принципом евразийской философии является "цветущая сложность". Никогда в истории нашей страны мы не имели моноэтнического государства. Уже на самом раннем этапе русский народ формировался через сочетание славянских, тюркских и финно-угорских племён. Затем в сложный этнокультурный ансамбль Руси влился мощнейший чингисхановский, монголо-татарский импульс. Русские не являются этнической и расовой общностью, имеющей монополию на государственность. Мы существуем как целое благодаря участию в нашем государственном строительстве многих народов, в том числе – мощного тюркского фактора. Именно такой подход лежит в основании философии евразийства.

Евразийство сегодня существует в крайне сложной международной ситуации. *Сегодня евразийский принцип "цветущей сложности" является точным аналогом геополитической многополярности*, о которой говорится в доктрине национальной безопасности Российской Федерации. Как прежде Российское государство строилось на евразийском сочетании различных самобытных элементов, так и теперь – уже на международной арене – Рос-

сия выступает как *поборник сложного многополюсного мира*. Можно сказать, что сама концепция нашей национальной безопасности уже заключает в себе фундаментальный принцип евразийства.

История возникновения евразийской идеологии сложна и драматична. Её выстрадали лучшие русские умы в наиболее драматический период российской истории. Впервые его основы сформулировали великие русские мыслители: князь Николай Трубецкой, Петр Савицкий, Николай Алексеев, Георгий Вернадский – сын величайшего русского ученого, Владимир Ильин, Яков Бромберг, Лев Карсавин, Пётр Сувчинский, Сергей Эфрон и другие лучшие люди России. К сожалению, в то время идеология евразийства в полной мере не была востребована. Тогда в России победил марксизм.

Однако евразийцы не считали большевиков абсолютным злом, как это делали многие в эмигрантской среде. Оценивая советский период российской истории, они пришли к парадоксальному выводу: в Советском Союзе реализовалась специфическая, экстремальная, если угодно, еретическая разновидность евразийства. Если рассматривать евразийство как язык, то *евразийцы считали советский период диалектом этого языка*, крайне противоречивой его разновидностью, обречённой на крах. Евразийцы лишь немного ошиблись в расчётах, так как неожиданная мобилизация патриотического, национального инстинкта во время Второй мировой войны несколько оттянула неизбежный конец.

При этом евразийцы видели в советском государстве положительные, созидательные аспекты: последовательное отстаивание национальных интересов и подлинно идеократический строй, хотя и базирующийся на губительной для России идеологии.

Евразийцы утверждали, что у России есть свой собственный путь. И этот путь не совпадает с основным путём западной цивилизации. Россия и Запад – разные цивилизации, они реализуют разные цивилизационные модели, у них разные системы ценностей. Это не пропагандистское клише времён хо-

лодной войны. Вся мировая история последнего тысячелетия показывает противоположность "пёстрого" евразийского мира и западной цивилизации. Евразийцы считали, что это противостояние никуда не исчезло и никуда исчезнуть не может. Здесь евразийцы вплотную подошли к основному закону геополитики, утверждающему, что *между евразийской метацивилизацией, ядром которой является Россия, и западным атлантическим сообществом изначально существует неснимаемое противоречие*.

Это особенно очевидно сегодня, когда Запад из благодушного поставщика просроченных консервов словно по волшебству превратился в жёсткого и прагматичного претендента на мировое господство. Запад игнорирует наши приоритеты в Восточной Европе, расширяет свои военные блоки, проводит собственную, не учитывающую наши интересы политику на Кавказе, осуществляет масштабные PR–кампании по дискредитации нашей страны. Всё это иначе как "холодной агрессией" против современной, демократической России, не назовёшь.

Евразийцы были абсолютно правы, когда утверждали, что никакое изменение нашего политического строя, никакое приспособление нашей идеологии к "общечеловеческой", а на самом деле западной, точнее, американской, не избавят Российское государство от жёсткой оппозиции со стороны Запада. Любопытно, что этот тезис евразийцев полностью подтверждает виднейший идеолог современного Запада Збигнев Бжезинский. В своей книге "Великая шахматная доска" он недвусмысленно заявляет, что для американца хорошая Россия – это несуществующая Россия, Россия расчленённая, Россия угнетённая, Россия, разбитая на несколько секторов и освоенная соседними государствами. Отпраздновав победу в холодной войне, Запад "взял" Россию как контрибуцию, и поступать он с ней намерен соответствующим образом.

Всё это не ново. За последние несколько столетий мы неоднократно убеждались, что за гуманистической, просветительской риторикой Запада

стоит неумолимость колонизатора, жёстко отстаивающего свои интересы, лишённого сантиментов по отношению к покорённым народам.

Всё вышеизложенное, а также насущная необходимость в национальной идее делают евразийство крайне важным стратегическим, философским и социально-политическим инструментом, необходимым элементом нашей внутренней и внешней политики.

Неоевразийство

Интерес к евразийству в 80-е годы XX века был тесно связан с ростом популярности трудов Льва Николаевича Гумилева – последнего евразийца старой плеяды. Однако параллельно с интересом к отцам-основателям евразийства в научной среде стала формироваться идеология неоевразийства, основанная на новом прочтении этой глубокой, исполненной творческой интуиции философии.

К началу 90-х годов сбылись предсказания лучших представителей старой школы евразийства. Советская идеология не справилась с вызовом времени. Марксизм, которому были принесены в жертву наши духовность и национальное самосознание, рухнул. Великое евразийское государство стало неудержимо распадаться. Обращение к евразийской идеологии в этот момент давало шанс избежать трагедии. Можно было не идти на поводу у Запада и, сохранив мощь советского государства, постепенно демонтировать архаичную идеологию, тормозящую наше развитие, мешающую нам занять подобающее место в стремительно меняющемся мире. *К величайшему сожалению, в тот момент евразийство оказалось невостребованным*. И тогда идейный вакуум временно заполнил губительный для России *атлантизм*.

Решающий вклад в создание неоевразийской идеологии внесла совпадающая с ней по своим основным ценностным ориентирам российская гео-

политическая школа, практически созданная (или воссозданная) мной и моими сподвижниками в конце 80–х – начале 90–х годов. *Современная геополитика дала неоевразийской философии научный арсенал, рациональную и действенную методологию, актуальность и применимость к реальной политике.* Отцы–основатели евразийства исходили из гениальных догадок и интуиций. Благодаря геополитике их наработки приобрели научный систематизированный характер. Научное изложение евразийской геополитики изменило статус евразийского мировоззрения. Теперь это не только философская идея, это ещё и инструмент стратегического планирования. Ведь практически все сферы нашей внутри– и внешнеполитической деятельности, любые масштабные проекты могут быть в той или иной степени проиндексированы по критерию: *"евразийство или атлантизм"*.

Кроме того, евразийство было обогащено традиционалистской философией и историей религии, так как этот аспект у отцов–основателей евразийства был развит достаточно фрагментарно. Сейчас неоевразийская философия представляет собой стройный историко–религиоведческий аппарат, позволяющий осмыслить и осознать тончайшие нюансы в религиозной жизни различных государств и народов.

В неоевразийстве были развиты и оригинальные экономические модели, представляющие "гетеродоксальную экономическую традицию", как бы третий путь между классическим либерализмом и марксизмом. Этот третий путь можно назвать неортодоксальным либерализмом или неортодоксальным социализмом – как кому нравится. Когда мы обращаемся к отцам–основателям этой гетеродоксальной экономической школы (Фридриху Листу, Сисмонди, Сильвио Гезеллю, Йозефу Шумпетеру, Густаву Шмоллеру, Франсуа Перру, и даже Кейнсу) и применяем их подходы к современной российской (шире, постсоветской) ситуации, мы получаем идеальные модели для решения всех задач, стоящих перед российской экономикой. Трагическим недоразумением следует признать то, что "третий путь" в экономике

не сменил марксизм в России в начале 90–х. Вместо этого мы из одной губительной для России догматической ортодоксии (марксистской) перешли к другой, не менее губительной (гиперлиберальной).

Политическая эволюция

В конце 80–х годов при крахе советской системы в российском обществе возобладали атлантистские, проамериканские ценности, модели, тенденции, ориентации. Если марксизм был "диалектом" евразийства, "евразийской ересью", то *атлантизм является не "ересью", а полной антитезой евразийства, его абсолютной противоположностью*. А поскольку наше государство изначально основано на евразийских ценностях, то ни к чему хорошему либерально–демократические "реформы" (одностороннее экстремистское западничество) привести не могли.

Следуя за нашей философией, за нашей системой взглядов и ценностей, мы были вынуждены оказаться в политической оппозиции проатлантистскому режиму. Эта оппозиция не была оппозицией государству, власти. Евразийцы всегда поддерживали государственный принцип, стремились к усилению национальной безопасности, стратегического могущества государства, были апологетами и поборниками социальной, национальной и религиозной гармонии. Но модель "переходного периода", которая сложилась в последнее десятилетие и во внешней, и во внутренней политике, была выстроена не таким образом, чтобы утвердить государственные институты, сделать наше государство, наш народ более сильным, более процветающим, более свободным. Это был самоубийственный курс. Всё, что делалось в атлантистском ключе, творилось сознательно (возможно, кем–то бессознательно) против России, против всех народов, населяющих Российскую Федерацию. Было ослаблено, почти разрушено государство, была проведена незаконченная и непоследовательная, неумная, фрагментарная экономиче-

ская "реформа", в результате которой мы очутились на краю пропасти.

В этот период носители евразийских идей, представители евразийского мировоззрения солидаризовались с тем патриотическим флангом в нашем обществе, который громогласно предупреждал о гибельности данного курса. Причём само по себе евразийство не являлось и не является ни правым ни левым, ни либеральным ни социалистическим. Евразийцы готовы поддержать представителей любого идеологического лагеря, защищающих элементы государственности, другие евразийские ценности. Неудивительно, что доминация атлантизма в первой половине 90–х годов сопровождалась искусственной маргинализацией евразийских идей.

Большинство евразийских научных центров, изданий, евразийский анализ текущих политических и экономических событий не могли в этот период пробить себе дорогу на авансцену политической и культурной жизни. Евразийство в период доминации атлантистских ценностей, в период "идеологической оккупации" России было признано "неполиткорректным".

После публикации "Великой войны континентов" в 1991 году, где я впервые предложил ввести индекс деления на евразийцев и атлантистов в качестве методологической модели в политике, экономике, культуре и т.д., тогдашний министр иностранных дел Андрей Козырев заявил: "По такой классификации я – атлантист. Ну и что? Я этим горжусь". Симметричное заявление, например в США, просто немыслимо. Если бы какой–либо высокопоставленный американский чиновник или политический деятель заявил, что он – евразиец, такой человек был бы просто интернирован, поскольку подобное высказывание – нарушение всех принятых там неписаных правил, дерзкий вызов нормативам американской атлантистской политкорректности. Америка выстраивает свою стратегическую модель планетарной политики как противостояние евразийскому цивилизационному и стратегическому пространству. Эта константа атлантистской геополитики, начиная с эпохи мирового владычества Англии описана во всех учебниках геополитики.

В России же происходила невероятная вещь: министр иностранных дел заявлял о своем атлантизме. А ведь это означает, что интересы американского государства и западного атлантического блока НАТО для него, российского государственного деятеля, важнее интересов собственного народа. Это, конечно, был триумф атлантизма.

Большинство отечественных СМИ также, прямо или косвенно, исходило из атлантистских антигосударственных и антинациональных представлений. Такие их представители, как Гусинский и Киселев, считали тогда, что на свете есть только американские, западные интересы, тождественные абсолютному благу для России и всего остального мира, есть только одна модель идеального социально–политического устройства – это модель Соединенных Штатов Америки и её аналоги, есть только одни "правильные" стратегические проекты – это проекты западного мира и НАТО. Те, кто противостоит США и их глобальным интересам, – нецивилизованные "варвары", "дикари", "реваншисты" и т.д. В такой ситуации, при катастрофическом атлантистском перекосе, евразийская идея, конечно же, не могла пробиться на экраны телевидения, получить широкое освещение в прессе. Как могли проходить в данной ситуации парламентские слушания по евразийству? Как могло быть положено начало адекватному евразийскому обучению и воспитанию, преподаванию геополитики в школах и вузах? Понятно, что тогда это было нереально.

Эти десять лет мы боролись с таким положением дел. Боролись радикально, любыми способами. Мы боролись за наше государство, за возрождение России, за мир между народами, за глубокий, активный, содержательный (а не поверхностный) межконфессиональный диалог.

Евразийство особое внимание уделяет истории религии, межконфессиональным отношениям. Среди евразийцев (и особенно неоевразийцев) наличествуют очень серьёзные и глубокие знатоки основных классических традиционных религий, православия, в первую очередь, а также ислама, иуда–

изма, буддизма. С нашей точки зрения, тонкие материи религии, духа, метафизики, которыми часто пренебрегают при решении экономических и социально–политических задач, играют огромную, подчас решающую роль. Религиозный фактор не предрассудок, чудом сохранившийся с древнейших времен. Это активная, глубокая жизненная позиция, формирующая основы человеческой культуры, психологии, социальные и даже хозяйственные рефлексы.

Несмотря на формы прямого уничтожения, прямой агрессии против веры и религии, которая практиковалась в течение долгих десятилетий, никто не смог выжечь веру из сердец представителей евразийских народов: православных, мусульман, иудеев, буддистов. Евразийское благочестие, общеобязательная нравственность – одни из важнейших императивов евразийства. И в этом отношении между различными конфессиями и религиями нет принципиальной разницы в поддержке курса государства на утверждение базовых нравственных критериев. Однако в тот период мы были вынуждены оппонировать атлантистским элементам в руководстве страны, атлантистскому уклону российской власти. Конструктивное сотрудничество было невозможным.

Но ситуация стала меняться уже с середины 90–х годов. Российское руководство после беспрецедентного крена в атлантизм постепенно начало понимать, что это убийственное для страны направление. Несмотря на наши шаги навстречу Западу, НАТО не прекращает расширяться на Восток, западные "партнеры" жестоко убивают наших братьев–сербов. Стало совершенно очевидным, что Запад воспринял наше доброжелательное к нему отношение как признак слабости, ещё раз доказав, что гуманитарная риторика – не более чем "дымовая завеса". Единственный понятный Западу язык это язык силы. С сильным они считаются, слабого презирают, унижают, третируют. И вот после того, как российское общество столкнулось с этим напрямую, увидело несостоятельность атлантистских реформ, всю гибельность и само–

убийственность этого курса, отношения к евразийской тематике начало меняться. Вначале были отстранены от власти откровенные атлантисты, в частности, тот самый господин Козырев. Очевидно, таким образом ему "аукнулось" легкомысленное заявление про атлантизм. Одновременно начался медленный, мучительный процесс выхода российской власти, российского общества, российского бизнеса, российских средств массовой информации и российского научного сообщества из атлантистского тупика.

В последние годы правления Ельцина мы уже видели судорожные, крайне неуклюжие попытки нащупать иной курс, затормозить падение в бездну, предложить нечто более соответствующее интересам нашего государства. Но, видимо, идеологические и личностные аспекты стали преградой для того, чтобы окончательный поворот состоялся при прежнем президенте.

Даже в моей личной судьбе в эти годы, с 1997 по 1998 год, происходят достаточно показательные перемены. В 1998 году я стал советником председателя Государственной Думы, позитивно рассматривая постепенную эволюцию российского руководства в евразийском направлении. В тот период я окончательно убедился в неспособности так называемой патриотической оппозиции (несмотря на колоссальную поддержку большинством населения) воплотить в жизнь её правильные лозунги. Постепенно эта оппозиция выродилась в популистское оппонирование правительству и президенту, в тупиковую и безответственную эксплуатацию ностальгических эмоций населения.

Важнейшей вехой в истории неоевразийского мировоззрения в России стал приход к власти Владимира Владимировича Путина. Здесь те евразийские тенденции, которые давно отчаянно стучались в дверь российской власти, как по мановению волшебной палочки, получили санкцию со стороны власти. За время нахождения у власти Путина зелёный свет уже получили практически все евразийские инициативы, накопившиеся за эти годы, начиная с Евразийского Союза и Евразийского экономического сообщества, про–

виденциально предложенных Нурсултаном Назарбаевым ещё в 1994 году. ЕврАзЭС было создано, решение о его создании подписали главы пяти стран "таможенного союза", первичной интеграционной евразийской конструкции, инициатором которой также был Президент Казахстана – первый из всех лидеров СНГ, осознавший неизбежность евразийства и фактически возглавивший этот процесс. В лице Нурсултана Назарбаева современное евразийство приобрело главную опору, *ту точку, с помощью которой можно было теперь перевернуть мир*.

Постепенно стало очевидным, что нынешнее российское руководство однозначно, хотя и не резко, без рывков (как положено осмотрительным и ответственным политикам) переходит на евразийские позиции.

Подтверждением адекватности нашей оценки эволюции российской власти в евразийском направлении было программное заявление Путина в Брунее на съезде глав стран Тихоокеанского региона. В своем эксклюзивном интервью для интернетовского сайта "Страна.Ru" Владимир Владимирович сделал чёткое, однозначное заявление: "Россия является евроазиатской страной". Для тех людей, которые понимают смысл сказанного, это не просто географическая констатация или ничего не значащее проходное утверждение Президента. В этой фразе содержится целая программа. И мы, знатоки евразийства, разработчики неоевразийского проекта, прекрасно понимаем, что из этого следует.

Постепенно, шаг за шагом, пусть медленнее, чем нам хотелось бы, но евразийские шаги новым российским руководством делаются. Мы видим, что сегодня взят курс на укрепление государственности, на усиление вертикали власти, на гармоничное решение межконфессиональных и межэтнических проблем, на оздоровление российской экономики, на переход в режим автономной экономической политики, когда мы отказываемся от кредитов Международного валютного фонда. В такой ситуации мы, неоевразийцы, осознаём необходимость окончательного и полного перехода на позиции

политического центризма, потому что курс нынешней власти, Центра в основных своих параметрах соответствует выстраданной и выношенной нами системе взглядов. Принципиальные установки эволюции российской власти совпали с установками неоевразийства по основным параметрам.

Задачи евразийства

Есть несколько направлений, которые способна освоить исключительно евразийская философия. В первую очередь, это межнациональные, межконфессиональные конфликты. Их разрешение обычно видят в тихом и мирном сосуществовании людей, прохладных к собственной вере и поэтому безразлично относящихся к вероисповеданию других. Это конъюнктурные пацифисты межконфессионального толка. Они присутствуют на различных круглых столах по утихомириванию межрелигиозных конфликтов. Само по себе это, может быть, и неплохо, но, увы, большого толку от этого, как правило, не бывает. Другая крайность – так называемые фанатики или радикалы, призывающие к жестокому межконфессиональному или межэтническому противостоянию. Это, безусловно, ещё хуже, поскольку наносит сокрушительный удар нашему народу, стравливает между собой силы, которые должны были бы вместе во имя благочестия и веры (у каждого своей) ополчиться на современные, безнравственные, псевдоэтические культурные клише, диктуемые глобализацией.

Евразийство для решения межконфессиональных проблем предлагает третий путь – диалог активных, глубоко и фундаментально верующих людей, стратегический союз созидательных фундаменталистов, как в России, так и шире – в странах СНГ и в мире. Такой подход должен стать *новой моделью межконфессионального диалога*, основанного на понимании глубин своей собственной традиции и понимании глубин (но и отличий) традиций другого народа. Мы объединяем полюса, призываем людей, глубоко и жи-

во переживающих уникальность своей веры, не к слиянию, но к глубинному взаимопониманию *и стратегическому альянсу традиций*. С нашей точки зрения, для органичного сосуществования (как это было веками) мусульман и православных как полноправных граждан нашей общей державы евразийский проект предлагает идеальную модель.

Точно так же на евразийской платформе решаются межэтнические конфликты. Уникальность евразийского подхода заключается в том, что в нём не противопоставляются национализм и интернационализм. Ещё отец–основатель классического евразийства князь Трубецкой говорил об "общеевразийском национализме", когда самоутверждение каждого народа и каждой нации в составе России (или СНГ) поддерживается Центром. Только такой позитивный, созидательный, гармоничный, симфонический (если использовать церковную терминологию) евразийский принцип позволяет решить все возникающие в России и странах СНГ межнациональные конфликты.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИДЕЯ В КАЧЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ

"Что такое евразийство сегодня? Что такое "Евразия" как концепт? Семь смыслов евразийства."

(выступление на "Евразийском форуме", Москва, 26 июля 2003 г.)

Эволюция понятия

Термин "евразийство" меняет смысл

Определённые термины от слишком частого употребления теряют своё первоначальное значение, утрачивают исторический смысл. Значения таких понятий как "социализм", "капитализм", "демократия", "фашизм" подверглись фундаментальной содержательной эрозии. Размывание смысла в данном случае происходит от слишком частого их употребления. Банализация понятий обессмысливает их.

В понятиях "евразийство", "Евразия" также содержится некая неопределенность. Но по совершенно иной причине. Эти термины не столько затерты, сколько слишком новы. Они принадлежат к политическому языку, который только устаивается, внедряется. Они принадлежат к новому интеллектуальному контексту, который пребывает в стадии становления. Термин "евразийство" живой, он отражает активный динамичный процесс, а не какую-то строго фиксированную реальность. Он только получает свое строгое значение в ходе исторической и интеллектуальной практики, а следовательно, это значение остается открытым, нуждается в постоянном уточнении, развитии, углублении.

Евразийство как философское усилие

Евразийство представляет собой результат фундаментального переосмысления политической, идеологической, мировоззренческой, этнической и конфессиональной истории человечества, выдвигает новаторскую творческую систему классификаций и категорий, преодолевающую привычные клише и общепринятые штампы. Евразийство само стремится определить, исходя из своих творческих интуиций, другие мировоззрения, а следовательно, избегает жестких характеристик извне.

В современном евразийстве можно выделить два периода: эпоху становления классического евразийства в начале XX века в среде русской эмиграции (Трубецкой, Савицкий. Алексеев, Сувчинский, Ильин, Бромберг, Хара-Даван и т.д.) и после почти полувековой паузы, заполнявшейся лишь историческими трудами Л.Гумилева, время появления неоевразийства (вторая половина 80–х годов и по настоящее время).

От классического евразийства к неоевразийству

Классическое евразийство, безусловно, принадлежит к прошлому и поддаётся строгой классификации и корректному описанию в рамках музея идеологий XX века. Это явление так и осталось бы фрагментом идеологической археологии, если бы не неоевразийство, которое придало интуициям классиков новую актуальность, новый смысл, новый масштаб и новое значение. Классическое евразийство возродилось в неоевразийстве и тем самым покинуло узкие рамки "прошлого". Получив новую жизнь, оно перестало быть столь очевидным, как это казалось, обнаружило новый скрытый потенциал, новые стороны.

Таким образом, через неоевразийство вся евразийская идея в совокупности вышла в новое измерение.

Сегодня уже нельзя игнорировать колоссального пути, которое проделала неоевразийская мысль, а следовательно, необходимо попытаться осмыслить это явление целиком в современном контексте. Далее мы попытаемся описать различные аспекты этого понятия.

Евразийство как планетарный тренд (альтерглобализация)

Глобализация – главное содержание современности

В самом глобальном смысле евразийство и даже Евразия как концепт *не привязаны жестко к евразийскому материку как географическому объекту*. Евразийство представляет собой планетарную стратегию, которая признает объективность глобализации и, соответственно, конец эпохи "национальных государств" (Etats–Nations), но вместе с тем предлагает качественно иной оригинальный сценарий глобализации. Не однополярный мир и не единое мировое государство с единым мировым правительством, а несколько глобальных зон – полюсов. Это вариант многополярной глобализации.

Глобализация есть главный и фундаментальный процесс нынешнего мира, она определяет основной вектор современной истории.

Парадигма глобализации – парадигма атлантизма

Национально–государственное устройство сегодня переходит в глобальное; мы стоим на пороге создания планетарного государства с единой унификационной административно–экономической системой.

Однако не стоит думать, что все народы, государства, социальные направления, классы и экономические модели, из которых состоит наш огромный мир, вдруг, словно по мановению волшебной палочки, начнут активно взаимодейство–

вать между собой на основе новой единой планетарной логики. Это заблуждение.

Глобализация, как она осмысляется и протекает сегодня, представляет собою одномерное, одноплановое, одновекторное явление, заключающееся в универсализации специфически западного (англо–саксонского, американского) цивилизационного подхода. Это (подчас насильственное, искусственное) приведение различных социально–политических, этнических, религиозных, конфессиональных, национально–государственных укладов, социально–экономических аспектов к единому шаблону. Навязывание единой модели, которая (произвольно) считается универсальной. Глобализация представляет собой западно–европейский исторический трэнд, достигший своего пика в американской системе. *Глобализация есть навязывание атлантической парадигмы*.

Глобализация, являясь абсолютизацией атлантизма, стремится избежать такого однозначного определения. По мнению теоретиков глобализации, когда атлантизм становится глобальным и не имеющим масштабной альтернативы он, в некотором смысле, перестает быть "атлантизмом". Американский политолог Ф.Фукуяма говорит в этом случае о "конце истории", что в частности, подразумевает и "конец геополитической истории", завершение дуэли между атлантизмом и евразийством (в его геополитическом понимании). Но в данном случае под этим подразумевается "победа атлантизма" и "новая архитектура мира" ("новый мировой порядок"), в котором не предполагается никаких оппозиций и поэтому атлантизм из одного полюса двухполярной системы мыслится отныне как единственный полюс, организующий вокруг себя все мировое пространство (а значит, его природа, действительно, несколько меняется). Архитектура глобализации от модели напряжения между двумя полюсами (два конца отрезка Восток–Запад или Север–Юг) переходит к модели центр–периферии (где центром выступает Запад, "богатый Север", "золотой миллиард", а периферией – все остальное). В такой архитектуре "нового мирового порядка" евразийство тотально отрицается.

Однополярный глобализм (как субъективный проект) может иметь альтернативу

Однако "новый мировой порядок" не более, чем проект, план, тренд. Он очень серьезен и грандиозен, но он далеко не фатален. Сторонники глобализации отрицают альтернативу, отрицают саму возможность наличия иного проекта будущего. Но в мире существует крепнущее и масштабное противное направление, антиглобализм. Евразийство в самом тотальном его определении и есть интегрирующий проект противников однополярного глобализма, выраженный в созидательной форме. Евразийство не просто отрицает однополярную глобализацию, оно выдвигает конкурентный и не менее обоснованный проект многополярной глобализации или альтерглобализации.

Евразийство как плюриверсум

Евразийство отрицает структуру мира, основанную на жесткой модели "центр–периферия", утверждая вместо этого планету, состоящую из созвездия полуавтономных и относительно открытых друг другу "больших пространств". Этими пространствами должны стать не отдельные государства-нации, но блоки таких государств, реорганизованные в континентальные федерации, своего рода "демократические империи" с большой степенью внутренней автономии. Каждая из таких континентальных федераций сама по себе мыслится многополярной, включающей в себя сложные системы этнических, культурных, конфессиональных и административных единиц.

В этом – наиболее глобальном – смысле, евразийство открыто для всех жителей земли, оно может стать идейной платформой для любого человека, независимо от места его рождения, проживания, национальности или гражданства. Евразийство в таком случае становится общечеловеческой

возможностью свободно выбрать будущее, по ту сторону искусственно навязываемых однополярных клише. Причём евразийство не просто стремится сохранить статус кво или прошлое, но смело смотрит в грядущее, признавая, что радикальные перемены миропорядка объективно назрели, что государства–нации и индустриальные общества модерна исчерпали свой исторический потенциал, но при этом создание единого "мирового государства" на основе либерально–демократической системы и глобального рынка отнюдь не является единственным выходом, единственным путем развития человечества в новых условиях.

В самом глобальном смысле евразийство в XXI веке определяется как приверженность к проекту альтерглобализации, как синоним "многополярного мира".

Отказ атлантизму в универсальности

Евразийство жестко отказывает атлантизму и американизму в универсальности, в праве на тотальность и общеобязательность. У западно–европейской и американской цивилизаций есть множество привлекательных черт и аспектов, достойных подражания и восхищения, но в целом это локальные ценностные и культурные системы, имеющие право на существование в своем историческом контексте наряду с другими цивилизациями и системами. Евразийство, исходя из этого, защищает не просто антиатлантистскую ценностную систему, но многообразие ценностных структур, своего рода "плюриверсум", в котором найдется достойное место и для США, и для атлантизма, но непременно наряду с другими, не менее достойными, цивилизациями.

Евразийство отстаивает не просто какую–то одну цивилизацию, но все вместе: и те, которые исторически располагались в просторах евразийского материка, и те, которые складывались на других континентах – в Америке, Африке, Тихоокеанском регионе и т.д.

Евразийство как глобальный революционный концепт

Евразийство на уровне планетарного тренда – это глобальный революционный цивилизационный концепт, который, постепенно уточняясь, призван стать новой мировоззренческой платформой взаимопонимания и сотрудничества для широкого конгломерата различных сил, государств, народов, культур и конфессий, отказывающихся от атлантической глобализации.

Стоит внимательно прочесть заявления самых разнообразных сил во всём мире: политиков, философов, интеллектуалов – и мы удостоверимся, что евразийцы составляют подавляющее большинство. Менталитет многих народов, обществ, конфессий и государств, хотя они сами об этом могут не подозревать, евразийский.

Если подумать об этом множестве различных культур, религий, конфессий и стран, не согласных с концом истории, навязываемом нам, бодрость нашего духа возрастёт, а серьезность рисков реализации американской концепции стратегической безопасности XXI века, связанной с установлением однополярного мира, резко увеличится.

Евразийство есть совокупность всех естественных и искусственных, объективных и субъективных препятствий на пути однополярной глобализации, причём возведенных от простого отрицания к позитивному проекту, к созидательной альтернативе.

Пока эти препятствия существуют разрозненно и хаотически, глобалисты справляются с ними по отдельности.

Но стоит их интегрировать, сплотить в некое единое, последовательное мировоззрение планетарного характера, шансы на победу евразийства во всем мире будут весьма серьёзными.

Евразийство как Старый Свет (континент)

Новый Свет как продукт части Старого Света

Второй, более конкретный и узкий смысл термина "евразийство" применим к тому, что принято называть "Старым Светом". Понятие "Старый Свет", которым обычно обозначается Европа, можно рассмотреть гораздо шире. Это гигантское мультицивилизационное пространство, населенное народами, государствами, культурами, этносами и конфессиями, связанными между собой исторически и пространственно общностью диалектической судьбы. Старый Свет – это продукт органического развития человеческой истории.

Старый Свет обычно противопоставляется Новому Свету, т.е. американскому материку, открытому европейцами и ставшему платформой построения искусственной цивилизации, в которой воплотились европейские проекты модерна, эпохи Просвещения. Новый Свет как цивилизация строился практически на пустом месте: доевропейские жители Америки по сути были приравнены к "недочеловекам" и либо истреблены, либо загнаны в резервации. В любом случае, американское общество строилось по искусственным лекалам – исторические корни были смыты солеными водами Атлантики. История осталась в Старом Свете. В Новом Свете строился искусственный проект, рафинированная "цивилизация модерна".

Хотя матрицей Нового Света был Старый Свет – Западная Европа, она разработала искусственный проект "идеального общества" на одной конкретной стадии своего развития и в основном в ареале Англии, Ирландии и Франции; влияние же Германии и Восточной Европы на структуру американского общества было незначительным и фрагментарным. Здесь речь идет в первую очередь о Северной Америке, и ещё более узко о США, так как Южная и Центральная Америка, колонизированные испанцами и португальца–

ми, остались в целом простой периферией Старого Света, и лишь в США эксперимент по построению небывалой сугубо современной цивилизации состоялся полностью и в чистом виде.

В терминах О.Шпенглера дуализм между "старым светом" и "новым светом" можно свести к парам: культура и цивилизация, органическое и искусственное, историческое и техническое.

Новый Свет и его мессианство

Будучи конкретным историческим продуктом Западной Европы на определенном этапе её развития, Новый Свет рано осознал свое "мессианское" предназначение, в котором либерал–демократические идеалы Просвещения неразрывно переплелись с эсхатологией крайних протестантских сект. Это мессианство получило название теории "Manifest Destiny", "Очевидной Судьбы", которая стала символом веры многих поколений американцев. Согласно этой теории, американская цивилизация преодолела все культуры и цивилизации Старого Света и является отныне универсальной нормой, которую следует навязать всем остальным народам планеты.

Это мессианство "нового света" постепенно вступило в прямое противоречие не только с культурами Востока и Азии, но постепенно противопоставило себя Европе, которая перед лицом "лабораторного общества" выглядела архаичной, полной предрассудков и устарелых традиций.

Так Новый Свет постепенно освободился от наследия Старого и после Второй мировой войны в самой Европе стал выступать как безусловный и неоспоримый лидер, как "критерий истины в последней инстанции". Это, естественно, вызвало волну отторжения, и в Европе стал вызревать проект геополитического освобождения от грубого стратегического, экономического и политического контроля заокеанского "старшего брата".

Интеграция материка

В XX веке Европа осознала свою самобытную сущность и постепенно двигалась к интеграции, европейских государств в единый Союз, способный обеспечить, этому пространству суверенность, независимость, безопасность и свободу.

Создание Евросоюза было величайшей вехой в деле возвращения Европы в историю. Это было ответом "Старого Света" на непомерные претензии "нового". Если рассматривать альянс США и Западной Европы – с доминацией США – как атлантистский вектор европейского развития, то интеграция самих европейских держав, с преобладанием континентальных стран (Франция–Германия), можно считать евразийством применительно к Европе.

Особенно это становится наглядным, если учесть теории о том, что Европа геополитически простирается от Атлантики до Урала (Ш.де Голль) или до Владивостока. Иными словами, бескрайние пространства России также полноценно включаются в поле Старого Света, подлежащего интеграции.

Итак, евразийство в этом контексте может быть определено как проект стратегической, геополитической, экономической интеграции севера евразийского материка, осознанного как колыбель европейской истории, матрица народов и культур, тесно переплетенных между собой.

А поскольку сама Россия (как, впрочем, и предки многих европейцев) в значительной степени связана с тюркским, монгольским миром, с кавказскими народами, то через Россию – и параллельно через Турцию – интегрирующаяся Европа как Старый Свет уже в полной мере приобретает евразийское измерение; и в данном случае не только в символическом, но и в географическом смысле. Здесь можно синонимически отождествить евразийство с континентализмом.

В последние столетия проект объединения в великую Европу исходил от революционной части европейских элит. В древности нечто подобное пытались сделать Александр Великий с помощью интеграции евразийских пространств, а также Чингисхан, создатель самого крупного мирового царства.

Евразийство как три "больших пространства", интегрированных по меридиану

Три евразийских пояса (меридиональные зоны)

На следующем уровне к горизонтальному вектору интеграции добавляется вертикальный.

Евразийское видение будущего мира предполагает деление планеты на четыре вертикальных пояса или меридиональные зоны, простирающиеся с севера на юг. Оба американских материка представляют собой одно пространство, которое в целом ориентировано на США и контролируется ими, в рамках некогда принятой американцами "доктрины Монро". Это атлантическая меридиональная зона по преимуществу.

Три другие меридиональные зоны можно отнести к евразийским. К ним принадлежат:

– Евроафрика с центральной функцией Евросоюза,

– Российско–среднеазиатская зона,

– Тихоокеанская зона.

В рамках этих зон происходит региональное распределение труда, взаимодействуют между собой очаги развития и коридоры роста.

Три евразийские зоны балансируют как в отношении друг друга, так и в отношении атлантистской зоны.

Эти меридиональные зоны и мыслятся в евразийском образе будущего как полюса многополярного мира.

С точки зрения меридиональных зон многополярность приобретает конкретное выражение: количество полюсов здесь больше, чем два, но значительно меньше, нежели число формальных суверенных национальных государств. Реальных геополитических полюсов, способных конкретно отстоять свою геополитическую, стратегическую, экономическую и цивилизационную идентичность в евразийской модели мира должно быть не менее 4-х.

"Большие пространства"

Меридиональные зоны в евразийском проекте мыслятся состоящими из нескольких "больших пространств" или "демократических империй". Каждое "большое пространство" обладает определенной автономией и самостоятельностью, но стратегически интегрировано в меридиональную зону. "Большие пространства" соответствуют приблизительно границам "цивилизаций" и включают в себя, в свою очередь, несколько "государств" или даже блоков государств.

Евро-Африка состоит из Евросоюза, арабского "большого пространства", интегрирующего Северную Африку и Ближний Восток, и "черной (транссахарской) Африки".

Российско-среднеазиатская меридиональная зона предполагает наличие трех "больших пространств", причём в некоторых случаях эти "большие пространства" не имеют строго делимитированной границы, а накладываются друг на друга. Первое "большое пространство" состоит из России и некоторых стран СНГ, входящих в Евразийский Союз. Далее идет "большое пространство" континентального ислама, куда относятся Турция, Иран, Афганистан, Пакистан. Азиатские страны СНГ выступают в этом случае "промежуточной областью".

И наконец, третьим "большим пространством" является Индостан – самостоятельный цивилизационный сектор.

Тихоокеанская меридиональная зона на севере определяется кондоминиумом Китая и Японии (два параллельных "больших пространства"), и включает в себя Индонезию, Малайзию, Филиппины и Австралию (которая по иным проектам относится к американской зоне). Это мозаичный геополитический регион, способный дифференцироваться по разным критериям.

В американскую меридиональную зону входят помимо Американо–канадского "большого пространства" ещё и Центрально–американское и южно–американское большие пространства.

Важность "четвертой зоны"

С меридиональными зонами до определенной степени согласны и атлантистские геополитики, строящие "новый мировой порядок" и однополярную глобализацию. Однако принципиальным отличием евразийского проекта является наличие в нем именно 4–х поясов, включая российско–среднеазиатский. Наличие или отсутствие этого пояса принципиально меняет всю картину мироустройства.

Атлантистские футурологи видят зональное деление троичным: полюс Америка, ближняя периферия – Евросоюз (допускается отчасти и Евро–Африка), дальняя периферия – Азия и Тихоокеанский регион. Пространство России и Средней Азии видится дробным, фрактуризированным, а отдельные части приписываются к региональным державам Европы и Азии. Без "четвертой" зоны мы имеем однополярный мир. Но если допустить наличие "четвертой зоны", то весь баланс сил меняется. Российско–среднеазиатский меридиональный пояс в определенной мере уравновешивает американское давление и позволяет другим поясам (европейскому и тихоокеанскому) выступать не просто как периферия, но как самостоятельные цивилизационные полюса.

Именно в успехе создания "четвертой зоны" и состоит залог реальной многополярности, реальной свободы и независимости, суверенности и авто–

номии по отношению друг к другу всех меридиональных поясов и включенных в них "больших пространств".

Американский пояс может быть уравновешен только тремя другими континентальными поясами вместе взятыми, а не каким–то из них. И наличие "четвертого русско–среднеазиатского пояса" является необходимым и достаточным условием для того, чтобы реальное равновесие было достигнуто в планетарном масштабе. Но при этом "четвертая зона", даже будучи интегрированной, будет недостаточной для того, чтобы занять место одного из полюсов в новой "двухполярной системе". Резкий стратегический отрыв США может быть уравновешен только геополитической синергией всех трех меридиональных поясов.

Именно этот проект "четырех зон" призвано реализовать евразийство на следующем стратегическом уровне.

Евразийство как российско–среднеазиатский интеграционный процесс

Ось Москва–Тегеран

Перейдём к четвёртому уровню евразийства. Это процесс российско-азиатской меридиональной интеграции. Здесь основополагающую и центральную роль играет построение оси Москва–Тегеран.

Весь интеграционный евразийский процесс зависит именно от того, сумеет ли Россия найти формат тесного стратегического партнерства с Тегераном как в долгосрочной, так и в среднесрочной перспективе. Сложение потенциала России с иранским в области экономики, ресурсов, военной и политической сфер будет достаточным фактором для того, чтобы сделать процесс меридиональной интеграции необратимым и автономным, не зависящим от остальных дополнительных факторов. Начиная со строительства оси

Москва–Тегеран, евразийский проект обретает конкретное воплощение, геополитический скелет, "позвоночник интеграции". И Иран и Россия являются автономными мощными региональными державами, способными выстроить свою модель организации стратегического пространства.

Евразийский план для Афганистана и Пакистана

Российско–иранский вектор принципиально важен как для создания стратегической конструкции, открывающей России выход к теплым океанам, так и для политико–религиозного переустройства всего среднеазиатского региона – как среди азиатских стран СНГ, так и для зоны Афганистана и Пакистана.

Тесное сотрудничество Ирана с Россией предполагает превращение афгано–пакистанского пространства в свободную исламскую конфедерацию, нейтрально–лояльную как Тегерану, так и Москве. Афганистан и Пакистан как унитарные государства в новой реальности будут создавать постоянные угрозы и накалять дугу нестабильности, разрезающую евроазиатский континент. Только совместная солидарная геополитическая инициатива всех этих держав по созданию новой центрально–азиатской федеративной модели способна превратить этот сложный регион в зону сотрудничества и сопроцветения.

Ось Москва–Дели

Российско–индийское сотрудничество является второй важнейшей меридиональной осью интеграции материковых просторов. По оси Москва–Дели будет проходить силовая линия сотрудничества по созданию общей системы евразийской коллективной безопасности. Важно, что Москва сможет активно участвовать в снятии напряжений между Исламобадом и Дели в вопросах Кашмира.

При этом евразийский проект для самой Индии, спонсором которого призвана выступать Москва, формулируется как создание федеративного устройства, отражающего и закрепляющего все многообразие индийского общества – с широким спектром этнических и религиозных меньшинств, включая сикхов и мусульман.

Москва–Анкара

Важнейшим региональным партнером в деле интеграции российско-центральноазиатского пояса выступает Турция. Эта страна сама несет в себе много "евразийских" элементов, западные тенденции там тесно переплетены с восточными. Турция все более осознает свое цивилизационное отличие от Евросоюза, специфику своих региональных интересов, риски глобализации и с неизбежностью заложенной в ней десуверенизации. Императивом становится поиск новых стратегических партнеров в лице России и Ирана. Турция способна сохранить свой уклад только в проекте многополярного мира, и к пониманию этого различные силы в турецком обществе приходят с разных сторон: светское руководство и левые, следуя одной логике, религиозные круги – другой, армейская верхушка – третьей. Как бы то ни было, ось Москва–Анкара постепенно становится вполне вероятной геополитической реальностью, несмотря на долгие периоды взаимного отчуждения.

Функции Кавказа

Кавказский регион является болевой точкой евразийской интеграции, так как мозаичность культур и этносов легко превращает его в зону повышенного напряжения, чем обычно пользуются те силы, которые стремятся сорвать интеграционные процессы в Евразии.

Кавказский анклав населен народами, принадлежащими подчас к различным государствам или цивилизационным полям. Эта область призвана стать лабораторией интеграции, так как адекватная евразийская модель федерации для Кавказа покажет преимущества адекватной реструктуризации всей российско–среднеазиатской зоны.

В евразийском видении кавказский вопрос решается не созданием мононациональных (моноэтнических) государств, и не жестким включением отдельных народов в состав того или иного регионального государства, но созданием гибкой федерации на основании этнокультурного и конфессионального признаков в общем стратегическом контексте меридионального пояса.

В таком случае в интеграционном проекте возникает система полуосей между Москвой и центрами Кавказа: Москва–Баку, Москва–Ереван, Москва–Тбилиси, Москва–Махачкала, Москва–Грозный и т.д., с одной стороны, и центрами Кавказа и союзниками России по евразийскому проекту – с другой: Баку–Анкара, Ереван–Тегеран и т.д.

Евразийский план для Средней Азии

Средняя Азия подлежит интеграции в единый стратегический и экономический блок с Россией в рамках Евразийского Союза, призванного встать на место СНГ. При этом функции Средней Азии – быть зоной сближения между странами континентального ислама (Иран, Пакистан, Афганистан) и Россией. Поэтому изначально в структуру среднеазиатского сектора этого меридионального пояса следует закладывать возможность многовекторной интеграции – по одним параметрам приоритетными партнерами будет выступать Россия, близкая по культурным пластам, экономическим и энергетическим интересам, стратегической системе безопасности, по другим – акцент будет ставиться на этническую или конфессиональную близость с тюркским, иранским и, шире, исламским миром.

Евразийство
как интеграция постсоветского пространства

Евразийский Союз

Еще более узкое понимание евразийства, отчасти перекликающееся с тем значением, которое вкладывали в это понятие первые евразийцы 20–30–х годов XX века, ограничено процессом локальной интеграции постсоветского пространства.

Различные формы аналогичной интеграции можно проследить сквозь века: от гуннской степной империи и других кочевых империй (монгольских, тюркских и индоевропейских) до царства Чингисхана и последующих "орд". Позже интеграционную функцию взяла на себя православно–монархическая Россия, затем СССР. Каждая последующая формула государственности отражала историческую специфику конкретного этапа.

Сегодня Евразийский Союз, продолжающий интеграционную традицию, выработал особую мировоззренческую модель, учитывающую демократические процедуры, уважение прав народов, скрупулезный учет культурных, языковых и этнических особенностей всех участников интеграции.

Евразийство в этом относительно узком масштабе может быть рассмотрено как философия интеграции постсоветского пространства на демократической, ненасильственной и добровольной основе без доминирования какой бы то ни было этнической или конфессиональной группы.

Астана, Бишкек и Душанбе как двигатели интеграции

В отношении к интеграции постсоветского пространства различные среднеазиатские республики СНГ находятся в неравном положении. Активнее

всего эту идею поддерживает Казахстан. Президент Назарбаев является убежденным и активным поборником евразийства.

Столь же позитивно к проекту относятся Киргизия и Таджикистан, хотя формат поддержки этого плана менее инициативен и напорист, нежели в случае Нурсултана Назарбаева.

Ташкент и Ашхабад

Узбекистан и особенно Туркменистан несколько дистанцируются от евразийской интеграции, пытаясь вычерпать максимум позитивных следствий из заново обретенной национальной государственности. Но по мере активизации глобалистских проектов и у этих республик встанет дилемма: либо расстаться с национальной государственностью, чтобы раствориться в едином глобальном мире с доминацией американских либеральных ценностей, либо сохранить свою идентичность в контексте Евразийского Союза. Скорее всего объективное взвешивание альтернативы приведет эти страны ко второму решению, естественным образом вытекающему из пространственной структуры этих стран и их истории.

Закавказские государства

Армения последовательно тяготеет к Евразийскому Союзу, пытаясь найти в России поддержку и опору в отношении преимущественно исламского окружения, в котором оказался Ереван в настоящее время. Показательно, что Тегеран также предпочитает в качестве приоритетных закавказских партнеров этнически и лингвистически близких к иранцам армян, что позволяет говорить о двух полуосях – Москва–Ереван и Ереван–Тегеран как о позитивных предпосылках интеграции.

Баку придерживается нейтральной позиции, но многое может измениться в случае более последовательного и бесповоротного обращения к евра–

зийству Анкары, что немедленно скажется на позициях Азербайджана. С точки зрения культурного устройства, Азербайджан стоит гораздо ближе к России и постсоветским республикам Кавказа и Средней Азии, нежели к религиозному Ирану или даже светской Турции.

Грузия представляет собой наибольшую проблему сразу по нескольким причинам. Мозаичный характер грузинского государства ставит серьезные проблемы в строительстве нового национального государства, которое резко отвергается меньшинствами: Абхазией, Южной Осетией, Аджарией и т.д. Кроме того, Грузия не имеет надежных партнеров среди прилежащих государств, и вынуждена искать баланса против Москвы в лице США и НАТО. Тем самым именно в Грузии закладывается наиболее опасная стратегическая мина под общий процесс евразийства. Ситуация может быть спасена только православной культурой грузин, традиционными устоями грузинского общества, имеющими никак не атлантистские, но сугубо евразийские черты.

Славянские страны СНГ: Украина, Беларусь

Для успеха создания Евразийского Союза необходимо – и достаточно – заручиться твердой поддержкой этого проекта со стороны Казахстана и Украины. Треугольник Москва–Астана–Киев является той конфигурацией, которая обеспечит всей конструкции нового образования устойчивость.

Поэтому привлечение к интеграционному евразийскому проекту Киева является первостепенной задачей всей этой инициативы. Россию с Украиной сближает многое: культура, язык, этническая общность, религия. При том, что независимость Украины носила изначально русофобский, подчеркнуто дезинтеграционный характер, в евразийском проекте следует максимально акцентировать именно те аспекты, которые сближают эти две страны.

В этом процессе позитивную роль могут сыграть страны Евросоюза, которые по глобальным стратегическим соображениям заинтересованы в гар–

монизации процессов в Восточной Европе. Сближение Москвы с Киевом следует рассматривать не как жест, направленный против Европы, но как выражение проевропейской политики обеих славянских стран.

Все сказанное об Украине в полной мере относится и к Беларуси, где интеграционные тенденции проявлены ещё более резко. Однако стратегический и экономический статус Беларуси для евразийского проекта не столь критически важен, как позиции Астаны и Киева. Более того, приоритет оси Москва–Минск над другими маршрутами интеграции способен при определенных обстоятельствах даже повредить делу интеграции. Поэтому сближение России с Беларусью должно протекать в плавном умеренном ритме – наряду с другими векторами евразийского процесса.

Евразийство как мировоззрение

Оригинальная философия

Наконец, последнее определение евразийства применяется к определенному мировоззрению, к определенной политической философии, сочетающей в себе в оригинальной манере традицию, современность, и даже элементы постмодерна.

Эта философия евразийства исходит из приоритета ценности традиционного общества, признаёт императив технической и социальной модернизации (без отрыва от культурных корней) и стремится адаптировать свою идейную программу к ситуации постиндустриального, информационного общества, называемого "постмодерном".

В постмодерне снимается формальное противопоставление между традицией и современностью. Однако постмодернизм в атлантистском аспекте уравнивает их с позиции безразличия и исчерпанности содержания. Евразийский постмодерн, напротив, видит возможность альянса традиции с со–

временностью как созидательный оптимистический энергичный импульс, побуждающий к творчеству и развитию.

В евразийской философии легитимное место получают те реальности, которые были вытеснены эпохой Просвещения: религия, этнос, империя, культ, предание и т.д.. В то же время из модерна берется технологический рывок, экономическое развитие, социальная справедливость, освобождение труда и т.д. Противоположности преодолеваются, сливаясь в единую гармоничную и оригинальную теорию, пробуждающую свежие мысли и новые решения для вечных проблем человечества.

Евразийство – открытая философия

Философия евразийства – открытая философия, любые формы догматизма ей чужды. Она может пополняться многообразными течениями; историей религий, социологическими и этнологическими открытиями, геополитикой, экономикой, страноведением, культурологией, разнообразными видами стратегических и политологических исследований и т.д. Более того, евразийство как философия предполагает оригинальное развитие в каждом конкретном культурном и языковом контексте: евразийство русских будет с неизбежностью отличаться от евразийства французов или немцев; евразийство турок от евразийства иранцев; евразийство арабов от евразийства китайцев и т.д. При этом основные силовые линии этой философии в целом будут сохраняться неизменными.

Пункты евразийства

Основными реперными точками евразийской философии можно назвать следующие пункты:

– *дифференциализм*, плюрализм ценностных систем против общеобяза–

тельной доминации какой-то одной идеологии (в нашем случае и в первую очередь американской либерал-демократии);

– *традиционализм* против уничижения культур, догматов и обрядов традиционных обществ;

– *государство-мир*, государство-континент против как буржуазных национальных государств, так и против "мирового правительства";

– *права народов против* всемогуществ "золотого миллиарда" и неоколониальной гегемонии "богатого Севера";

– *этнос как ценность и субъект истории* против обезличивания народов и отчуждения их в искусственных социально-политических конструкциях;

– *социальная справедливость и солидарность людей труда* против эксплуатации, логики грубой наживы и унижения человека человеком.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ПОЛИФОНИЯ НАРОДОВ

(интервью казахстанскому порталу "Навигатор", 20 апреля 2002 г.)

Корр.: *Александр Гельевич, что вы вкладываете в понятие евразийство, и в чём идеологические особенности созданного вами Международного "Евразийского движения"?*

– Евразийство – сформированная идеология, с чёткими отличительными признаками. Она существенно отличается от основных привычных идеологических клише. Евразийство – идеология патриотическая и консервативная, традиционалистская. Но вместе с тем, она выступает за активную и динамичную модернизацию технической, экономической и социальной сферы. Оно основано на убеждённости *в самобытном пути российской цивилизации*, шире – цивилизации всех народов, населяющих СНГ, и даже соседних с ним страны. Эта самобытность берётся как высшая ценность, которую необходимо всячески укреплять и защищать. Мы утверждаем, что у России особый путь, это главный постулат. От узких националистов евразийцев отличает убежденность в полиэтнической и поликонфессиональной природе России.

Евразийская цивилизация соткана из плодотворного культурного и этнического альянса славян и тюрок с большим участием других евразийских народов. Кроме того, мы – убежденные сторонники и поборники интеграции стран СНГ в единый Евразийский Союз, провозглашенный Президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, поэтому наше Международное "Евразийское Движение" ставит интеграцию во главу угла своей программы. Однако, от невразумительного центризма нас отличает ясная идеологическая картина мира: и того, который объективно существует вокруг нас, и того, который мы собираемся строить – иногда вразрез неевразийским тенденциям. Мы – движение последовательного *альтерглобализма*. При этом мы не просто отрицаем глобализм, но указываем иной, альтернативный путь развития, включающий открытый, до–

стойный и равноправный диалог культур. Глобализм в его нынешнем виде – это не диалог культур, это "монолог цивилизизации", "западной цивилизации", узурпировавшей – на гребне успеха от выигрыша "холодной войны" – право диктовать всему миру свою волю и свою систему ценностей. Мы считаем, что мир завтрашнего дня должен быть иным: каждый народ и каждая культура должны активно и полновесно *соучаствовать в выработке образа будущего*, а не быть ранжированными по унизительной шкале: дозрели они или ещё нет до "общечеловеческих" ценностей, т.е. "рыночной экономики", "прав человека" и "демократии". Глобализм – это новое издание западоцентричного расизма, только на сей раз этот расизм не биологический, но цивилизационный, экономический, моральный, ценностный. Как видите, особенностей очень много. Ничего подобного ни в российском, ни в международном политическом поле нет. Сами эти тенденции по отдельности можно встретить и там и там, но нигде они не возведены в ранг доктрины, мировоззрения, оформленного, осмысленного, связного. Мы – движение Евразийской Идеи.

Корр.: *Вы говорите об особой, евразийской или органической демократии, построенной на качественном подходе, в отличие от демократии западной, учитывающей количественный подход. Не могли бы Вы подробнее раскрыть этот тезис: в чём все–таки конкретное отличие евразийской и западной демократий? И какие конкретно механизмы должны действовать в модели евразийской демократии?*

– Давайте обратимся к самым основам. Если "народы" (демосы) качественно различны, каждый имеет свою историю, свой опыт, каждый развивается в особом ландшафте, в определённых условиях, то почему их "кратос" ("власть") должен быть чем–то универсальным? Разные народы создают разные политические системы, разные модели власти. Они, являясь разными, по–разному правят собой, создают разные системы. В этом – многообразие мира, истории. Западная демократия воплощает в себе опыт западных этносов, обобщает их историко–политический и социальный опыт. Это заме–

чательно, но откуда берётся убежденность, что это есть универсальный критерий? Что такое политический оптимум? Она берётся из расистских, по сути, предпосылок, отождествляющих только западный сектор человечества с собственно людьми, а остальные народы приравнивающих к дикарям, недочеловекам. Идея универсальности западной демократии – идея крипто–нацистская. И тем не менее, она прочно вбита нам в головы – мы некритически впитали её, как нечто само собой разумеющееся. Так нацизм незаметно поражает нашу душу, подавляет волю к критической мысли…

Евразийские народы имеют собственную историю. Для них, т.е. для нас, само понятие "народ" – это не механическое собрание граждан, атомарных индивидуумов, но нечто цельное, нечто единое, коллективная ("соборная") личность. Для Евразии общее идет прежде частного, для Запада – наоборот: частное создаёт условное общее. Органическая (или евразийская) демократия – это идеальный политический строй, основанный на историческом опыте народов. Он предполагает придание народам Евразии статуса политической субъектности ("евразийский федерализм"), представительство во властных инстанциях должно основываться не на количественном, но на качественном принципе: не население, но народ и народы должны решать судьбу государства. Причём народы Евразии различны и формы исторического авторитета в каждом из них также различны. Где–то акцент ставится на общинном, где–то на социальном, где–то на духовном авторитете. Эта дифференциация лежит в основе многоуровневого представительства. Органическая демократия может существенно различаться в разных точках Евразии, общий принцип таков: общегосударственной конструкцией должны править наиболее авторитетные, инвестированные глубоким и органическим доверием народа и народов люди, а не паяцы и шоумены в стиле "западной демократии", которые на евразийской почве смотрятся как отталкивающее уродство. При этом "органическая демократия" не противоречит принципу личной власти – в частности, для русского народа фигура Царя как своего рода вершины соборной личности естественно вытекала из всей национальной, религиозной и духовной истории.

Что касается конкретных механизмов, то о них пока говорить несколько преждевременно. Сейчас важно привнести сами принципы в нашу политическую жизнь, озвучить их, показать, что представление о "западной демократии" как о чём–то безальтернативном является формой "интеллектуальной оккупации". Необходимо пробудить в людях творческое отношение к политике… Сейчас же они воспринимают всё это как грязный спектакль с предопределённым исходом. Самое главное в органической демократии: свою судьбу должен решать народ – свободно и суверенно, по ту сторону политического и экономического давления элитных групп, являющихся проводниками западных влияний.

С Запада стоит что–то черпать, но не как догму, а как объект размышления и критического рассмотрения. Пока такая ситуация в российском обществе не сложится, вся политика будет по большому счёту духовным насилием.

Корр.: *Хотелось, чтобы Вы подробнее рассказали о концепции "прав народов", в отличие от западной концепции "прав человека"?*

– Это связано с предыдущим вопросом. "Права народов" – это международная юридическая норма, которая последнее время резко уступает концепции "прав человека". Если хотите, "права народов" – это ось евразийской юриспруденции, тогда как "права человека" – "боевой клич" глобализма, атлантизма и вестернизации. Выше я уже говорил – почему. Для Запада "народ" состоит из "людей" ("граждан", "индивидуумов"), и если люди перегруппируются, например, переедут в другую страну, сменят гражданство, то они образуют другой "народ", так как "народ" в таком понимании есть нечто искусственное, оторванное от качественной природы. Для евразийства "народ", напротив, первичен по отношению к "индивидууму", "человеку". "Народ" и есть то, что делает "человека" человеком. "Человек" сам по себе как индивидуум есть лишь "обещание человека, "вексель". Всё богатство жизни заключено в этносах, в языке, в культуре, в специфическом и всякий раз разном отношении к пространству и времени, к вызовам природы и истории… Начиная с Нового времени, Запад встал на

путь механического уравнивания народов, а США есть великий эксперимент по организованному стиранию этнического начала, тот самый melting–pot. Это искусственная цивилизация искусственных людей. Отсюда "права человека".

"Права народа" подразумевают самое главное, что народ имеет право сохранять свою идентичность, оставаться уникальным и самобытным, развиваться своим собственным путём, что он должен быть защищён от размывания в агрессивной глобалистской эрзац–культуре, что он должен любой ценой сохраниться в истории. Всё это не означает, однако, "сегрегацию" и "миксофобию" – народы подчас смешиваются, участвуют в этногенезе, чтобы сформировать иные народы и так далее… Органическое смешение с другим народом – тот же элемент "прав народа". Но никто не имеет права никого принуждать к этому искусственно.

Я думаю, что тема "прав народов" в скором времени выйдет на первый план в самой Европе. Как иначе сохранить французам, немцам или итальянцам свою идентичность в Евросоюзе, где постепенно упраздняются границы Государств–Наций, которые служили до последнего времени этой идентичности. И тут Европа столкнётся с той же темой, что Евразия сегодня. Евразийский принцип "прав народов" станет актуальным и там и у нас. Кто такой француз в Евросоюзе? Гражданин Европы? Хорошо. Но как ему осознавать себя французом, когда Франции как государства больше нет? Это возможно только, если французы станут *этнополитической категорией* – с соответствующим правовым оформлением. Для Евразии – и в малом (российском), и в широком (СНГ) масштабе – это столь же актуально. Кто такие русские в Казахстане? Казахи в России? Только граждане? Гости? Иностранцы? Мигранты? Оккупанты? В рамках полиэтнических систем "права человека" не являются панацеей – они лишь откладывают проблему, отдаляют её решение. Русские – этнос Евразии. Казахи – этнос Евразии. И как этносы они должны быть признаны за самостоятельную категорию – вплоть до определённых форм "коллективной ответственности": русские отвечают за русских, казахи за казахов, татары за татар, армяне за армян. И в рамках своих этнических систем

народы должны политически организовываться самостоятельно и естественно, т.е. снова по принципу "органической демократии".

Корр.: *Как евразийская идея соотносится с этноцентризмом? Каким должен быть этноцентризм, чтобы соответствовать евразийской идее? Бывает ли этноцентризм позитивным и негативным?*

– Этноцентризм – термин, пожалуй, неудачный. Евразийская полифония (многоголосие) народов – это нечто иное. Этноцентризм предполагает зацикленность на этносе, тогда как в евразийском проекте первоочередным является надэтнический, цивилизационный, геополитический масштаб. Этносы – это жизненные компоненты огромного цивилизационного целого, которое, собственно, и есть Евразия как *сложное единство*. Там, где мы подходим к геополитике, полномочия этноса и этнизма заканчиваются. Этнос делегирует своих лучших представителей, свою наиболее универсальную элитарную часть в более общую, сверхэтническую инстанцию – в центр геополитической власти, где вырабатывается и осуществляется глобальная евразийская цивилизационная стратегия. И эта геополитическая инстанция является в отношении этноса высшим полюсом. Однако фундаментальное отличие евразийства от привычных моделей Государства–Нации (которое также претендует на то, чтобы быть высшей надэтнической инстанцией) в том, что этнос рассматривается не как нечто временное и подлежащее ассимиляции в "гражданском обществе", а напротив, этнос воспринимается как колонна, остов, живой организм, на котором стоит геополитическая конструкция. Эта конструкция вбирает из этносов самое главное – пассионарность, жизненность, витальность, органичность, цельность, но эта цельность уже иного уровня.

Совершенно очевидно, что организация этносов в геополитическую евразийскую суперструктуру – дело тонкое и непростое. Оно будет вполне внятно элитам, но индифферентно массам. В этом и состоит самое главное: этнический фактор может тяготеть к "солипсизму", к безразличию, а то и к агрессивности в отношении других этносов или надэтнических геополитических проектов. И это тоже органическое свойство этноса, которое должно уп–

равляться через работу с элитами. Примером такого соотношения могут служить древние империи, сочетавшие этническую автономию своих частей со стратегической централизацией. И инструмент был тем же – вовлечением национальных элит в управление целым. Императоры каких только кровей ни правили Римом, Византией, Российской Империей...

Корр.: *Вопрос конкретно по Казахстану. По этническому составу Казахстан уникален. Государствообразующий этнос – казахи – в силу исторических обстоятельств густо перемешан с другими этносами, главным образом, со славянскими. Разделить их сейчас практически невозможно. Каким образом можно соблюсти права народов так, чтобы сохранить языковую и культурную автономию каждого народа, не производя при этом территориальных перемещений отдельных народов? Может ли быть у этого конгломерата общая национальная идея?*

– Общая для всех казахстанцев национальная идея может быть и есть. Это – евразийство. Впрочем, Президент Назарбаев давно эту линию провозглашает. Сейчас, насколько мне известно, в этом направлении работают многие видные казахские политики.

Национальный состав Казахстана – прямое следствие предшествующей исторической стадии, которую можно назвать "советским евразийством". "Советский народ" мыслился как евразийская общность нового типа. Однако в силу определённых марксистских предрассудков, целиком и полностью вытекающих из общезападного атомистского просвещенческого подхода, качественной стороне этногенеза, а тем более культурно–духовной стороне, внимания не уделялось. Поэтому межэтнические проблемы в СССР были не решены, но отложены, что заложило основу позднейшего распада и посеяло опасные ростки национальной розни. Просто так с русским фактором в Казахстане не разобраться. Я полагаю, что единственным приемлемым решением было бы построение Евразийского Союза, с элиминацией внутренних границ и соответствующим признанием русских и казахов полноправными евразийскими этносами – политическими субъектами единой Евразии.

Что же касается территорий, то это самый главный вопрос. Если закрепить за этносом территорию, мы приходим не к евразийству, а к классическому Государству–Нации (даже в миниатюре), со всеми вытекающими последствиями. А государственность – это совсем другая история. Более того, евразийство в качестве своей осевой идеи имеет как раз императив преодоления буржуазного Государства–Нации во всех его вариациях. Государство есть результат отчуждения этноса от его витальности и спонтанности в пользу механической конструкции. Даже если Государство создаётся каким–то одним этносом, оно в дальнейшем обязательно начнет этот этнос разлагать, смешивая его с иными, дробя на "гражданские атомы", расчленяя на "автономных индивидуумов". И это будет всегда, даже если мы начнём имитировать государственность в полусуверенных образованиях – таких как Национальные Республики в составе РФ. Поэтому смысл евразийства в том, чтобы отделить юридически этнос от конкретной территории. Этнос может пребывать и распространяться там, где это естественным образом складывается. Но он подлежит юрисдикции как политический субъект независимо от того, на какой территории он находится – в местах компактного исторического проживания или вдали от них. В Евразийском Союзе вопрос о русских и казахах будет немедленно снят. Административные границы утратят своё разделяющее значение, станут условностью, отвлечённой от конкретного политического или этнического содержания.

Что же касается сохранения автономий и языковых культур, то это должно быть первоочередной заботой самого евразийского центра. Это должно быть основным содержанием Евразийского Союза, его отличительной политической характеристикой. Причём мы видим, что не всегда язык развивается и сохраняется в контексте его доминирования – часто малые общины, живущие вне этнического контекста, консервируют культуру и язык в чистом виде (как русские староверы, например). Культивировать этническую автономию следует на всей территории Евразии. Казахи, проживающие в Москве или Омске, должны иметь такую же возможность обучать своих детей родной речи, культурным обычаям, вере отцов, как и те, кто живет в Казах–

стане. И гарантировать это должна евразийская власть всей своей геополитической мощью. Это и есть "права народов" как фундамент евразийства. Точно так же дело обстоит и в случае русских – где бы они ни жили…

Корр.: *Ваше Движение определяет общие основы для консолидации нескольких конфессий. Если в отношении православия, ислама и буддизма все как бы ясно, то в отношении иудаизма возникают вопросы. Может ли религия, основанная на богоизбранности народа, её исповедующего, найти что–то общее с религиями, построенными не на этническом факторе?*

– Догматические противоречия между православием, исламом, буддизмом и иудаизмом в равной степени неснимаемы. Попытка примирить их на этом уровне катастрофична для этих религий и невыполнима. Поэтому базой для межконфессионального диалога евразийство выбирает не догматику, которая и в случае иудаизма, и в случае других конфессий, несводима к универсальной форме, но общность интересов всех традиций перед угрозой глобальной секуляризации и отказа от религиозности вообще, её растворения. У религий есть неснимаемые противоречия. Но есть и нечто общее – общий враг, секулярный глобализм западного, американоцентричного образца. Когда такого врага не было, межрелигиозные противоречия были в центре внимания (правда, не везде и не всегда). При наличии общего врага – отрицательного знаменателя – традиционные религии получают новую базу для сотрудничества и союзничества. В этом – смысл евразийства.

Каждая религия претендует на монополию, на истину и не может от этого отказаться. Но секулярный глобализм агрессивно (или мягко) распыляет все эти претензии. И иудаизм в его традиционалистской версии также является жертвой этого процесса, как и православие или ислам. Глобализация готова принять только "реформированные" версии религий, их эрзацы, искаженные в угоду нормам "прав человека", "толерантности", "политкорректности" и т.д. Открытое общество глобализма отрицает саму возможность "догматики", утверждая, что истина есть переменчивый и относительный продукт коллективного договора.

Это означает, что традиционные религии в глобализме обречены. Наиболее ответственные и последовательные представители традиционных конфессий это прекрасно осознают и сознательно примыкают к евразийству (или взаимодействуют с ним). Традиционный иудаизм здесь не исключение.

Корр.: *Ваши евразийские идеи вызывают уважение, но они полностью понятны только весьма продвинутым гражданам. Как сделать понятными Ваши идеи большинству населения? Планируете ли Вы создать более простой уровень "понимания евразийства", доступный практически любому гражданину?*

– Это очень важная тема. Известно, что самые доходчивые школьные учебники по физике написаны гигантами этой науки и нобелевскими лауреатами. Поэтому когда доктрина евразийства или, точнее, уже неоевразийства окончательно сложится на теоретическом плане, мы же сами и займемся её адаптацией к широким массам. Это не может быть иначе, так как скоропалительное стремление быть доходчивыми погубит чистоту идеи, которая находится в стадии созревания. Это как с рождением ребёнка: пока он недоношен, его смертельно опасно высвобождать из утробы.

Мировоззрение должно созреть, иначе будет очередной кич. Есть любители погреть себе руки на евразийстве и наверняка будут ещё. Но эта шелуха отпадёт. Не стоит и недооценивать народ. Он изголодался по идеям и мыслям, он захлебывается тошнотворной тоталитарной агрессией рекламного шоу-идиотизма. Его воротит от бесконечного рециклирования одних и тех же бессмысленных личностей, бессвязных персонажей и тем, от марки лака для ногтей Хакамады или очередного похождения Жириновского по стрип-барам. У нас далеко не все люмпены, и многие стоически противятся интенсивному одурачиванию через СМИ. Сейчас мы, "Евразийское Движение", обращаемся к думающим людям. Их немало. Совсем немало… И вместе с ними шаг за шагом, тестируя готовность к усвоению идей и отрабатывая обратную связь, мы будем постепенно упрощать наши идеологические и политические установки.

Корр.: *И последний вопрос на злобу дня. Какие у Вас прогнозы по Центрально–Азиатским республикам и, в частности, по Казахстану?*

– После теракта в Америке мы получили расширение пояса "Анаконды" в Средней Азии, а сегодня стратегические силы США рвутся на Кавказ. Такое впечатление, что США цинично использовали трагедию своих людей как повод для нового витка стратегического захвата Евразии под отвлекающей внимание риторикой "борьбы с международным терроризмом". Цепкий и практичный англосаксонский ум умеет использовать свои стратегические креатуры – Бин–Ладена, Аль–Каеду, фундаменталистский исламизм – во всех позициях: они взрастили и экипировали эти структуры для борьбы с СССР в Афганистане и для противодействия просоветским режимам в арабском мире, а когда те стали утрачивать актуальность, воспользовались ими ещё раз, но только выставив их как врагов. США руководствуются не эмоциями и не гуманитарной риторикой, но строго и последовательно *только геополитикой*. Геополитика же основана на постулировании конфликта между Сушей и Морем, Евразией и Атлантикой. И атлантисты всегда последовательны в этом – любую ситуацию они поворачивают к своей пользе. Евразийство же должно действовать симметрично: настаивать на сближении стран СНГ, на укреплении ЕврАзЭСа, на создании мощного Евразийского Союза. Геополитическая конъюнктура в Азии после 11 сентября 2001 года изменилась не в нашу пользу. Это следует признать. Это неприятно, но ничего другого и не следовало ожидать от США. Они верны себе. Мы тоже должны быть верны, но только не им, а Евразии.

БУДЕТ ЛИ СОЗДАН ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ?

(круглый стол в телевизионной программе "Что делать?",
ВГТРК, канал "Культура", май 2003 г.)

Участвуют:

Назарбаев Нурсултан Абишевич – Президент Республики Казахстан;

Дугин Александр Гельевич – лидер Международного "Евразийского движения", философ, геополитик;

Айтматов Чингиз Торекулович – писатель;

Панарин Александр Сергеевич – заведующий кафедрой теоретической политологии философского факультета МГУ;

Волк Евгений Степанович – директор Московского представительства Фонда "Наследие" (США);

Салмин Алексей Михайлович – президент фонда "Российский общественно–политический центр";

Третьяков Виталий Товиевич – ведущий программы;

Виталий Третьяков: Добрый вечер, дорогие друзья и коллеги! Вы вновь в передаче "Что делать?", в студии – участники программы и я, её ведущий, Виталий Третьяков. Сегодня мы обсуждаем тему, которую однажды, примерно год назад, в нашей передаче мы уже обсуждали в несколько ином ракурсе, это тема: "Будет ли создан Евразийский Союз?".

Год назад мы говорили о евразийстве – как идее. Сегодня тоже, наверное, её коснёмся, но мне сегодня хотелось бы больше сосредоточиться на конкретном политическом проекте Евразийского союза, и прежде всего потому, что среди моих сегодняшних гостей есть автор этого политического проекта, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. И мы, по ходу разго–

вора, надеюсь, выясним: отказался ли он от этой идеи? не отказался? Как она трансформировалась? Традиционно начинаем с короткого вопроса, одного для всех, для короткого ответа, для поджога дискуссии.

Здесь все специалисты в этой области, все помнят этот проект 1994 года, проект Назарбаева о создании Евразийского союза, тогда его Россия проигнорировала. Вопрос у меня такой: почему, как вам кажется, этот проект был тогда отвергнут Россией?

Чингиз Айтматов: Если конкретно отвечать на заданный вами вопрос, – почему, как вы выразились, проигнорировали эту идею, – мне кажется, произошло это из–за того, что мы все вместе взятые, и прежде всего, сама Россия, были ещё не готовы к восприятию, к осознанию, к осмыслению этой идеи, этой концепции евразийского союза. Но время идёт, и чем дальше, тем больше нарастает убеждение, что это одно из главнейших направлений нашего совместного бытия в будущем.

Евгений Волк: Мне кажется, важно вспомнить историческую обстановку десятилетней давности: только что заключены беловежские соглашения, Советский союз распался, и в России существовала эйфория независимости, эйфория избавления от пут Советского Союза, тоталитарного прошлого, и любой возврат к этому прошлому в форме какого–то союза, естественно, отвергался находящимися у власти демократами. Тем более, что те идеи, которые выдвигались за евразийским проектом, предполагали интеграцию, а не развод – как модно тогда было говорить, цивилизованный развод – для чего и было создано Содружество независимых государств. Поэтому, каких–то интеграционных механизмов в России, интеграционных настроений в то время не было, и сама идея евразийства, на мой взгляд, находилась где–то на задворках.

Лишь позже, с развитием национального самосознания, интеграционного мышления, эти проекты стали получать больше обоснования и больше популярности в российской элите.

Александр Панарин: Я думаю, что тогда в Кремле правящая элита иден–

тифицировалась, преимущественно, как атлантисты. Это не всегда откровенно демонстрировалось, но, в принципе, всегда говорилось так, что официальная Россия, новая Россия устремляется на Запад, тем самым отрываясь от Азии, а значит, от Евразии, что Россия спешит туда, где европейский дом, подальше от азиатского. За этой геополитической идентичностью элиты, правящей тогда в Кремле, стояла, конечно, и социально–политическая идентичность нового государства.

Откровенно говоря, это новое государство – Российская Федерация – идентифицировало себя как государство собственников. Я думаю, что это была не совсем удачная идентификация, поскольку собственники, богатое меньшинство, так и не полюбили Россию, то есть любовь остальной России к классу собственников оказалась не совсем взаимной, собственники по–прежнему смотрят на Запад, и получилось так, что это государство оказалось некому любить. Бедные не любят, потому что не узнают себя в его политике, а богатые смотрят на Запад, продолжая не доверять этому государству. Поэтому, я думаю, пора реинтерпретировать социально–политическую идентичность Российской Федерации, а, заодно, вернуться к идее евразийского союза.

Александр Дугин: Я полагаю, что замечательные и судьбоносные идеи уважаемого Президента Назарбаева просто в то время, в 1994 году, легли на неудачную почву в России, поскольку тогда, действительно, на мой взгляд, была другая власть. За это время власть в России сменилась, она изменила свой геополитический вектор. Тогда не то что о воссоздании единого евразийского пространства не шла речь, на повестке дня стоял вопрос о распаде самой России. И многие, даже в Кремле, почти открыто к этому призывали.

С приходом Путина вектор от радикального проамериканизма и атлантизма значительно поменялся в сторону национальных интересов России. А это значит открытость к нашей судьбе, к нашей истории, к нашим стратегическим интересам. И именно с приходом Путина инициативы уважаемого господина Назарбаева стали рассматриваться в Кремле всерьёз, что воплотилось в создание

ЕврАзЭСа, а это уже шаг к евразийскому союзу. Поэтому, на мой взгляд, идеи господина Назарбаева опережали время и были более дальновидны и прогрессивны, чем самосознание российской элиты того времени.

Алексей Салмин: Если назвать одну причину, а их было очень много, то это отсутствие политической воли, потому что в условиях тогдашнего продолжавшегося распада – в экономике, в политике, в культуре, в идеологии – нужна была колоссальная политическая воля, чтобы что-то создать, что угодно создать, не только Евразийский союз, но и в России, в других государствах бывшего Советского Союза создать что-то определённое, по какой-то заранее определённой модели. А дальше много причин – личные причины, институциональные причины, личное отношение отдельных людей, в частности, президента; не было заинтересованности в том, чтобы эта идея стала какой-то решающей, основной, судьбоносной. Институциональное отсутствие механизма формулирования, принятия политических решений, отсутствие экономического подъёма, это тоже важный фактор.

Виталий Третьяков: Мы выслушали разные интерпретации, почему проигнорировали тогда вашу идею. Теперь Вам слово, Нурсултан Абишевич…

Нурсултан Назарбаев: Я хотел бы не согласиться с утверждением, что Россия совершенно проигнорировала тогда этот проект. Если бы действительно проигнорировала, то Россия не была бы одним из членов тогдашнего таможенного союза, из которого потом образовался ЕврАзЭС.

Выступая на последнем экономическом форуме ЕврАзЭС, я сказал о том, что к 2011 году мы должны прийти к единой валюте, если мы хотим сотрудничать по-нормальному. Но всё же хочу чуть-чуть вернуть вас к 1993 году, когда я вовсю бился с руководством России за то, чтобы Россия не выталкивала бывшие республики СССР из единой рублёвой зоны. Тогда, в 1993 году я сделал три заявления о том, что Казахстан желает остаться в рублёвой зоне. После этого, в августе, приезжает ко мне Александр Шохин и говорит: "Нурсултан Абишевич, зачем тебе с болтающей-

ся, неизвестно куда катящейся Россией, находиться в одном вагоне?". Тогда я его спрашиваю: "Подожди, ты в каком правительстве работаешь заместителем премьер-министра?..".

Тогда, в 1993 году, в ноябре, вместе с Узбекистаном мы договорились и решили ввести общую национальную валюту. Тайно мы отпечатали её и думали, что, может быть, удастся всё же сохранить... Не удалось.

Из СНГ ничего не получилось, с этого надо начинать, потому, что многие члены СНГ, особенно Украина, и некоторые мои соседи, считали, что это некое аморфное образование, которое даёт нам возможность красиво развестись. Я же считал, что СНГ должно сохранить единое экономическое пространство. Большое количество горя и невзгод нашим народам принесло то, что разорвалась общая экономика. Мы все стали осколками некогда единой экономики. Тогда я, естественно, посоветовавшись с президентом России, потому что без России это не смогло бы быть реализовано, принёс вначале 1994 года этот модельный проект, который назывался "Евразийский союз". Всё было расписано в очень жёстком порядке. Даже сейчас такого проекта нет. То, что я тогда предлагал, до сих пор наиболее оптимальный вариант…

Виталий Третьяков: Но фактически это был план создания конфедерации?

Нурсултан Назарбаев: Фактически это был вариант очень быстрого создания союза, наподобие нынешнего европейского союза. Только они шли к этому пятьдесят лет, а у нас уже была общая история, общая территория, общая экономика, общий язык, общие деньги – мы могли бы прийти, если бы у нас была на то политическая воля, к такой же, примерно, модели – очень быстро.

Тогда же я сказал президенту России, что без его поддержки из этого ничего не получится. Более того, я сказал: "Если вы поддерживаете эту идею, хорошо было бы выступить вам с этой инициативой, а я к ней присоединюсь". Он сказал: "Вот, опять начнут говорить, что большая Россия наступает, давайте лучше вы выступите с этой инициативой, а я буду поддерживать". После

этого я выступил в МГУ с этим проектом в марте 1994 года, потом – на следующем заседании СНГ. Но тогда многие просто не хотели такой жёсткой, нормальной интеграции. Каждому – и Украине, и Белоруссии, и Центральноазиатскому региону – думалось, что вот сейчас мы освободимся от общих уз, у каждого из нас столько ресурсов, столько богатств в стране, что завтра будем процветать, и наши народы будут жить припеваючи.

Наверное, вы правы в том плане, что нужно было дать каждому государству время для того, чтобы стать по–настоящему независимыми, укрепить свою экономику и говорить после этого об объединении с позиции нормального независимого государства. Я считаю, что в этом была основная причина того, что не развивался интеграционный процесс – большое сближение требует большого времени.

Я рад, что все эти девять лет тема евразийского сотрудничества не сходила со страниц газет, с уст политиков – оно привлекательно. Мне задавали вопрос о евразийском сотрудничестве в Болгарии, в Монголии спрашивали, что это такое, и как можно туда вступить. Стьепан Месич, хорватский президент, в прошлом году проявлял большой интерес.

Всё дело в том, что нам в рамках нашего союза необходимо показать, что вступление в него выгодно: мы вам открываем большой рынок для ваших товаров, взаимозащищаем свои интересы и внешнюю политику, проводим вместе экономические реформы, не конкурируем друг с другом. Пока нам этого показать не удалось. Хотя ЕврАзЭС сегодня – самое продвинутое интеграционное объединение в рамках постсоветского пространства, где 65% тарифов согласованы.

Виталий Третьяков: Теперь давайте обсудим всю эту политическую конструкцию. Я вижу это как вполне конкретный политический проект, который терминологически соприкасается с довольно старой уже идеей евразийства. В течение XX века, начиная с 20–х годов, идея активно развивалась, и какое–то новое дыхание получила в последние годы. Вот как каждый из вас представляет эту конструкцию Евразийского союза: конфедерация, восста–

новление ли это в какой–то форме прежнего Советского Союза, и как это соотносится с евразийской идеей, на ваш взгляд? Пожалуйста, свободная дискуссия, кто хочет взять слово?

Чингиз Айтматов: Меня очень удовлетворяет, что первоначально мы все высказались, и наши мнения и толкования этой концепции евразийства оказались очень близки. Никаких разительных расхождений нет. И уже вырисовывается то, что было, и почему это произошло, и почему эта идея должна была пройти свой путь испытаний, который она прошла. И Нурсултан Абишевич очень точно её сформулировал и преподнёс нам. Мне хотелось бы отметить в этой ситуации, что сейчас многие склонны думать, что надо вернуться к этой интеграционной концепции евразийства, а также отметить тот очень непростой опыт суверенности наших стран, что мы постигли за последнее время, убедившись в том, что перспектива всё–таки состоит в нашем объединении. Не надо заранее волноваться, что снова возникнет Советский Союз, это не то совершенно. Я поддерживаю высказанную мысль Нурсултана Абишевича, что есть модель, которую бы мы могли взять себе как схему. Это – Европейский союз.

Мне думается, что европейская модель – это достижение истории человечества. Хотите – соглашайтесь, хотите – нет. Наивысшее достижение. Вот так бы всем скомпоноваться, вот так бы всем взаимодействовать, вот так бы всем взаимопонимать, как сейчас это происходит в Европейском союзе, в Европе. Это было бы замечательно. Может быть, вот это десятилетие, которое наши страны прошли, уже даёт определённую основу для того, чтобы об этом говорить вслух. Может быть, некоторое время это была утопия, мечта. Сейчас это не утопия. Если мы соберёмся, и если будет поставлена эта цель и задача перед всеми нами вместе взятыми, я думаю, к этому мы и придём. Не говоря о том, насколько это благотворно для каждой страны в отдельности – находиться в таком союзе.

Полвека прошло со времён второй мировой войны, и вот теперь налажена жизнь, установлена, и это касается каждого государства – оно нацио–

нальное, имеет свой национальный статус, язык, культуру, вплоть до того, что, переезжая из одной страны в другую, надо знать, что вот здесь граница, потому что незаметно переходишь из одной страны в другую. А теперь, с введением евро, так интересно, так удобно стало. Прежде, подъезжая к границе, надо было менять валюту, сейчас ничего этого нет. В целом, эта модель представляется мне наиболее проверенной, проработанной. Конечно, так, прямо по этой готовой матрице нам создать Евразийский союз невозможно. У нас своя история, свои особенности, надо всё это иметь в виду. Надо ещё внутренний национальный эгоизм, особые формы, критерии свои преодолевать. В будущем к этому надо стремиться, и на нашем киргизском телевидении я высказал эту мысль: не мешало бы подумать о том, чтобы наши центрально–азиатские государства бок о бок все собрались. Может быть, подумаем, сообразим. Может быть, наши ведущие руководители что–то в этом плане подумают. И сколько после этого в прессе было реплик: вы кого и кому хотите подчинить, и так далее. То есть по–другому, очень примитивно это воспринимается.

Виталий Третьяков: Вы, по–моему, очень большой оптимист. Я хочу заострить наш разговор, процитировав Петра Савицкого, одного из классиков евразийской идеологии XX века: "Россия и Евразия – есть центр Старого света" (Старый свет понимался, как весь евразийский материк – В.Т.). "Устранить этот центр и все его части, вся система материковых окраин, Европа, передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония превращаются как бы в рассыпанную храмину. Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от классической Азии, есть то звено, которое спаривает в единство их всех".

То есть классические евразийцы прямо говорили о том, что собственно Россия есть основное звено евразийской идеи, и как бы, кто бы и что ни говорил, какую модель ни пытался применить, всё–таки предполагается, что центром этого Евразийского Союза как государственного образования будет Россия. Отсюда автоматически появляется образ старого Советского Союза.

Одних это пугает, других – нет. Всё–таки в Европейском Союзе нет одной доминирующей страны. Лично для меня это не является на данном этапе отталкивающим фактором, а как для вас идея центральности России в этом?

Нурсултан Назарбаев: Ни о каком восстановлении Советского Союза серьёзно рассуждать нельзя, поэтому не надо говорить об этом. Воссоединение путём какой–то агрессии, войны, кровопролития – это никому не надо, прежде всего России. В то же время, хоть мы и говорим о том, что мы близки по форме к Европейскому Союзу, всё–таки мы не Европейский Союз. У нас другой менталитет. Мы не католики, не протестанты, которые проповедуют единоличное моление, спасение и выживание: ни с братом, ни со сватом ничем не поделюсь. Мы – коллективные народы: как казахи и другие народы в Центральной Азии, так и россияне. Поэтому мы более человечно можем подойти к этому вопросу.

Я уверен, в ситуации, когда наступает глобализация, все приходят к пониманию того, что без открытия рынков для своих товаров нельзя нормально жить. Китай – миллиард триста тысяч населения – может жить без экспорта. Весь товар производится и потребляется внутри, поэтому Китай может существовать самодостаточно. Даже Россия со своим населением близка к этому. Но другие страны СНГ не могут сказать о том, что будут развиваться темпами 9–10% и, в то же время, реализовывать весь произведённый товар на внутреннем рынке. То есть, если сугубо прагматично подходить к вопросу создания Евразийского союза, исключая даже философию, политику, если мы хотим каким–то образом в эти процессы глобализации, от чего никуда не деться, всё–таки нормально встроиться, чтобы нас не размяли вообще, не сделали окраиной истории, – мы должны вместе, поднимая экономику, объёдиняя усилия, войти туда неким экономическим союзом.

Почему мы этого не делаем? Потому что после развала Советского Союза, вместо того, чтобы двигаться вместе, как это сделали те же Чехия и Словакия, мы пошли в разные стороны. Пусть мои коллеги не обижаются, но давайте

возьмем СНГ, потом ЕврАзЭС… Вы посмотрите, какие реформы проведены в России, в Казахстане, и какие в Белоруссии или на Кавказе. Совершенно другие. Разве могут интегрироваться разные системы экономик? Допустим, социалистические и капиталистические. Если в одной из соседних республик совершенно не конвертируемая государственная экономика, не конвертируется валюта, то наш бизнесмен, продав там свой товар и получив местную валюту, не может поменять её на доллары или на свою валюту. Конечно, после этого он прекращает в этой республике всякую торговлю и всякие взаимоотношения.

То есть, по–настоящему интеграция состоится только тогда, когда лидеры и элита осознают, что это необходимо, и договорятся честно, перед парламентами и народами своими честно скажут друг другу: давайте идентифицируем законы, тарифную политику, налоговую систему, пенсионное обеспечение, восстановим какой–то паритет. Почему европейский союз ставит страны в очередь на вхождение? Они предлагают вновь вступающим: сделайте сначала инфляцию не больше 4%, государственный долг не должен превышать 40%. А до тех пор пока они это не сделают, пока все законы необходимые не примут, в Евросоюз им путь закрыт. То же самое надо сделать и у нас.

Поэтому, если мы хотим полноценно экономически сотрудничать с другими государствами, другого пути, иначе как через интеграцию, у нас нет. Даже при вступлении во Всемирную торговую организацию. Я предлагаю России, чтобы мы всем ЕврАзЭСом туда вступали, хотя бы пять государств вместе вошли. Вот Киргизия в одиночку вошла в ВТО. Ну и что из этого? Она создала проблему среди нас, пусть на меня не обижаются её руководители. Во–первых, им придётся доставлять свои товары в Европу через Казахстан и Россию, а мы в ВТО пока не вошли. Поэтому мы не можем принять её таможенные тарифы. Или сейчас Армения вошла, или Грузия...

Я и председателю ВТО об этом сказал, когда с ним встречался (и он со мной согласен, что у них, например, продовольствие хорошего качества хорошо пакуется, оно дешевле): "Вы придёте к нам со своим товаром, мы вам

откроем границы – наши сельхозники вообще остановятся. И наши товары покупать не будут, покупать будут ваши". Так же и по машинам, так и по лёгкой промышленности. В нынешнем состоянии наши экономики и производство пока не могут конкурировать с западом, но могут нормально конкурировать и взаимодействовать между собой. Поэтому здравый смысл, логика жизни, темпы развития экономики говорят о том, что мы должны сначала создать нормальное общее экономическое пространство у себя внутри, где будут единые тарифы, единые налоги, единые правила, а уж после этого выходить на мировой рынок. Только как соседи, как независимые государства, добровольно объединившись на благо наших народов. Это необходимость. Ещё год, два, три – и всё равно придём к этому.

Виталий Третьяков: Я хотел бы всё–таки отметить, при всём уважении к Нурсултану Абишевичу. Мне кажется, он несколько упрощает, усушает, экономизирует его же собственный, в частности, политический проект Евразийского союза. И мне хотелось бы послушать мнение других людей за нашим круглым столом, абсолютно равноправным. Да, пожалуйста.

Алексей Салмин: Мы вроде бы видим, что есть воля в объединении России и Белоруссии, например, но почему–то оказывается, что это марш на месте. Создаём всё новые формы, а на практике очень мало что меняется. Что–то меняется, но практически, очень мало и не всё – в лучшую сторону. Иногда это движение напоминает движение вперёд–назад, вперёд–назад. Почему, собственно, воля, если она даже есть, не осуществляется? Нужны два условия. Первое: соображение выгоды, это и есть экономика, и соображение смысла, если можно так выразиться. Вначале об экономике два слова. Дело в том, что я вижу значительную перспективу, если будет воля, если будет осознанная выгода, если будет реализовано окно возможностей в экономической интеграции. Кое–что уже делается и ЕврАзЭС, на сегодня – это живая, развивающаяся организация, действительно, это не мёртвая формула, т.е. не совсем мёртвая, не такая формула, как СНГ, например.

Здесь есть определённые пределы, будут достигнуты определённые цели, может быть, будет решена проблема с ВТО. Но дальше будут вызовы. Азиатский союз – да, это возможно. Что касается европейских составляющих, в частности, между прочим, и Белоруссии, сейчас есть определённая проблема политическая – всё больше и больше Европейский союз для Белоруссии, для Украины, для Молдавии будет вызовом своего рода и соблазном. И поэтому для ЕврАзЭСа на пути чисто экономического развития есть определённые, если не барьеры, то всё больше и больше внешних соблазнов. Кстати говоря, они не исключены в отношении и азиатских составляющих, они тоже вводятся. А вот смысл, то есть остаётся составляющая смысла. Нужна некая философия. Для евразийцев начала века, я абсолютно согласен с Нурсултаном Абишевичем, это был другой контекст. Эти люди исходили из плохо, хорошо ли, но сохранённой целостности, и они хотели её осмыслить, подвести какую-то философскую, идеологическую базу под это сохраняющееся, как казалось, насильственное единство. Но философия осталась философией, это не стало политической идеологией, это оказался мертворождённый, очень красивый, философский, литературный проект.

Остаётся в значительной степени единая культура, основанная на русском языке, на ценностях, которые неявным образом этот язык передаёт всем, в том числе и русскому народу и другим народам, которые взаимодействовали веками, на ценностях, причём, весьма высокого свойства. Но вот для этого их надо осознать, и пока язык остаётся, вот это окно возможностей сохраняется. Если это будет исчезать, это окно будет закрываться, то есть возможность создания Евразийского союза – это не какая-то вещь на все времена. Это то, что надо делать в определённые сроки, определённым образом, а для этого ещё очень много надо осмыслить в самих себе.

Александр Дугин: Я полагаю, что всякое объединение исторически обусловлено и имеет идеологию, соответствующую той эпохе, в которой оно происходит. В связи с этим мне кажется, что евразийский союз – это вполне ре-

алистичная, современная, актуальная концепция, которая основывается на принципе демократического объединения суверенных государств – некий тип конфедерации. Причём, конфедерации с преобладанием, как уважаемый господин Назарбаев совершенно верно подчеркнул, социально–экономических интересов.

Дело в том, что на разных этапах государства складываются по–разному: империи складывались одним образом, Советский Союз складывался по–другому, а вот евразийский союз, который сейчас, на наших глазах создаётся, основывается на третьих, уже совершенно новых предпосылках, прагматических, в том числе.

Я бы обратил внимание на идею Исмаила Гаспринского, теоретика тюркского возрождения начала века, который говорил об общности судьбы. Он задавался вопросом: что объединяет тюрок и славян? Не только империя, не только государственность, но и общность судьбы – некий общий цивилизационный, геополитический, культурный принцип. Вот эта историческая общность судьбы – это некая цивилизационная подоплёка для создания евразийского союза. Дальше эта цивилизационная подоплёка может остаться лишь красивым замыслом, если не будет конкретных прагматических, грубых интересов каждого участника этого союза. И они сейчас как раз налицо.

Обратите внимание, что глобализационные процессы, которые проходят сейчас в мире, создают огромные проблемы для всех и встречают серьёзное отторжение, когда речь идёт об общемировой глобализации. Но эти же процессы очень хорошо протекают, когда речь идёт о глобализации региональной: глобализации на основе Европы, глобализации на основе американского континента, азиатского, тихоокеанского регионов. Мне кажется, мы должны предложить евразийство как проект некой региональной глобализации, как подготовительной, промежуточной ступени для открытости к востоку и к западу. И здесь, мне кажется, неверно противопоставлять евразийскую интеграцию европейской интег–

рации. На мой взгляд, это просто два направления очень сходного, близкого процесса, идущего к единой цели.

Европе совершенно не потянуть никакую Украину, я уже не говорю про Белоруссию. Надо обратить внимание на устройство белорусской экономики: какая там экономика, зачем в современном Европейском союзе она нужна? В нашем же, евразийском союзе, социально–экономическом образовании, такой атипичный, асимметричный придаток белорусской экономики очень нужен, и он может быть туда прекрасно интегрирован. Кстати, и Украина будет гораздо больше востребована Европой, гораздо быстрее вступит в ВТО и нормализует свои экономические отношения с Евросоюзом, если она будет членом ЕврАзЭС.

Речь идёт о том, что в демократическом веке суверенные государства должны объединяться на демократических основаниях. Никакой имперскости здесь и близко не должно быть, Советского Союза – тем более. Тогда была совершенно другая идеологическая ситуация, иной идеологический климат, он нас объединял. Сегодня же нас объединяет общность судеб и общность социально–экономических интересов. Я полагаю, что это исключительный момент. И в данном случае идеи Назарбаева мне представляются сверхактуальными. Чем более здравой будет политика в России, в других странах СНГ, тем быстрее, более скоростным образом будет создаваться полноценный Евразийский Союз, и, слава Богу, признаки этого есть.

Нурсултан Назарбаев: Я хочу добавить два момента к этому очень интересному выступлению. Вы должны меня правильно понять: я не считаю, что мы должны отгораживаться от цивилизованного мира. Но куда наш путь? Туда, где есть деньги, туда, где есть технологии, туда, где есть будущее.

Если, допустим, европейская часть СНГ – Украина, Беларусь – желают интегрироваться в европейское сообщество. Да, им это интересно, вы абсолютно правы. Но они в очереди будут стоять очень долго, и мы знаем, почему. Если же мы по–настоящему создадим евразийский союз, мы все станем более привлекательными и для европейского союза. Мы мо–

жем стать, например, для начала коллективным наблюдателем, потом полностью войти. И они сами захотят наладить с нами торгово–экономические отношения, скажут: давайте, вы создали единый таможенный союз – теперь откройте эти границы. То есть мы бы уже на более солидной основе вошли в цивилизованную, развивающуюся, современную Европу.

Евгений Волк: Распад Советского Союза высветил, на мой взгляд, очень простую истину. Те государства, которые образовались на развалинах советской империи – очень различны. Они очень разные по своему политическому устройству, по своей исторической культурной традиции, по степени политической, экономической свободы, и эти различия, на мой взгляд, гораздо существеннее, чем различия между странами, входящими в европейский союз или претендующими сейчас на членство в нём.

Виталий Третьяков: Вы имеете в виду не только различия между Россией и Туркменистаном, но и между Россией, и, например, Казахстаном?

Евгений Волк: Да, безусловно, и между Россией и Украиной, между Россией и Белоруссией, безусловно, мы видим и в политическом и в экономическом плане очень серьёзные расхождения. И важным моментом является то, что и национальные элиты, которые пришли к власти в этих новых государствах, они во многом разнородные, имеют разновекторную направленность. Часть этих элит ориентируются на Запад, часть – на Восток. И во многих государствах, как мне представляется, есть и альтернативы евразийскому союзу. Ориентация на пантюркизм, скажем, как возможную схему экономического и политического интегрирования, это и налаживание связи с европейским союзом напрямую, это интеграция с НАТО, что мы видим на примере Грузии, это более тесные связи с Китаем, что может восприниматься как одна из парадигм.

Виталий Третьяков: Три вектора: Европа, пантюркизм, Китай.

Евгений Волк: Я не уверен, что евразийская идея будет наиболее популярной среди всех этих направлений, учитывая известную слабость Рос–

сии как цементирующего фактора. И косвенно Нурсултан Абишевич подтвердил всё это, говоря, что он предлагал в своё время Ельцину возглавить это движение. На мой взгляд, растущие сейчас новые элиты, которые далеко не так однозначно ориентированы в сторону России, – это, может быть, ориентация свойственная прошлому поколению, – будут не столь однозначны в своём отношении к идее евразийского союза. И здесь, на пути реализации этой идеи возникнут многие препятствия, которые мы сейчас отчётливо и не видим.

Что касается евразийства и Евразийского Союза. Я вижу здесь, безусловно, серьёзную разницу, и если больше говорилось о чисто идейном, интеллектуальном аспекте евразийства в 20–е годы, то мне хочется напомнить, что это было и политическое оружие в руках ОГПУ и советской власти, направленное на раскол белой эмиграции.

Виталий Третьяков: Саму идею–то это не портит.

Евгений Волк: Безусловно, но идея во многом оказалась скомпрометированной именно характером её использования в специфических интересах того времени, и поэтому нужно очень чётко проводить это разграничение. Евразийский Союз – это одно, это концепция, основанная на реалиях современного мира, основанная на современном понимании и роли России и роли других государств, а евразийство в его историческом контексте, в его попытках рассматривать мир через призму специфического российского евразийства – это, безусловно, совершенно другое.

Алексей Салмин: Я бы не стал недооценивать степень разнородности Европейского союза, особенно в момент создания ЕЭС. Греция, Швеция, Великобритания, Германия – очень разные страны. Европейское сообщество создавалось как способ решения политической проблемы, чтобы не возникло третьей мировой войны на территории Европы, прежде всего, как способ решения германо–французский противоречий. Вот если на нашей территории найдётся такая идея, искать можно в разных направлениях. В частнос–

ти, почему бы не поискать в направлении создания механизма, который бы позволил избежать реализации сценария достаточно странного, но тем не менее могущего стать реальным – конфликта цивилизаций.

Александр Панарин: Я не разделяю пессимизма Евгения Степановича, я считаю, что надо оценивать события в перспективе такого понятия как "политический цикл". Мы совсем недавно пережили некий постсоветский либеральный цикл, когда элита многих независимых государств постсоветского пространства, действительно, мыслила категориями националистического эгоизма и считала, что каждого из них в обход другого скорее примут на Западе. Были определённые политические субъекты, которые стояли за спиной, которые поощряли подобные действия: если дистанцируетесь от России, то вас первых мы примем. А России, в свою очередь, говорили, что если дистанцируетесь от своих азиатских братьев, то вас скорее примут. Это была такая стратегия. Я думаю, что эта стратегия уже позади, что эта элита, в том числе та, которая осталась у власти, – я пока не говорю о ротации элит, которая ещё будет, – думаю, что она уже, умудрённая опытом, вернётся к идее интеграции, к идее евразийского союза.

Я бы не преувеличивал чисто прагматическую составляющую этого союза. Не случайно Виталий Товиевич говорил о некой культурной традиции. Действительно, в основе евразийской идеи лежала определённая культурная, историческая традиция, но, разрабатывая стратегии, мы до сих пор слишком много уделяли внимания односторонней экспертизе, экономической, военно-технической, в лучшем случае – геополитической.

Серьёзная стратегия имеет одну гуманитарную составляющую. То есть, что такое социокультурная идентичность народов, какова социокультурная память, насколько пригодится эта память для строительства больших проектов будущего. Вот все эти гуманитарные вопросы необычайно важны. Я думаю, что нам надо непременно вспомнить о гуманитарном наследии евразийской идеи. Здесь я прямо скажу, что на основе индивидуалистической

модели, индивидуалистической парадигмы вообще нельзя выжить в Евразии и строить какие бы то ни было союзы и проекты. Вообще индивидуалист – это такая разновидность политического животного, которая в Евразии жить не будет. Здесь слишком жёсткая среда в географическом, в климатическом, в геополитическом отношении. Поэтому законченный индивидуалист, особенно гедонистического склада, обязательно будет искать своё отечество где–нибудь в лучших краях, но не у нас, в частности, в Европе, в Северной Америке и так далее. Нельзя строить Евразию на основе индивидуалистической парадигмы. Здесь парадигма всё–таки коллективистская, и в этом смысле наша культурная традиция, долговременная, а не кратковременная, не конъюнктурная, подтверждает это. Евразию строит индивид, готовый к коллективной сплочённости, коллективной жертвенности, коллективной идентичности.

И вторая поправка, очень важная. Сегодня мы как–то все поспешно стали идентифицироваться с гражданским обществом, стали все кричать о гражданском обществе, забывая об одной вещи. На наших глазах произошла катастрофическая деформация самого понятия гражданского общества. Сегодня гражданское общество в рамках либеральной идеологии интерпретируется как социал–дарвинистская среда, то есть: я выживаю, а сосед пусть погибнет. Вот на основе социал–дарвинизма в Евразии ничего выстроить нельзя. И с этой точки зрения большое политическое будущее принадлежит тем политикам, которые не постесняются сказать: "Мы строим не только гражданское общество, мы возрождаем большое социальное государство, государство для недостаточно социально защищённого большинства".

Сегодня политики со всеми своими программами фактически ориентируются на меньшинство собственников. Это опасно для государства. Государство, ориентирующееся на меньшинство своего населения, всегда будет слабым государством, и это опасно для населения, потому что государство, ориентирующееся на меньшинство, никогда не будет демократическим, оно

будет тяготеть к диктатуре. Вот почему надо ориентироваться на большинство, а ориентироваться на большинство – значит взять на вооружение большую социальную идею.

Я думаю, когда мы говорим о Евразии, об интеграционных процессах в Евразии, очень важно взять на вооружение не только единое экономическое пространство, вообще экономическую идею как таковую, экономическую целесообразность, а непременно нужно взять на вооружение большую интеграционную социальную идею. Я предвижу, что будут созданы некие интернациональные или наднациональные социальные программы, связанные с образовательными предложениями, связанные с социальной защитой незащищённых слоёв населения и так далее. Я думаю, что Евразию сплотит большая социальная идея, которую непременно надо возродить. И с этой точки зрения строить Евразию на чисто либеральной парадигме, тем более на парадигме индивидуалистической и парадигме социал-дарвинистской, – это значит не построить ничего. Это значит быть жалкими плагиаторами Запада, и не более того. И поэтому я думаю, что нам надо возрождать социальную идею, я думаю, социальная идея имеет перспективу в самой Западной Европе. Нынешние крайности либерального социал-дарвинизма и там скоро закончатся, потому что большинство против социал-дарвинизма. Я думаю, очень важно уловить ту фазу большого политического цикла, когда вернётся популярность большой социальной идеи. Хорошо, если мы к ней первыми поспеем в Евразии. Тогда Европа, которая тоже вернётся к социальным программам, в том числе общеевропейским социальным программам, в строительстве последних, может быть, кое-что позаимствуют и у нас, если мы станем пионерами социального возрождения, Евразийской соборности.

Нурсултан Назарбаев: Началом любых евразийских интеграционных процессов, учитывая тяжёлую жизнь наших людей, должна быть именно экономика. Чтобы интеграцию начал ощущать простой человек. Именно поэтому,

когда застопорилось всё, я предложил десять простых шагов навстречу простым людям: не проверяйте сумок у простых бабулек, которые едут к своим детям через границу, сделайте хорошими и доступными почтовые услуги, переводы, давайте не будем облагать налогами телефонные переговоры и т.д. Вот эти десять шагов я предложил. Приняты были некоторые решения на уровне правительств, хотя сейчас их реализация пробуксовывает.

Вот я сегодня председатель ЕврАзЭС. Я предлагаю создать евразийский союз – мне отвечают, что до союза далеко, да и слова такого боятся – мол, опять союз… Вот экономическое сообщество – это хорошо... А чего бояться своего союза, когда европейский союз есть.

Сегодня кто входит в ЕврАзЭС? Россия, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан. Совершенно разные экономики, разные возможности. У Киргизстана и Таджикистана, и это известно, очень слабые экономики. Развивающиеся экономики, но фактически несопоставимые с остальными, так исторически сложилось и никто не виноват в этом, никого мы обвинять не будем. Так вот надо показать людям, живущим в этих странах, что этот союз заработал, что торговля пошла нормально.

А сегодня что? Вагон с грузом угля выходит из Казахстана, заходит в границы России – тариф сразу становится в 1,5 раза выше. То же самое трубопроводная система: как только топливо переходит границу России, в три раза выше становятся тарифы. Продовольственная пшеница, к примеру. Её сегодня нет в Белоруссии, а у них фуражная, она нам нужна. А мы им продовольственную даём. За это мы получаем трактора. Но всё это становится абсолютно невыгодным, т.к. наша пшеница, стоимостью в четыре доллара, при перевозке туда через территорию России, уже четырнадцать стоит. Вы скажете: вот, опять Россию обвиняют… С российской стороны резонно ставится вопрос: Россия при уравнивании тарифов потеряет? Точно потеряет! При объединении Западной Европы Германия потеряла. И сильно потеряла. Но потом приобрела за счёт общего пространства и увеличения объема торгов-

ли. Россия ставит очень резонный вопрос, и я его поддерживаю: хорошо, на сегодняшние единовременные издержки Россия идёт, а что потом? Завтра придёт другой президент, и каждый начнёт соскакивать с этой общей телеги. На это я отвечаю так: давайте, если мы друг другу не доверяем, создадим единую наднациональную комиссию по тарифам и торговле, не подчинённую ни одному из государств. Пусть её центр будет где-нибудь не в Москве. Где угодно. Этой наднациональной комиссии мы устанавливаем порядок работы, расписываем её положения, её функции. Потом этот документ ратифицируем в парламентах наших государств и делаем законом, чтобы никакой другой президент и правительство не могли потом его сменить. Но мы до сих пор об этом не можем договориться. Хотя Россия будет знать, что это надолго, и что, в конце концов, России это будет выгодно.

Вы правильно сказали, что Россия в этом процессе основное звено. Конечно. Огромная страна, экономика которой несопоставима с другими. Я считаю, что на перспективу, геополитически, стратегически – России это необходимо. Россия должна пойти на эти сегодняшние издержки ради большого будущего, ради интеграции, ради всех нас, и тогда и народы будут благодарны вовеки вечные, и мы будем вместе процветать, и безопасность наша будет крепче.

Евгений Волк: А как нам быть с теми государствами, которые логично входят в евразийское пространство, но пока, скажем, в ЕврАзЭС не входят – Узбекистан, Туркменистан, Украина, Белоруссия – это ведь тоже часть Евразии в нашем понимании. Какие-то идеи есть, как их интегрировать, подтянуть, реально ли это на сегодняшний день, в обозримой перспективе?

Нурсултан Назарбаев: Сразу хочу сказать, и я в этом уверен: сменится поколение, и к этому обязательно придут наши потомки. Я уверен. Но сегодня мы говорим так: раз в рамках СНГ нормального объединения в единое экономическое пространство или, как украинский президент говорит – "зону свободной торговли" – не получилось и, наверное, не получится, то мы

предлагаем, для тех, кто желает, – добровольно войти в таможенный союз. А таможенный союз должен иметь общую границу. И внутрь этой границы другие члены должны входить на наших условиях, потому что мы внутри союза создаём единые условия, приемлемые для всех для нас. Но только сугубо добровольно.

Но для того, чтобы другие наши соседи тоже входили в этот союз, мы должны показать им его привлекательность: вы посмотрите, здесь торговля развивается, здесь экономика растёт, здесь друг другу помогают, здесь свободно обучаются дети там, где хотят, особенно в России, здесь общаются – давайте, входите, вам выгодно. Сами народы будут подталкивать свою элиту: давайте войдём туда, смотрите, там люди лучше живут. Другого я не вижу. И у нас есть возможность это сделать.

Виталий Третьяков: Мы постепенно подходим к концу нашей передачи, и я хочу всё–таки поставить два определённых, жёстких вопроса. Меня смущало некое единомыслие, которое здесь царило, но второе, что меня смущало, – Александр Сергеевич здесь отчасти меня поддержал, да и Алексей Михайлович, когда он говорил о смысле евразийского союза, – вот эта экономическая основа. Да, она была в Европейском союзе и первоначально была очень сильна, вроде над этим надстраивалось всё. Был определённый прагматизм в том, чтобы не допустить войны на этой территории. Но когда всё сложилось, расцвела экономика, появился комфорт практически во всех странах Европы, на территории самой Европы военных конфликтов не было, больше того, отпал Советский Союз как некий потенциальный агрессор, который нависал над Европой. Одна–две серьёзных международных коллизии, и вот Ирак сейчас. Раскололи Европу при единстве в экономических интересах. Откуда убеждённость в том, что ЕврАзЭС, евразийский союз, сложенный на этих прагматических основах – когда население действительно будет лучше жить – не расколется при наличии какой–то геополитической альтернативы? По отношению к Ирану, например. Ирак немножко далековат

от этих территорий, а Иран ближе гораздо. Если, допустим, американцы то же самое захотят сделать по отношению к Ирану, то всё это экономическое единство интересов может расколоться моментально. Мой первый вопрос – насколько прочна эта экономическая база и долговременна? И второй – относительно активных действий американцев, которые будут проводить свою игру на всём этом пространстве.

Александр Дугин: Мне кажется, что касается Европы, то её рано хоронить. На самом деле нынешняя европейская интеграция в лице оптимального сближения Франции и Германии задала совершенно невероятный ритм становлению Европы самостоятельным, независимым от США геополитическим субъектом. И США, конечно, пытаются воздействовать на своих наиболее приверженных союзников на европейском пространстве для того, чтобы этой интеграции не допустить. Но мне кажется, что это ещё далеко не развал Европейского Союза, наоборот, это ускоренный процесс интеграции.

Я хочу подчеркнуть, что в странах евразийского пространства на постсоветском пространстве влияние американских элит гораздо более слабое, чем в Европе. Мы гораздо ближе друг к другу и если не считать эксцессов суверенности, и неких почти фрондирующих политических элит, ставящих на национализм на постсоветском пространстве, в том числе и в самой Российской Федерации, и испытываем гораздо меньшее влияние США. Нас сближает история, века. Наше единство пошатнулось недавно, и то не до конца нарушилось, и никто ещё таких фундаментальных клиньев вбить не успел, в то время как Европа жила в постоянных междуусобных конфликтах. И тем не менее, Франция и Германия, извечные враги, умудряются между собой найти консенсус и объединяются. Это залог объединения Европы.

ЕврАзЭС и постсоветское пространство на евразийской основе имеют все шансы плотно и фундаментально объединиться, поскольку у нас общие стратегические интересы и единство судьбы. Более того, мне кажется, важ-

нейшим залогом прочности такого объединения является тот факт, что евразийский союз решает все этнические проблемы, в том числе проблемы русских в Казахстане или, скажем, казахов в России, или азербайджанцев в России. Махом, одним ходом, одним жестом, без всяких депортаций, без всяких межэтнических трений, без всяких столкновений и конфликтов мы решаем сложнейшие проблемы о наличии миллионов наших соотечественников, разных, которые оказались в России в состоянии диаспор и страдают от этой национально–государственной модели, в которой они оказались, в том числе от российской.

На мой взгляд, Евразийский Союз – это идеальное решение не только экономических вопросов, но и социальных, как уважаемый профессор Панарин сказал, и этнических, а этнические проблемы – это вызов всей современной цивилизации. Поэтому, столько много плюсов, столько много фундаментальных аргументов в пользу евразийского союза, столько проблем решается одновременно, путем достаточно естественного, логичного, демократического шага, что, мне кажется, вбить клин в это будет очень сложно.

Нурсултан Назарбаев: Хочу добавить только одно предложение, Александр Гельевич, к тому, что вы сказали. Недавно я был в Италии, а перед этим был в Греции, и ещё раз убедился, что, когда они принимают кого–то в Европейский союз – слабых подтягивают. Сегодня Россия и Казахстан имеют финансовые возможности для того, чтобы самим кредитовать слабых членов, поднимать, подтягивать их. Этим я просто хочу ещё раз подтвердить, насколько такое объединение с любой стороны выгодно. Евразийский Союз альтернативы не имеет.

Чингиз Айтматов: Я думаю, что здесь разговор идет все шире и шире, захватывая всё новые и новые сферы нашей современной жизни во всех её аспектах, и это говорит о том, что Евразийский Союз как таковой необходим. Можно до утра рассуждать об этом, и задачи, проблемы будут возникать одна за другой, поэтому наша встреча, когда небольшой круг людей пытается

осмыслить эту громадную задачу, и то, что среди нас сидит человек – автор этой идеи, ещё больше нас сближает в том плане, что необходимо это действительно претворять в жизнь. И, пожалуйста, не смущайтесь, что мы находим общий язык…

И здесь я хочу выделить один аспект: историческая, геополитическая миссия России уже определена, и как бы мы ни спорили, кто бы и как бы ни пытался это иначе взвесить, Россия является центрообразующим фактором на данном этапе истории всей нашей общей судьбы. Россия не может избежать этого, это уже сложилось. У меня лично понимание Евразии – это то, что пролегает от нашей Центральной Азии к России, ближайший к нам Запад, и на Восток вплоть до Китая. Китай – это отдельный материк, это планета, она живёт сама по себе, Индия тем более.

Ведь Евросоюз не возник сразу вот такой, готовенький, это процесс самосовершенствования. Да везде и всюду идёт совершенствование и самосовершенствование, и то, что какие–то небольшие разногласия появились сейчас, на фоне Ирака, это преодолимо, это всё переживётся, а Евросоюз как был, так и остаётся глобальной основой современного миропорядка. Поэтому в отношении России мы все это должны иметь в виду. Тут много, конечно, есть разных аспектов, и экономических, и социальных, и торговых взаимоотношений. То есть экономика – это само собой, без хлеба жить никто не будет, грубо говоря, но помимо этого надо думать, что Россия должна, и это неизбежно, ей никуда не деться, взять на себя эту великую, благородную, историческую миссию.

И, кроме того, я хотел бы ещё подчеркнуть – вы сказали, что сюда входит фактор русского языка. Это, кстати, наше историческое преимущество, в Европе нет такого языка, общего для всех. Там каждый язык сам по себе: итальянский, немецкий, французский – они должны общаться взаимопереводами. У нас уже освоено это, не будем терять этот дар истории, и я с вами полностью согласен, это преимущество, которое будет нам служить в созидании Евразийского союза.

И последнее. Вы упомянули о пантюркизме, нет такого, с моей точки зрения, какого–то особого, уже сложившегося и действующего, противостоящего чему–то, кому–то пантюркизма. Есть культурные сближения, это само по себе, и они будут. Ничего такого отталкивающего, разрушающего я в этом не вижу. И будут, конечно, свои противоречия, будут трудности, будут согласия, несогласия – это всё предстоит, но сама идея, уже высказанная, сформулированная, поданная, обоснованная – она должна служить нам всем, вместе взятым. Евразийский союз – это тот корабль, на палубе которого мы все должны расположиться.

Евгений Волк: Отвечая на вопрос Виталия Товиевича, мне бы хотелось заметить, что политические, интеграционные процессы во внешней политике ЕЭС начались значительно позже, чем началась попытка создать какие–то экономические процессы.

Виталий Третьяков: Я хотел сказать, была та идея, как Алексей Иванович говорил, чтобы вновь не развязалась война, и в частности – погасить противоречия между Францией и Германией.

Евгений Волк: Механизм НАТО для этого существовал, и европейское объединение угля и стали, которое возникло первым, решало главным образом экономические вопросы. ЕЭС возник в 1957 году, когда вопрос о войне с Германией был уже практически снят.

Мне хотелось бы ответить на ваш вопрос о том, возможен ли раскол на почве евразийства. На мой взгляд, – да. Дело в том, что сейчас, если мы видим какие–то общие моменты в области экономики, – таможенный союз, о котором говорил господин Назарбаев, – то во внешней политике ситуация гораздо более аморфная. Я даже не касаюсь Ирана или Ирака, позиции по которым сейчас расходятся во многих странах, входящих в СНГ. Возьмём даже один острый вопрос – Чечня. Настолько ли среди наших партнёров по евразийскому союзу – и в более широком контексте, СНГ – единое отношение к этому вопросу, и настолько ли они едины в поддержке позиции России? В данном случае я говорю об об–

щественном мнении, о настроениях элит, и здесь много вопросов, на которые, на мой взгляд, пока нет ответов.

Алексей Салмин: Я постараюсь ответить на этот вопрос, это моя точка зрения. Тут, на мой взгляд, политические, в каком–то смысле, геополитические интересы превалируют, потому что европейское объединение угля и стали рассматривалось как этап на пути создания будущего, а до этого был план Моне. Что касается Европы, то, если вы заметили, я осторожный оптимист, сдержанный оптимист, но всё–таки оптимист. Так вот ваш аргумент, Виталий Товиевич, по поводу Европейского союза, скорее работает на ЕврАзЭС, на идею Евразийского Союза, как ни странно сравнение.

Ну, во–первых, Европа не распалась, причём не распалась в крайне неблагоприятных условиях, учитывая и обстоятельства возникновения европейского объединения и обстоятельства его существования. Всё это происходило в поле мощного тяготения Соединённых Штатов, внешне вынесенной силы. Ведь на самом деле Европа – это не только Европейский союз, это ещё и НАТО. А в НАТО входят и Соединённые Штаты, и, в общем, понятно, какую они роль там играют. Евразийский союз тоже ведь нельзя сводить к ЕврАзЭС, существует ДКБ ещё, договор о коллективной безопасности, который некоторым образом всё–таки действует. Здесь есть определённый прогресс по сравнению с СНГ, скажем, определённый шаг вперёд. Всё ведь в динамике, система эта напоминает плавильный котёл, всё постоянно меняется, меняется агрегатное состояние Европейского союза, евразийского союза, и, вот чтобы сохранить эту динамику, – которая очевидно есть в ЕврАзЭС, прослеживается её потенциал в ДКБ, – необходимо очень аккуратно выстраивать эти отношения, при том, что действительно Европа сохраняется, несмотря на особые отношения с Великобританией, Соединёнными Штатами и так далее. Здесь, слава Богу, этой проблемы нет. Нет в фундаменте, а значит, фундамент действительно существует.

Виталий Третьяков: Мы должны заканчивать уже, и прежде, чем я задам последний вопрос, может быть, кто–то хочет ещё что–то добавить.

Александр Панарин: Я возвращаюсь к этой идее, что надо почаще привлекать чисто гуманитарные понятия. Здесь упомянули об американской войне против Ирака. Здесь, мне кажется, сразу же возникает один гуманитарный вопрос. Американцев подвела одна идентичность. Они, начиная с неоконсервативной волны, то есть с середины 70–х – 80–х годов, идентифицируют себя как государство правых, государство тех самых рыночников, которые против социальных государств, за естественный рыночный отбор и так далее. Вот это государство правых сегодня всё чаще идентифицируется во многих регионах мира – я, к примеру, разговаривал с ближневосточными мусульманами – как государство, возглавившее мировую глобальную войну богатых против бедных. Вот как идентифицируются США в глазах очень многих людей на мусульманской периферии мира и так далее.

И вот с этой точки зрения Евразии тоже надо определиться, а именно – относительно глобальной поляризации богатого Севера и бедного Юга. Мы говорим: Евразия одинока, евразийская идея не очень популярна, – но я думаю, что, если евразийцы определятся по отношению к этой глобальной поляризации, если они заявят, что мы против войны богатых с бедными, и в частности, проявят свою солидарность с Ираком, с Ираном, с Северной Кореей – безотносительно к политическому строю этих стран – и вот когда мы себя заявим так, у России в мире будет очень много больших друзей. Это будет большинство. Врагов будет меньшинство. А о качестве этого противостояния мы будем говорить так: когда американцы говорят, что нефть – это главный ресурс, они забывают, что ненависть сотен миллионов арабов – это тоже стратегический ресурс, которым американцы пренебрегают. Это тот ресурс, который скажется почище нефти.

Александр Дугин: Я полностью согласен с идеей о том, что Евразийский Союз должен быть социальным союзом, социально ориентированным. Это должна быть конфедерация всеобщего благоденствия, ни в коем случае не либеральная. Но при этом, на мой взгляд, усердствовать в жёстком позиционировании себя на международной арене нам как раз и не стоит. Давайте предоставим Европе возможность спорить, а Россия будет Россией. Мы уже так долго были на переднем рубеже противостояния, что мне кажется, нам надо больше говорить об экономических интересах, о демократии. И в данном случае, я полагаю, что евразийская демократия, принцип прав народов в объединённой Евразии, а также экономические выгоды должны быть поставлены перед нашей гуманитарной миссией. Наша гуманитарная миссия, наше предопределение, наша судьба никуда от нас не уйдёт. Она вписана в нашу кровь, в нашу плоть, в нашу историю. Я боюсь, что все вновь ожидают от нас того, что мы сейчас опять утвердим некий мессианский проект. Мне же кажется, что сейчас такое время, когда это надо отложить и больше говорить о прагматических задачах и о демократии.

Мы должны в рамках этого евразийского союза продемонстрировать некий образец демократии, продемонстрировать соблюдение прав народов, продемонстрировать всю корректность правовых процедур. Сейчас и без нас есть масса претендентов, которые хотят бросить Америке вызов. Я считаю, что это совершенно справедливый вызов. Но евразийский союз, даже если он будет лишь молчаливо согласен с этим, он будет со своей молчаливой позицией гораздо больше пользы приносить, нежели в том случае, если мы опять начнём занимать первые, баррикадные позиции.

Сейчас Европа, арабский мир, Китай, Северная Корея, Иран, Ирак – стоят в этой антиглобалистской борьбе на первых позициях. И замечательно. А нам, как мне кажется, в данном случае надо быть прагматиками: создадим Евразийский Союз, укрепим нашу мощь, экономическую,

военную, культурную, социальную, создадим государство благоденствия, процветания, тогда скажем своё веское, может быть, самое решающее слово в этом вопросе.

Виталий Третьяков: Я задаю последний вопрос, тоже для короткого ответа каждого, чтобы подвести не столько итоги, сколько чтобы каждый акцентировал свою позицию. Но перед этим хочу сказать несколько слов. Всё-таки, мне кажется, – Нурсултан Абишевич, извините, но мы с вами давно знакомы, – вы как президент всё-таки давите, не физически, а несколько ментально на всех здесь. Дело в том, что можно скрывать свои позиции от кого угодно, от самих себя, но это рано или поздно заметят другие и непременно заметят. Укрепляя общую экономику, налаживая, возрождая общие социально-культурные связи, тем более, языковые, – Александр Гельевич уже даже к военной компоненте перешёл, и не случайно здесь был упомянут Договор о Коллективной Безопасности, – неужели мы думаем, что объединённая Европа, или Китай, или Соединённые Штаты Америки будут смотреть на это и не будут думать, что вновь складывается могучий геополитический субъект, который может противостоять Китаю, той же самой объединённой Европе, самим США. Неужели они так благодушно будут наблюдать, как здесь люди хорошо живут, создают государства социального благоденствия в довольно-таки небогатых странах. Нурсултан Назарбаев – президент, он имеет официальный статус, и не может раскрывать все свои тайны, и я надеюсь, что у него есть какие-то ещё вторые, третьи мысли на сей счёт.

Мой финальный вопрос. Я принимаю логику, которой здесь в основном все руководствовались, ну, допустим, нечто созрело, некий смысл, и вот это евразийское единство действительно возрождается. При всех разногласиях внутри Европейского Союза, всё-таки как единый геополитический субъект он уже начинает действовать. И не за горами единая конституция, реальный единый парламент, возможно европейское правительство, и, может быть, даже президент. Мы начинали с другой точки старта и развиваемся, интег-

рируемся в несколько более короткие сроки, так получается. Когда, на ваш взгляд, – если евразийский союз будет складываться по этой модели, – он станет чем–то реально напоминающим хотя бы нынешний Европейский союз, сформируется как консолидированная структура? Через год, через три, через пять, через двадцать пять, через сто двадцать пять? Успеет ли он принять участие в обозримом будущем?

Чингиз Айтматов: Если будет стабильность, если будет пока всё, как есть, ну, я думаю, к десятому году уже будет…

Виталий Третьяков: Довольно быстро. Хотелось бы ещё быстрей. Единый президент, парламент…

Евгений Волк: Если судить по темпам интеграции в рамках европейского сообщества, то я думаю, этот процесс очень длительный, и при самом благоприятном раскладе это растянется на целое поколение, лет 35, 40, может быть, 50. И потом, я вспоминаю исторический разговор Ивана Петровича Павлова с Николаем Ивановичем Бухариным. Бухарин пытался Павлова убедить, как будет хорошо при коммунизме, и Павлов, было, уже согласился, но потом перебежал на другую сторону дороги и крикнул: "А вдруг всё будет наоборот?" Вы сегодня нарисовали идеальную модель евразийства, но мы пока не можем предугадать, какая будет реальная экономическая, политическая ситуация на этом пространстве, какие неожиданности мы можем встретить…

Виталий Третьяков: Если 35 лет, то наверное будет что–то иное.

Александр Панарин: Я думаю, что речь идёт о смене поколения элит. Я думаю, лет 20 всё–таки потребуется, для того чтобы ушли те элиты, которые слишком однозначно связали себя с атлантизмом, с проамериканской политикой в Евразии, которая работает как механизм, как субъект раскола в Евразии, с подачи атлантической идеи. Вот такие элиты должны уйти, и под напором народов они постепенно уйдут.

А во–вторых, должна смениться опять доминанта. 50 лет в Европе, и

вообще в мире, доминировала левая идея, со времён нового курса Рузвельта и до новой консервативной волны США в Европе. Около 50–ти лет. Сейчас доминирует правая идея. Правая идея для Евразии идея не объединительная, а разъединительная. Кстати, она такой оказалась и между США и Европой – на основе правой идеи консенсус сегодня не возник. И я думаю, что Евразия поднимется именно в левой фазе мирового цикла. То есть существует такая цикличность мирового политического процесса, и, в качестве аналогии, есть большие кондратьевские циклы в политике, как и в экономике. Левая фаза была 50 лет, наступила правая фаза, вот эта фаза в значительной мере разрушила евразийское пространство, и Советский Союз, и многое другое. Эта правая фаза бездарно растрачена, скомпрометирована, она кончится раньше, чем она могла бы существовать. И вот на гребне левой фазы мирового цикла поднимутся совершенно новые политики Евразии – носители социальной идеи, носители социального государства, носители социальной интеграции.

Александр Дугин: Я полагаю, что процесс объединения и создания Евразийского Союза – это то, что мы увидим при нашей жизни, при нашем поколении. Я полагаю, что какие–то политические процессы вообще на территории Евразии, на территории России, СНГ, проходят очень быстро, уже набирая какой–то совершенно невероятный ритм, очень много зависит одновременно и от личности. Сейчас, мне кажется, у нас удачная фаза. В России президент – патриот, который действительно болеет и переживает за судьбы государства и народа. Слава Богу, в Казахстане тоже Президент евразиец и изначальный основоположник этой тенденции – это уже немало. Мы видим, что многие руководители СНГ, в частности, в Киргизии Аскар Акаев – тоже сторонник евразийской интеграции. Вы знаете, это исторически счастливое обстоятельство, помноженное на объективные интересы и некие, скажем, социально–политические процессы в наших странах создают опти–

мально благоприятные условия для того, чтобы интеграционные процессы проходили в ускоренном режиме. Это примерно 50 лет, если двигаться по инерции. Но, учитывая благоприятную евразийскую конъюнктуру, сложившуюся сегодня на постсоветском пространстве, это может пройти, действительно, в течение десятка лет, как уважаемый Чингиз Айтматов сказал.

И кстати, я хотел обратить внимание, как легко определить, что такое евразийство. Вот кто такой Чингиз Айтматов? Он писатель чей? Советский классик? Киргизский, советский, русский? – Всё не то. Это великий евразийский гений. И вот когда говоришь, что такое евразийство – это Чингиз Айтматов. Классик евразийской литературы, евразийский гений. Всем всё становится понятно.

Виталий Третьяков: Но, к сожалению, на евразийском пространстве не всё общество состоит из Чингизов Айтматовых. Есть и другие…

Алексей Салмин: Я принципиально отказываюсь отвечать на вопросы о сроках, все прогнозы, которые давались в 40–х, 50–х годах, – тогда они делались в отношении будущего Европейского экономического союза, – оказались, в общем–то, иррелевантными по большому счёту. Мы сейчас открыты всем ветрам, ничто ещё не предопределило версии автоматического развития союза по–настоящему в том плане, в каком нужно оценивать план Назарбаева, по аналогии с планом Ж. Моне. Ничего ещё не предопределено, не гарантировано, всё может пойти в другом направлении. Но если есть воля, если будет воля, если будут выполнены два условия, первое – это объяснение самим себе смысла вот этого объединения, и второе – демонстрация некоего обоснования этого союза нынешнему миру, – вот тогда, действительно, процесс может пойти даже быстрее, чем мы этого сегодня ожидаем.

Когда вы сказали, что, возможно, против этого союза выступят внешние силы, я подумал, что такая возможность совершенно реальна. Вот для того, чтобы этому противостоять, надо, во–первых, действительно обладать волей и мужеством, и предоставить некие аргументы этим силам, которые нагляд–

но продемонстрировали бы, что этот союз и в их интересах тоже. В конце концов, тот же договор о коллективной безопасности не вызывает никаких особых возражений не только потому, что он не так эффективен, как хотелось бы, но, в частности, потому что он выгоден тем же США.

Виталий Третьяков: Когда можно будет сказать, взяв евразийский проект 1994 года, – вот, всё, что намечалось, наконец–то выполнено?

Нурсултан Назарбаев: Хотелось бы дожить до этого момента, но, философски рассуждая, можно сказать, что всё может быть, и ни от чего мы не застрахованы. Во–первых, я считаю, что нам надо сохранить СНГ хотя бы таким, какой он есть. Пусть его называют клубом президентов, местом встреч, и т.д. Это очень полезно, когда главы государств с глазу на глаз снимают какие–то нарастающие конфликтные моменты, свидетелем которых я был.

В СНГ тоже участвуют ассоциированные члены – один подписывает документы, другой не подписывает – это мы тоже знаем. Однако, всё равно, это образование позволило нам мирно разойтись и сохранить отношения глав государств, а значит решать вопросы.

Были и недовольные, вроде меня, теми процессами, которые проходили внутри СНГ. И я знал, что есть лидеры государств, которые готовы к более тесному объединению, нежели СНГ. И я предложил всем желающим, тогда это было четыре государства – Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизстан, более тесную интеграцию в рамках ЕврАзЭС. Потом попросился, в момент гражданской войны, Таджикистан. Мы знали, что интеграция с этим государством очень сложная, там экономика была развалена по объективным причинам, войной, и политическая нестабильность присутствовала, но мы его тоже взяли. Экономики Таджикистана и Киргизстана очень слабые. Объективно, исторически так сложилось – нет ресурсов, нет предприятий, нет работы и так далее. Слабость эта, конечно, нам препятствует.

Я знаю, что сейчас Белоруссия активно взялась за реформы своей экономики. Если так, то дай Бог, чтобы они реформировали свою экономику, и

подтянули к уровню России и Казахстана. Нам тогда легче будет объединиться. Поэтому, давайте мы не будем предопределять сроки, а давайте будем работать в этом направлении – неустанно, каждый день.

Что касается внешних угроз, и угроз вовне, то я согласен с господином Дугиным в том, что от ЕврАзЭС должно исходить демократическое будущее – свободы и права народов. Мы должны показать, что мы никому не угрожаем, мы идём в мировое сообщество, в цивилизованный мир, как все. И у нас есть свои интересы – уважайте их, пожалуйста. Я думаю, в этом случае, не угрожать и разваливать нас будут, а захотят с нами сотрудничать, торговать. Вы посмотрите на карту: какое пространство, какие богатства… Да ни у кого нет таких земельных ресурсов, таких ресурсов минерального сырья, в том числе энергоносителей, таких образованных людей, как у нас. Ни у кого нет таких кадров подготовленных. У нас есть большие преимущества, поэтому давайте не будем предопределять, в каком году мы добьёмся окончательного успеха – я вытащу бумагу и скажу: вот, я победил и так далее... И потом не надо мне приписывать авторство. Я это предвидел, потому как был прагматический подход – я хотел объединить тех, кто хотел объединиться. И я могу даже больше сказать: я уже несколько лет председатель ЕврАзЭС, бьюсь, работаю, занимаюсь объединением, и вот во время последней встречи с российским президентом я ему предложил: давайте создадим единое экономическое пространство России и Казахстана. Никого трогать не будем. Но только всех друзей предупредим, что внешняя граница у нас будет общая, таможня общая. Идентифицируем всё внутри, откроем внутренние границы, тарифы будут одинаковые, все, какие есть – и начнём работать. И покажем остальным через год – смотрите, что такое свобода, открытость и честность. Я на это иду, не разрушая идеи евразийского союза, но ради того, чтобы показать все преимущества. Я привержен этой идее. Убеждён просто, что такое сотрудничество выгодно всем. Я даже иногда не понимаю, когда сам с собой рассуждаю, почему активно не поддерживают такую замеча-

тельную идею. Ну, первое время, понятно, была имперская Россия, Советская, потом, когда СССР распался, какие-то депутаты, политики выступали, что, мол, вот, это возврат к советскому, имперскому прошлому и т.д. Ну, теперь-то это уже несерьёзно. Теперь уже, прожив в условиях независимости двенадцать лет, этот аргумент надо снимать. Тем более сейчас, когда в России другая ситуация, другой президент, искренне желающий процветания России. Но и он тоже осторожничает – как бы ему не сказали о том, что вот он пришёл во главу России и опять хочет что-то к России прихватить. Надеюсь, что когда следующее поколение придёт, наверное, не будет этого. Новое поколение уже будет свободно от этого, будет думать как-то по-другому, геополитически. Работать нам всем надо в этом направлении, денно и нощно, чтобы так случилось.

Виталий Третьяков: Спасибо. Когда мы говорили, и я, в частности, употреблял термин "план Назарбаева", конечно, не имелось в виду, что Нурсултан Абишевич единственный, кто до этого додумался. Просто из официальных лиц такого уровня, из президентов стран СНГ, тогда он был единственный, кто чётко это проартикулировал, и более того, создал текст, на основе которого можно было евразийский проект претворять в жизнь. Конечно, в этом смысле, евразийская идея, и даже не сто и не сто пятьдесят лет имеет под собой основу, а больше, вплоть до Золотой Орды можно вести преемственность. И я думаю, что из этой передачи кто-то всё-таки уловил этот смысл, смысл права на существование вот этого евразийского пространства, как чего-то более организованного, чем сейчас. Если это сложится. Посмотрим.

Список публикаций, использованных в книге

Часть 1. Евразийское время Нурсултана Назарбаева

А. Дугин "Евразийское время Нурсултана Назарбаева". Газета "Евразийское Обозрение", №2, 10 августа 2001 г.
А. Дугин "Грани Большого Проекта". Газета "Казахстанская правда", №64 (24374), 30 марта 2004 г.
А. Дугин "Путин и Назарбаев стоят на евразийских позициях". Экспертный интернет–портал "Kreml.org", 20 января 2004 г.
А. Дугин "Темпы развития казахстанского общества не могут не впечатлять". Экспертный интернет–портал "Kreml.org", 24 марта 2004 г.
А. Дугин "Я вижу миссию Назарбаева планетарной". Казахстанская газета "Страна и Мир", 17 октября 2003 г.
А. Дугин "Десять лет евразийскому вектору". Газета "Евразийское обозрение", №11, 20 апреля 2004 г.

Часть II. К новой федерации: интеграция постсоветского пространства

А. Дугин "СНГ – первый шаг большого пути". Доклад на заседании аналитического клуба "1 канала", 30 января 2003 г.
А. Дугин "Евразийская система безопасности". Опубликована с названием "Евразия будет сделана и делается уже", "Российская Газета", №120 (2988), 4 июля 2002 г.
А. Дугин "Шаг к многополярному миру". Журнал МИД РФ "Международная жизнь". Март 2003 г.
А. Дугин "Они зачали империю". Интернет портал "Политком.ru", 21 января 2004 г.
А. Дугин "Особый путь: Евразийская автаркия". Газета "Ведомости", 20 марта 2003 г.
А. Дугин "Новая экономическая империя". "Российская газета", 4 ноября 2003 г.
А. Дугин "Умножение на четыре". Газета "Труд", 27 сентября 2003 г.
А. Дугин ""Евразийский союз" как символ постиндустриальной геополитики". Опубликована с названием "Россия как демократическая империя". Газета "Известия", 31 мая 2003 г.
А. Дугин "Либерализм и империя: симбиоз или альтернативность?" Опубликована с названием "Мироустройство: Актуальность империи", газета "Ведомости", 16 октября 2003 г.

Часть III.
Нерушимая ось:
Москва–Астана

А. Дугин "Общность судьбы – евразийское решение". Выступление на круглом столе в "Президент–отеле", 14 мая 2003 г.
А. Дугин "Императив нашего объединения и сближения записан в саму географическую картину наших стран". Экспертный интернет–портал "Kreml.org", 30 января 2003 г.
А. Дугин "В странах СНГ будет теперь непрерывный "Год Евразии". Выступление на круглом столе в МГУ, март 2004 г.
А. Дугин "Казахстан и Россия – евразийский блок". Казахстанская интернет–газета "Навигатор", 23 октября 2001 г.
А. Дугин "Строительство евразийского союза – это не ожидание дождя". Опубликовано с названием "Народы Евразии хотят демократической империи", "Известия–Казахстан", № 77 (622), 30 апреля 2003 г.
Азимабай Гали против Александра Дугина. Фрагменты пресс–конференции в Алматы, сентябрь 2003 г.
"Восток – дело тонкое". Стенограмма программы "Материк" на телеканале ТВЦ, 10 июля 2003 г.
А. Дугин "Евразийство, глобализм и судьба искусства". Казахстанская газета "Эпоха", 10 мая 2003 г.

Часть IV.
Евразийство – взгляд в будущее

А. Дугин "Евроазиатская интеграция стран постсоветского пространства". Экспертный интернет–портал "Kreml.org", 16 ноября 2003 г.
А. Дугин "Мы все обречены на евразийство". Журнал "Евразия сегодня", ноябрь 2003 г.
А. Дугин "Эволюция евразийства: от истоков до современности". Опубликована с названием – "Уникальность евразийского подхода". Казахстанский информационно–аналитический журнал "Мир Евразии", июнь 2003 г.
А. Дугин "Евразийская идея в качественном пространстве". Выступление на "Евразийском форуме", Москва, 26 июля 2003 г.
А. Дугин "Евразийская полифония народов". Казахстанская интернет–газета "Навигатор", 20 апреля 2002 г.
"Будет ли создан евразийский союз?" Программа Виталия Третьякова "Что делать?", канал "Культура", май 2003 г.

Оглавление

Александр Гельевич Дугин

Евразийская миссия Норсултана Назарбаева

Составитель В. Коровин
Редактор Н. Мелентьева
Корректор М. Душин
Верстка, оформление обложки Т. Кольцова

Сдано в набор 09.04.04. Подписано в печать 01.07.04. Формат 60x90/16
Гарнитура Helios CondLight. Усл.печ.л.18. Тираж 1 500 экз. Заказ №
Москва, 115432, 2–й Кожуховский пр., д.12, стр.2, «Международное Евразийское движение»
Тел./факс: (095) 783–68–66

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Московская типография №6»
115088, Москва, Южнопортовая ул., д.24